

ЖАННА Д'АРК

Анатоль
Лебандобский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Шел девяносто первый год Столетней войны. Жанне шел семнадцатый.

Безмерно страдал французский народ, стране угрожала катастрофа. Именно тогда и пришла Жанна... О жизни, подвиге, трагической судьбе Орлеанской девы рассказывает книга историка А. П. Левандовского. В ней нет ни выдуманных автором героев, ни созданных творческим воображением ситуаций, ни придуманных диалогов, все факты взяты из достоверных источников. И тем не менее это самое яркое, эмоциональное, волнующее повествование о простой девушке, неграмотной крестьянке, которой удалось совершить то, что оказалось непосильным даже для опытных, закаленных в боях военачальников. Всего лишь год провела Жанна в походах и сражениях, а затем – преданная, проданная, обманутая – еще целый год сражалась с другим врагом – суровой и безжалостной инквизицией. В девятнадцать лет она вошла на костер – и в бессмертие.

- [Анатолий Левандовский](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)
- [КНИГА ТРЕТЬЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
- [КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЖАННЫ Д'АРК](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

Анатолий Левандовский
Жанна д'Арк

Памяти Режин Перну, Орлеанской девы XX века

ОТ АВТОРА

Эта книга впервые увидела свет в 1962 году. Двадцать лет спустя, стимулированное 550-летним юбилеем Орлеанской победы, появилось второе, значительно переработанное и дополненное издание. С тех пор утекло много воды. Вышли сотни статей и книг о Жанне как на ее родине, так и за пределами Франции, кое-что даже было переведено на русский язык. И, как и в прежние времена, не было недостатка в «новациях» и вывертах, против которых так страстно боролась недавно ушедшая от нас Режиин Перну.

Что же до пишущего эти строки, то его «концепция» Орлеанской девы, несмотря на все эти передряги, осталась неизменной и верной памяти незабвенной основательницы Центра Жанны д'Арк. Разумеется, были учтены все критические (очень немногочисленные) замечания рецензентов и читателей, но этим дело и ограничилось. В целом новое издание повторяет с небольшими изменениями книгу 1982 года, включая иллюстрации и авторские картосхемы.

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЕЛИКАЯ ЖАЛОСТЬ

...Но есть и другая жалость – истинная, которая требует действий, а не сентиментальных переживаний; она знает, чего хочет, и полна решимости, страдая и сострадая, сделать все, что в человеческих силах и даже свыше их. Если ты готов идти до конца, до самого горького конца, если запасешься великим терпением – лишь тогда ты сумеешь действительно помочь людям. Только тогда, когда принесешь в жертву самого себя, только тогда!..

Стефан Цвейг

Глава 1

КАПИТАН ВОКУЛЁРА

Сир Робер де Бодрикур пребывал в тяжелом раздумье. Голова гудела с похмелья, клонило ко сну; но он не лежал, нет, он сидел в своем высоком кресле и думал.

До сих пор сир Робер был вполне доволен судьбой. Ему неизменно везло. Сын небогатого дворянина, он сделал блестящую карьеру. Вот уже четырнадцать лет, как он занимает две доходные должности: бальи Шомона и капитана Вокулёра. Еще молодым человеком он женился на богатой вдове, а когда та скончалась, предложил руку и сердце еще более богатой сеньоре, опять вдове. Новая супруга его, госпожа Аларда де Шамбле, была стара и некрасива. Но это не беспокоило доблестного капитана. Мало ли молоденьких и хорошеньких крестьянок в его округе? И пусть хоть одна осмелилась бы отказать могущественному бальи!

Бодрикур слыл честным и нелюбимым судьей; он разбирали крестьянские тяжбы, взыскивая за это положенную мзду, и вешал разбойников, когда те попадались под руку. При этом, однако, он умел ладить с хищными сеньорами окрестных мест, покрывал их темные делишки, всегда имея долю в добыче. И даже из этой войны сир Робер извлекал тысячи выгод. Когда представлялась возможность, он совершал лихие набеги, разорял деревни, захватывал крестьянские пожитки, угонял скот; разве не был обязан бальи наказать мужиков, сочувствующих противнику? Правда, сира Робера обвиняли, что он не слишком разбирался, где противник. Поговаривали, будто иногда он сражался за своих, а иногда и против. Но капитан Вокулёра всегда мог ответить, что в этой войне и сам дьявол не отличил бы чужих от своих. Да, у него было много друзей среди врагов и врагов среди друзей, но он по мере сил ладил и с теми и с другими. А дураком и теленком он не был никогда, нет, он никогда не бежал от своей выгоды. Однако – увы! – всему на свете бывает конец. Пришел конец и его капитанству. А еще несколько дней – и прощай, старый бальяж...

Бодрикур невольно вздохнул. Прямо удивительно, как одни события цепляются за другие! И как трудно иной раз предвидеть, чем обернется для тебя удача!..

Все началось, когда он, сир Робер, только утвердился в своих должностях. Король Карл VI впал в безумие, а его супруга, королева Изабо,

предалась любовным утехам. Франция вновь возвращалась к временам безвластия: провинции отпадали от центра, никто никого не желал слушать и признавать. Вот когда пошла потеха! Знай грабь да прибирай, что плохо лежит! Сиятельные господа подавали пример. Герцоги Бургундский и Орлеанский, братья короля, разоряли целые княжества и, претендуя на первую роль в королевстве, поедом ели друг друга. Бургундцы зарезали герцога Орлеанского, а сторонники орлеанской партии, заполучив безумного короля, вступили в Париж. Арманьяки,^[1] как окрестило победителей население столицы, торжествовали недолго. Разгневанный герцог Бургундский призвал английского короля к возобновлению войны. В ночь на 13 августа 1415 года Генрих V Английский высадил войска в устье Сены и почти без сопротивления овладел севером Франции. Разграбленные города один за другим попадали в руки годонов.^[2] В октябре при Азенкуре войско Карла VI было разбито наголову и цвет французского рыцарства оказался в плену у англичан. Со времени Креси и Пуатье^[3] Франция не знала столь тяжких поражений. Азенкур открыл дорогу на Париж. Взбешенные арманьяки попытались исправить дело убийством Жана Бургундского. Но это привело лишь к тому, что сын покойного, герцог Филипп Добрый, провозгласив себя мстителем за отца, заключил союз с Генрихом V. Королева Изабо, купленная союзниками, заявила, что юный дофин Карл не сын французского короля. Сумасшедшего Карла VI тут же заставили подписать позорнейший договор в Труа, устранявший дофина от права наследования и вручавший это право Генриху V. Вскоре, правда, оба соперника – Карл VI и Генрих V – неожиданно умерли. Но договор остался договором: новый английский король Генрих VI еще нежился в колыбели, а регент герцог Бедфордский продолжал завоевывать для него второе королевство. Англичане, поддерживаемые бургундцами, продвигались на юг. Народ как умел сопротивлялся проклятым годонам. Завоеватели отвечали расправами... Впрочем, до всего этого сир Рoberу не было ровно никакого дела: до поры до времени сам он с выгодой пользовался сложившейся обстановкой и ловил жирную рыбку в мутной водичке. Однако к лету 1428 года положение круто изменилось. Англичане дошли до Орлеана – ключевой крепости на Луаре. Вся Шампань, а вместе с ней и Шомонский бальяж оказались под их властью. Вокулёр был окружен врагом. Сир Робер, по чести говоря, не считал годонов и бургундцев своими врагами. С ними он вел постоянно кое-какие дела, заканчивавшиеся всегда успешно. Новые хозяева Шампани также не желали зла обходительному капитану. Но у них были свои кандидаты на доходные

места. И поэтому Бодрикуру просто указали, что в течение августа сего года он должен передать свой пост английскому ставленнику сиру Антуану де Вержи. Только и всего. Мало того, они оказались настолько любезны, что, когда Бодрикур попросил отсрочки, согласились и на это: он и по сей день исполнял должность капитана Вокулёра.

Исполнял!.. Одно это слово приводило благородного бальи в неопишную ярость. Проклятие! Он полтора десятка лет сидит на этом месте, он прирос к нему, знает все ходы и выходы, все соблазнительные возможности. И вдруг – убирайся на все четыре стороны!.. Нет, так просто он не уйдет. Он будет тянуть, пока возможно. Тянуть и надеяться. На что? На чудо?.. А хотя бы и так! Разве не может произойти новых изменений? Ведь дофин Карл, хоть и рохля, не пожелал подчиниться англичанам, а провозгласил себя королем! Пусть сегодня этого «буржского короля» признает лишь часть Южной Франции, что будет завтра – никому не известно. А уж если говорить о чуде... У него, у Бодрикура, как раз есть кое-что на примете...

Месяцев восемь назад один его подданный из деревушки Бюре, что в полулье от Вокулёра, привел к нему молоденькую девчонку. Крестьяночка выглядела лет на шестнадцать, была ладно сложена и недурна собой. Таких сир Робер обычно не пропускал. Но эта его неприятно поразила. Она, видите ли, без тени смущения заявила, что призвана спасти Францию! Она стала требовать, чтобы капитан отправил ее с конвоем к королю, которого называла дофином и которому якобы должна была сказать нечто важное. Она пророчествовала и утверждала, что действует по велению свыше.

Бодрикур не любил самозванных пророков. Девка была явно не в своем уме. Что оставалось делать? Бросить ее для прочищения мозгов на несколько дней в холодную? Сир Робер был в благодушном настроении. Ему почему-то стало жаль девчонку. Он подозвал ее провожатого и приказал отвести юную «святую» домой к родителям.

– Передай ее отцу, – добавил заботливый капитан, – чтобы он надавал ей хороших пощечин!

Вскоре Бодрикур забыл об этом происшествии и никогда бы о нем не вспомнил, если бы вдруг в эти горестные дни упрямая крестьянка не появилась снова. Она была в том же вылинявшем платьишке и с тем же спокойно-упрямым выражением лица. На этот раз она проявила большую настойчивость. Жанна – так звали крестьянку – утверждала, что Господь повелевает ей идти к королю, возглавить армию, снять осаду с Орлеана и короновать Карла в Реймсе как законного повелителя Франции.

И тогда Бодрикура вдруг осенило: уж не якорь ли это спасения, посланный судьбой? А что, если девчонка и вправду Божья избранница? Быть может, она знает, что говорит. Почему бы не попытаться счастья?.. Если она поможет королю, тогда ему, Бодрикуру, успех обеспечен. Тогда он опять бальи и капитан, а то, глядишь, и некто поважнее. Если же от девки проку не будет – что ж, в этом не его вина. Так или иначе, король увидит, что напуган Вокулёра озабочен его делами, и при случае не забудет этого. А кто знает, как еще может все обернуться?.. И капитан Бодрикур на этот раз не упоминал о пощечинах. Он ласково поговорил с Жанной и предложил ей подождать.

Вскоре, однако, ему пришлось пожалеть о своем поступке. «Святая» не давала ему покоя. По нескольку раз на день она приходила и требовала, чтобы отъезд был ускорен.

– Если бы мне пришлось ползти на коленях, и это бы меня не остановило, – упрямо твердила она капитану, пугавшему трудностями пути.

Вот и сегодня она здесь. И опять тот же бесконечный и так хорошо знакомый разговор: Господь Бог, голоса святых, спасение Франции...

Бодрикур и не пытается сдерживать зевоту.

– Я должна идти, хотя с большей бы радостью осталась у матушки и занималась домашними делами. Но мне суждено не это. Всякий обязан выполнять свой долг...

Сир Робер не слушает Жанну. Он окидывает ее ленивым взглядом. А ведь правда в девчонке что-то есть! Сколько энергии, сколько страсти!.. Упругие девичьи формы так и пышут здоровьем и молодостью... Красивое, живое лицо, густые волосы... Если бы ее приодеть немного... Или раздеть совсем...

– Крошка Жаннетта, – перебивает он ее внезапно, – все это правильно, ты умница и ведешь отменные речи. Но как ты думаешь, не сделать ли нам с тобой для начала славного ребеночка?..

В первый момент Жанна не понимает. Она молча смотрит на Бодрикура. Потом ее брови взлетают кверху, а рука застывает в протестующем жесте.

Такое капитану приходилось видеть не раз. Но вот что необычно: девушка совсем не проявляет боязни. Она абсолютно спокойна, будто знает наверняка, что ничего не произойдет.

– Нет, дорогой сир Робер, – говорит она решительно, – об этом и не помышляйте. Господь не допустит подобного. Чтобы иметь силу, я должна

остаться чистой перед Богом и людьми.

И сир Робер сразу скисает.

Черт возьми, а ведь девка права! Брюхатой она и гроша стоить не будет...

Сир Робер не отличался чрезмерным благочестием. Он не страшился Господнего гнева. Но всегда умел хорошо соблюдать свои материальные интересы.

Глава 2

ВЕЛИКАЯ ЖАЛОСТЬ

В основе всего была жалость. Жалость породило горе. Горе принесла война.

Войну Жанна знала с тех пор, как помнила себя. Война была повсеместной, постоянной, неотвратимой как рок.^[4] Подобно чуме или моровой язве, опустошала она города и села, распахивала поля под кладбища, сеяла ужас и смерть.

Первое из воспоминаний детства – зарево. Кругом темно, а на горизонте за лесом багрово-красная полоса, врезанная в черноту неба. Такого Жанна еще не видела; от удовольствия она захлопала в ладошки. На нее сердито прикрикнули. Мать, державшая ее на коленях, прижала крепче к груди. Уже засыпая, девочка заметила хмурое и необычно напряженное лицо отца.

А наутро было очень, очень хорошо. Солнышко светило ярко, щебетали птицы, и все были утомленные, но веселые. Отец говорил, что удалось избежать большой опасности. Сражение произошло далеко за рекой, у деревни Максэ. Банда сеньора де Саарбрука, захватив добычу и пленных, прошла стороной, освещая свой путь подожженными крестьянскими посевами...

Жанна помнила, что жили они тогда не у себя. Крестьяне Домреми под угрозой смерти и разграбления перебрались на остров, лежавший посередине Мааса, против их деревни. Здесь, на острове, стоял полуразвалившийся замок сеньоров де Бурлемон. Замок давно был необитаем. Крестьяне использовали его как убежище.

Жанне очень нравилась эта «островная крепость». Вместе с другими девочками и мальчишками она обследовала здесь каждый камень, каждый закоулок. Особенно интересно было взбираться по разрушенным ступеням на самый верх большой дозорной башни. В просветы между зубцами были видны все окрестности Домреми. Маас казался широкой серебристой лентой, вьющейся причудливым зигзагом. За мостом темнела деревня Гре, примыкавшая к Домреми, расходились дороги на Вокулёр и Невшато, а дальше необозримо тянулись луга, поля и леса.

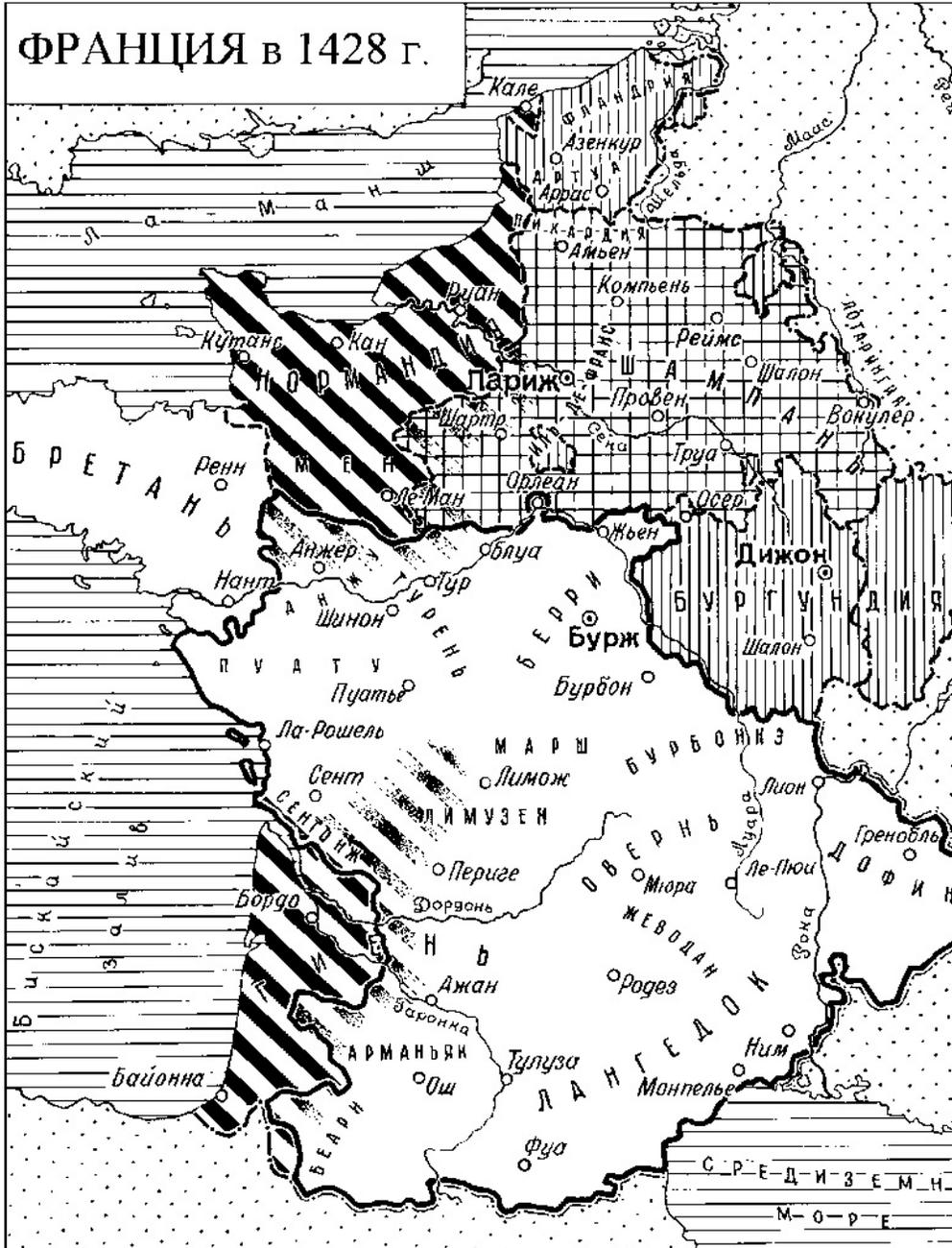
Вот он, дубовый лес Шеню, начинающийся у самой деревни. Его

очень любила Жанна. Если всмотреться повнимательней, можно различить узенькую полоску на опушке леса. Это Смородинный ручей, вода которого так холодна и приятна на вкус. А рядом огромный старый бук, вокруг которого феи некогда любили водить хороводы.

Жанна подолгу разглядывала все эти знакомые места. Сверху и издали они выглядели совсем иначе. Иногда ей казалось, что перед ней необычная, сказочная страна, а сама она – королева этой страны.

И как страшно было из чудной страны грез спускаться вниз, в мрачное подземелье замка!.. Жанна слышала от старших, что здесь, под низкими сырыми сводами, сеньоры де Бурлемон когда-то держали пленников. Дети с опаской трогали ржавые цепи, осматривали груды белых костей, сваленных в углу. Крохотные оконца даже в яркий солнечный день давали лишь тусклое подобие света. Говорили, что, когда весной Маас разливался, вода достигала этих щелей и наполовину затапливала смрадные камеры подземелья. Это было царство кошмара и смерти. Ужас душил Жанну, слезы подступали к горлу... Но она не плакала, так как знала, что достаточно подняться наверх и все станет другим, совсем другим.

ФРАНЦИЯ в 1428 г.

- Границы Франции в 1428 году
- Территории, захваченные англичанами
- Владения герцога Бургундского
- Территории под совместным англо-бургундским управлением
- «Буржеское королевство»

Эти свои ранние впечатления маленькая крестьянка из Домреми прочно хранила в памяти и в сердце. Позднее она поняла, что так бывает и в жизни: после сказочного взлета, после солнца и счастья наступает падение и давящий ужас мрака. Но она не боялась этого. Она знала, что мрак не может убить света, что солнце все равно выйдет из тьмы, что сила человеческого духа – чудесная страна, возвышающаяся над смрадным царством лжи, несправедливости и тяжелого гнета.

Прямая угроза миновала. Беглецы покидали «островную крепость» и возвращались в деревню. Перебралась в свой старый дом и семья крестьянина Жака Дарка.^[5]

За дни отсутствия здесь ничего не изменилось. В приходской церкви еще не возобновилась служба. Можно было потихоньку проникнуть в храм, пробраться к алтарю и разглядывать темные лики святых. Жанна очень любила это занятие. Ее неизменным героем был святой Михаил, бравый рыцарь в блестящих доспехах, пронзавший мечом страшного дракона. О, если бы такой рыцарь стал на защиту ее деревни, плохо пришлось бы лотарингским бандитам!..

Вместе с друзьями Жанна бежала проведать лес Шеню, помечтать у Смородинного ручья и узнать, не вернулись ли феи к своему любимому буку. Но феи не возвращались. Зато сколько кругом было грибов и ягод...

Долго гулять Жаннетте не довелось. Вся ее семья трудилась с утра до ночи. Старшие дети давно помогали родителям. Теперь пришел и ее черед. Но девочка не унывала. Всякое дело спорилось в ее проворных руках. Она пряла и ткала, шила, стирала и убирала дом, пасла овец и ухаживала за коровой. Добрая мать обучила Жанну нескольким молитвам. Единственно, чему ее не научили, это читать и писать. Некогда было, да и некому: взрослые сами не знали грамоты. Предел мечтаний честного Жака Дарка не шел дальше самого скромного благополучия семьи: чтобы все были сыты и кое-как одеты.

С некоторых пор Жаннетта стала внимательнее присматриваться к окружающей жизни. Она заметила странное обстоятельство. Все ее друзья-ребятишки были и одинаковы и неодинаковы. Все они играли в горелки, работали и разбивали друг другу носы. Но было нечто, различавшее их, как и их родителей. Почему-то одни работали больше, другие меньше, и тот, кто больше работал, чаще оказывался голодным.

Жанна поняла причину этого, когда немного подросла.

Маас разделял Домреми на две части. Крестьяне, жившие, как и Жанна, по эту сторону реки, считались подданными государства, лично

свободными людьми. Они обрабатывали свои наделы и платили налоги королю. По ту сторону Мааса, на южном берегу, обитали крепостные крестьяне, сервы, принадлежавшие наследникам сеньоров де Бурлемон. Сеньор был полным их господином. Они выполняли тяжелые барщины, несли многочисленные оброки. Они не имели ни свободы передвижений, ни права вступать в брак по своей воле, да и своими жалкими пожитками они не всегда могли распорядиться.

Жанна была глубоко опечалена и возмущена. Почему Господь допускает такое? Разве не созданы все люди равными и одинаковыми по образу и подобию Его?..

И все же не это было самым страшным. И свободные, и крепостные уравнивались произволом алчных господ. Сеньоры мало считались с королевским правом. Феодалная война, беспрерывно кипевшая во Франции, одинаково била и сервов, и лично свободных вилланов. Разве задумывался сир де Саарбрук, чьи посевы он выжигает и топчет, крепостных или свободных? Разве интересовало могущественного герцога Бургундского, свободных или крепостных грабят его лихие капитаны во время разбойничьих рейдов? Теперь, когда в стране исчезла центральная власть, сеньоры чувствовали себя полными хозяевами не только в своих поместьях. Они не боялись ни Бога ни дьявола, грабили, насильовали и убивали.

Чем больше слабела страна, тем сильнее увеличивалась их жадность и жестокость. И крестьяне невольно обращали взоры на короля. Сильный монарх воплощал единое государство, а единое государство ослабляло произвол господ. Мудрено ли, что несчастный землепашец, равно страдавший от хозяев иноземных и хозяев своих, все упования и надежды возлагал на Бога и государя? Но Бог был далеко. А государь...

Англичане прогнали принца Карла за Луару, и, хотя он провозгласил себя королем, в глазах населения он оставался дофином, наследником престола. Для того чтобы стать законным главой государства, Карлу нужно было пройти обряд миропомазания на царство в городе Реймсе, церковной столице Франции, где короновались все французские монархи. Но Реймс окружили враги. У Карла не было ни энергии, ни сил, чтобы туда пробиться.

Жанна часто думала о юном дофине. Он представлялся ей добрым и прекрасным принцем из волшебной сказки, преследуемым жестокой матерью-мачехой, со всех сторон окруженным опасностями и коварными врагами. А ведь его враги – это враги всего народа, враги милой Франции!..

Война упрямо вторгалась в жизнь. Она проникала даже в детские игры, а игры, в свою очередь, перерастали в настоящие битвы.

Деревня Максэ, расположенная к востоку от Домреми, принадлежала герцогу Лотарингскому. Жители Максэ считали себя сторонниками Филиппа Бургундского, с которым их герцог имел союзный договор. Однажды несколько мальчишек из Домреми, бегавших в школу в Максэ, вернулись домой с окровавленными лицами: ребят поколотили парни из Максэ, назвав их «арманьяками». Без отмщения этого оставить было нельзя. Юные «арманьяки», устроив засаду за Маасом, дали «проклятым бургундцам» такую взбучку, что те едва унесли ноги...

«Война» разгоралась и грозила увечьями. В дело вмешались взрослые. Неизвестно, чем закончилась бы эта история, если бы не произошли события, быстро примирившие местных «арманьяков» и «бургундцев».

Шел 1425 год. Англичане заняли бальяж Шомон и подошли к кастелянству Вокулёр.

Теперь ночное зарево не было диковинкой для жителей Домреми. Вновь «островная крепость» стала обиталищем испуганных женщин и детей. Дежурные ни на час не покидали бойниц дозорной башни. Тревожно звучал колокол...

Капитан Бодрикур сражался с сеньорами де Вержи. Обе стороны усердно жгли и разоряли деревни, забирали хлеб, вино, домашний скарб, угоняли скот. Десятки бургундских и английских банд, вмешиваясь в борьбу, добирали и добивали то, что еще оставалось и дышало. Обрушилась беда и на родную деревню Жанны...

«Островная крепость» спасла жизнь многим обитателям Домреми, но не спасла их имущества. Когда бандиты ушли, они увели скот и унесли все, что смогли разыскать в крестьянских домишках. Плач и стон стояли над Маасом. Десяткам семей грозила неотвратимая голодная смерть...

И тогда пришла жалость.

Жанна давно уже была не такой, как все дети. Она больше не играла, не водила хороводов с подругами, редко смеялась. Ее видели неизменно задумчивой и молчаливой. Часто и подолгу она бывала в церкви. Она старалась помочь всякому, чем могла: ходила за ранеными и больными, заботилась о неимущих. Над ней иногда посмеивались, а чаще удивлялись. Но никто не имел понятия о том, что творилось в ее душе. А душа Жанны горела неугасимым огнем. Ее сердце кровоточило. Ей было безумно жаль

всех: и родителей, и односельчан, и соотечественников из далеких провинций, и одинокого дофина. И всего больше жалела она милую измученную Францию.

Широко раскрытыми глазами смотрела девочка на жизнь, такую страшную и такую желанную. Она чувствовала неизъяснимую потребность сделать что-то большое, важное для блага всех. Ей казалось, что она слышит голоса, призывавшие к подвигу. Ей представлялись образы, неясные, но дорогие сердцу. Она хорошо знала эти образы и голоса. Они принадлежали тем, на кого ей всегда велели уповать, кого она видела на изображениях, о ком слышала в рассказах и молитвах. Это был прекрасный рыцарь, попиравший дракона, – святой Михаил; с ним вместе являлись святые Екатерина и Маргарита, покровительницы несчастных и угнетенных. Все они говорили от имени Бога. Впервые Жанна услышала их голоса, когда ей было тринадцать лет. Потом они стали являться постоянно...

Да, Жанна была не такой, как другие. Она глубже чувствовала, острее переживала и мыслила образно.

Но голоса, которые слышала девушка, действительно раздавались: это были вопли измученных людей, стоны страдающей родины, зов ее большого и чуткого сердца. Именно поэтому она так вслушивалась в эти голоса и следовала неуклонно всем их предначертаниям.

В деревне стала известна легенда о том, что Францию погубит женщина, но спасет девушка. Девушка придет из Лотарингии, с французского пограничья.

Где родилась эта легенда? Откуда возникли в ней уточняющие подробности? Этого никто не знал. Но Жанну это не интересовало. Она сразу встрепенулась.

В Бовези и Нормандии действовали партизаны. Имена Робена Кревена, Жанена Гале или простого крестьянина Ле Руа – бесстрашных вождей летучих отрядов – были известны всем. Патриотические заговоры и партизанские группы создавались повсюду. Иногда в них участвовали женщины...

Вот он, правильный путь! Милой Франции можно оказать услугу лишь на поле брани! И не об этом ли говорит легенда, ни к этому ли призывает ее? Женщина, погубившая Францию, – это королева Изабо, продавшая страну врагу и отринувшая собственного сына, наследника престола, – здесь нет сомнений. А девушка? Девушка с лотарингской границы?..

Сердце Жанны лихорадочно стучало.

Разве не ей Господь подает свои знаки? Не она ли слышит призывы неземных голосов? Не у нее ли в душе зародилась великая жалость?..

Да, конечно же это ее жребий. Родина ждет ее. И она придет. Она выполнит свой долг до конца.

Но как сделать это? Как ей, бедной неграмотной крестьянке, преодолеть все преграды, стоящие на пути?..

Кто упорно ищет – находит. Вскоре девушке представился случай испытать судьбу.

Жак Дарк, человек честный и работающий, пользовался уважением и почетом среди односельчан. Его неоднократно избирали старостой. Теперь община уполномочила его вести тяжбу в Вокулёре. Кряхтя, запряг старик лошадку и покатил в город. Здесь ему пришлось иметь дело с самим сиром Робером. Бодрикур был не горд в отношениях с простыми людьми и охотно принимал их у себя. Замок сира Робера, равно как и его владелец, поразили воображение крестьянина. По возвращении домой только и разговору было, что о визите к благородному правителю Вокулёра. Отец упомянул между прочим, что капитан стоит за партию дофина и поддерживает с ним постоянный контакт.

Жанна внимательно прислушивалась к беседе старших.

Вот откуда следует начинать! Надо немедленно идти к Бодрикуру и просить, чтобы он переправил ее в королевский замок!

Зная, что родители не одобряют этой затеи, Жанна и словом о ней не обмолвилась. Она попросила разрешения навестить одну близкую семью, проживавшую в деревне Бюре на пути из Домреми в Вокулёр.

Дюран Лаксар состоял в отдаленном родстве с Дарками. Но так как он был на шестнадцать лет старше Жанны, она величала его дядей. Дядя любил свою названую племянницу. Зная его доброту и порядочность, Жанна доверяла ему во всем. Однако когда честный Дюран услышал столь необычные признания и просьбу сопровождать девушку в Вокулёр, он пришел в замешательство. И было отчего! Такая блажная идея могла смутить кого угодно! Но Жанна пресекла возражения. Она напомнила легенду о девушке из Лотарингии. Она обладала более сильной волей, чем ее «дядя», и, прежде нежели добряк успел опомниться, он уже прочно связал себя согласием и обещанием...

...Провал первой попытки глубоко опечалил Жанну. Дюран, как мог, старался утешить девушку. Впрочем, внешне Жанна осталась спокойной. Ее решимость не была поколеблена. Она свято верила в свою звезду.

Но в тайне неудачная миссия Жанны не сохранилась. Возвратившись в деревню, она поняла, что слухи делают свое дело. На нее указывали пальцами и смеялись. Да и на расспросы родителей девушка не могла отвечать молчанием. Жанна не знала лжи. Волей-неволей пришлось объясниться.

Отец пришел в ярость. Высокие идеи Жанны были ему непонятны. Ему представлялось всё проще: дочь хочет спутаться с солдатами и превратиться в публичную девку.

– Если это действительно так, – кипятился отец, – и братья тебя не убьют, я утоплю тебя собственными руками!

Мать вела себя сдержаннее. Но и она была потрясена. Впрочем, она знала, что нужно делать. Девчонка подросла, превратилась в девушку, вот и лезет в голову дурь. Пора подобрать ей хорошего жениха и выдать замуж. Пойдут дети, появятся новые заботы, пустая блажь пройдет. И жених-то ведь есть на примете. Один хороший, работающий парень, сын честных родителей, давно пялит глаза на Жаннетту, да не знает, как подступиться...

О замужестве Жанна и слышать не хотела.

Однако мать не сдалась. Слишком дорого было ей счастье родного дитяти, чтобы пускать все на волю волн. Не хочет добром – нужно действовать силой, а там стерпитсялюбится. Отец поддержал мать. Поговорили с родителями жениха. Все согласовали. И тогда совместными усилиями заставили робкого парня подать в суд на Жанну: дескать, она дала ему слово, была помолвлена, а теперь бьет отбой. Парень взял грех на душу и сделал, как ему было велено. Родители потирали руки. Суд находился в Туле, за много миль от Вокулёрского округа. Туда Жаннетта, разумеется, не пойдет, выступать на суде не станет, и тогда ей просто судебным распоряжением предпишут вступить в брак.

Но плохо знали старики свою дочь. Жанна готовила себя к куда более трудным делам, что значили для нее сутки пути по знакомой местности! Она и глазом не моргнула, когда отец отказался дать лошадь. Она пошла пешком, выступала на суде и выиграла дело!

Что оставалось предпринять? Взаялся было отец за веревку, но, взглянув в глаза дочери, вздохнул и вышел из комнаты...

Когда Жанна попросила, чтобы ее отпустили к дяде Дюрану, старик только рукой махнул. Тщетно старалась девушка осушить слезы матери: она и сама чувствовала, что больше сюда не вернется.

Так она вторично очутилась в Вокулёре.

Глава 3

ПУТЕШЕСТВИЕ

Для себя капитан де Бодрикур все давно уже решил. Однако он продолжал медлить. Проходили дни, недели, а он не давал разрешения на отъезд Жанны. Прежде всего он понимал, что снаряжение девушки и эскорта – а путь предстоял немалый – влетит в копеечку. Раскошелиться ради сомнительного дела сир Робер не хотел. Он не надеялся, что король возместит его затраты. Он предпочитал, чтобы девчонка пообтерлась в Вокулёре. Пусть она поговорит, познакомит со своими планами побольше народу, и, глядишь, средства на путешествие удастся собрать с других. Кроме того, и это главное, капитана беспокоил один деликатный вопрос. Девка корчила из себя небесную посланницу: она толковала о «голосах», о Божественной воле. А кто поручится, что она не врет? Может быть, это дьявольское наваждение? Может, в ней сидит бес, который и устраивает все эти штучки? Посылать королю чертовку не хотелось. Это могло обернуться всевозможными неприятностями. Капитан не желал конфликтов с церковью.

После некоторых размышлений сир Робер нашел простой выход. Он отправился к Леруайе, квартирному хозяину Жанны, прихватив с собой местного священника. В присутствии капитана тот окропил девушку святой водой и произнес очистительную молитву. Жанна перенесла обряд спокойно и не попыталась спастись бегством. Это доказывало, что беса в ней нет. Успокоенный, Бодрикур хлопнул девушку по спине и ушел, заметив, что теперь ее мечта ближе к осуществлению, чем когда бы то ни было.

Жанна горько плакала, и добрая Катерина, жена Леруайе, долго не могла ее успокоить. Значит, ей не верят? В ней сомневаются? О глупые себялюбивые люди! Неужели они не могут понять, что все ее действия движимы только одним чувством – священной любовью к родине? Как можно тратить время попусту, на бессмысленные и жалкие затеи, зная, что там, под Орлеаном, где люди ждут от нее помощи, положение становится все более тяжелым?..

Время показало, что Бодрикур не ошибся. С каждым днем количество почитателей Жанны росло. Девушка умела находить нужный язык с людьми. Она была общительной и охотно беседовала на улице, в церкви, в

приемной капитана со всеми, кому была дорога судьба милой Франции. Глубокая убежденность Жанны невольно передавалась ее слушателям. Многие понимали, что в этот тяжелый час, когда королевская армия разлагалась, когда царствовала грубая сила грабителя, а иноземец становился на горло разоренной стране, спасти положение был в силах только самый беззаветный героизм. Далеко был Вокулёр от Орлеана, но люди чувствовали, что исход борьбы решится именно там, в сердце отчизны. Разве мог пожалеть бедняк последнюю полушку на общее дело? Жанне было ясно, что за людьми и деньгами дело не станет.

И правда, вскоре маленький домик Леруайе стал местом паломничества. Приходили разные люди. В числе их оказалось даже несколько представителей военного сословия.

Однажды, когда Жанна и Катерина сидели за прялками, в дверь постучали и на пороге появился статный рыцарь. Это был Жан из Меца, несший службу у Бодрикура и наслышавшийся о необычной девушке. Рыцарь удивленно смотрел на Жанну. Как она молода! Совсем девчонка! Неужели правда, что о ней говорят? И первая фраза воина была столь же насмешлива, как и его поклон:

– Что вы здесь делаете, моя милочка? Ждете, чтобы короля изгнали из его королевства, а мы все превратились в англичан?

Шутка не смутила Жанну. Девушка посмотрела прямо в глаза собеседнику. Спокойно, без тени жеманства или застенчивости, она поведала о цели приезда в Вокулёр. Рыцарь все уже знал, но бесхитростный рассказ его тронул. От прежнего шутливого настроения не осталось и следа. Жан из Меца многое повидал и не раз бывал в сражениях. Англичане разорили его родные места. Он всей душой ненавидел захватчиков. Служба в Вокулёре давно ему опостылела: он был честен и хотел служить Франции, а не случайному хозяину. Рыцарь взял девушку за руку. Ее восторженное настроение передалось и ему.

– Я обещаю вам, Жанна, что с Божьей помощью приведу вас к королю. Скажите, когда вы хотели бы ехать?

– Ехать сейчас, – ответила Жанна, – было бы лучше, чем завтра. Но выехать завтра будет лучше, чем откладывать на более позднее время.

Рыцарь обещал сделать все, что сможет. Уже прощаясь, он спросил девушку, в какой одежде она думает совершать путешествие. Дороги и леса кишели разбойниками. На его взгляд, ехать в женском платье было бы безрассудно. Жанна с ним согласилась.

Но ни завтра, ни послезавтра ехать не пришлось. Бодрикур, все сомнения которого рассеялись, отписал королю. Однако ответа из Шинона не поступало. Доехал ли курьер? Может быть, его убили по дороге? Может быть, похитили письмо? А может быть, король решил не отвечать капитану? Да мало ли всяких «может быть» ставит разуму тяжелый путь в сто пятьдесят лье, по тропинкам, размытым дождями, по лесам, полным бандитов, по деревням и селеньям, занятым врагом?

Нет! Больше ждать она не в состоянии! Если капитан отказывается в помощи, придется обойтись без него. Тайно, чтобы не беспокоить и не смущать верящих в нее людей, она одна пойдет искать путь к дофину!..

Переодевшись в костюм Дюрана Лаксара, в конце января, сопровождаемая своим добрым родственником, Жанна покинула Вокулёр. Она плохо представляла, куда идет. Холодный пасмурный день клонился к вечеру. Одежда и обувь промокли раньше, чем путешественники выбрались из города. На душе у Жанны было тяжело и тоскливо. Когда вошли в темный незнакомый лес, девушка поняла причину тоски.

Она поступила как обманщица. Она обманула всех этих людей, которые отнеслись к ней с таким вниманием, которые были готовы пожертвовать ради нее последним грошом! Как могла она изменить своей обычной честности? Раз она так поступила, проку от путешествия все равно не будет!..

Дюран, промокший и усталый, давно уже потихоньку заглядывал в лицо девушке. Увидев слезы, он обнял ее. Жанна зарыдала и упала на грудь своему верному спутнику...

...Обратный путь казался бесконечным. К воротам Вокулёра подошли в полной темноте. У самых ворот измученных путешественников чуть не сбил всадник, мчавшийся во весь опор на взмыленном коне. Это был королевский курьер Коле де Вьенн, и вез он долгожданное письмо от короля Карла...

12 февраля 1429 года на главной площади Вокулёра собрался народ. Люди разного достатка и возраста, от стариков до малых детей, тесным кольцом окружили группу всадников. Общее внимание привлекал стройный паж, подстриженный в кружок, с совсем еще юным девичьим лицом, уверенно державшийся на своей гнедой коренастой лошадке. Это была Жанна. Лицо ее отражало сдержанную радость, глубокое внутреннее удовлетворение.

Она добилась своего. Она едет в Шинон, к милому дофину. Ее сопровождают рыцарь Бертран де Пуленжи, Жан из Меца, Коле де Вьенн и

еще трое надежных спутников. Близкие твердили ей, что путешествие будет опасным, что леса переполнены мародерами. Жанна знает это, но не боится. Она выбрала правильный путь и уверена, что невредимой пройдет его до конца.

Добрые люди! Как они обо всем позаботились! Вот стоят они, Анри и Катерина Леруайе, Дюран Лаксар и многие, многие другие, имен которых девушка не знает. Это они купили ей лошадь и заказали мужской костюм. Это они изготовили и снабдили шпорами прекрасные мягкие сапожки, которые ладно сидят на ноге и позволяют не бояться дождя и грязи. Это они благословляют ее и желают удачи в задуманном деле.

Жанна едва сдерживает слезы. Да поможет им Господь!

Она всегда будет их помнить. В кровавых битвах с врагом она будет сражаться за свободу и счастье их и еще многих тысяч таких же скромных и безвестных людей. Ну вот и все. Надо отправляться.

Жанна передает Дюрану письмо, написанное под ее диктовку родителям. Маленькая кавалькада, сопровождаемая толпой, трогается к Французским воротам. У ворот их встречает другая группа. Это сам капитан де Бодрикур во главе своей свиты. Старый циник не хочет показать, что растроган, и хмурит брови. Он оглядывает юного пажу, морщит лоб и слезает с коня. Подойдя к Жанне, он отстегивает свой меч и протягивает девушке:

– На, возьми. Этого как раз тебе недостает!

Жанна с благодарностью смотрит на капитана. Сир Робер берет клятву со спутников девушки, что они доставят ее к королю целой и невредимой. Еще раз взглянув на нее, машет рукой.

– Ну ладно, поезжай. И будь что будет!

Первый день путешествия прошел спокойно. Коле де Вьенн знал тропинки, проложенные вдали от населенных мест. Когда приходилось выезжать на дорогу, копыта коней обвязывали тряпками. Ехали молча. На всем пути не было ни одной встречи. Коле отсчитывал пройденные лье и отмечал, какие города и селения удалось благополучно миновать. Вот слева остался Гондрекур, потом Сайи, а справа за Марной должен быть Жуанвиль, самый опасный из городов района.

К тому времени, как всадники достигли Марны, начало темнеть. К счастью, на правом берегу должен был находиться монастырь Урбана, настоятелем которого был родственник Бодрикура. Монастырь обнаружили не сразу. Когда наконец через густую сеть ветвей разглядели свет на башне, ночь уже вступала в свои права. Усталые, предвкушая близкий отдых,

стучали путники в ворота обители.

В следующие дни было хуже. Правда, англичан и бандитов попрежнему не встречали, но зато много блуждали и никак не могли подыскать подходящего места для ночлега. Ночевать в лесу было и холодно и опасно. После короткого обсуждения решили изменить порядок следования: спать днем и основную часть пути проходить ночью, вечером и утром. Спали прямо на сырой траве, в лучшем случае – на охапке сена. Жанна пользовалась привилегией владелицы единственного одеяла, в которое она заворачивалась поверх своего костюма, даже не снимая сапог. Так как шли ночью, часто сбивались с пути. Больше всего неприятностей доставляли реки. До выхода к Луаре пришлось переправляться через Марну, Об, Сену и Иону. Мостов избегали, ибо те всегда находились вблизи городов, занятых врагом. Реки в результате зимних дождей были полноводны, и брод удавалось найти далеко не всегда.

Жанна стоически переносила эти невзгоды. Хотя все тело ее болело, а костюм и сапоги почти не просыхали, она, казалось, не замечала этого. Мужчины были более привередливы. Они удивлялись хорошему настроению девушки, а иногда оно просто их раздражало. Несколько раз грубыми шутками над «святой» пытались вывести ее из себя и этим разрядить сгущенную атмосферу. Воин из Меца выражал сомнение, сможет ли Жанна выполнить то, что задумала. Оруженосцы пытались ее припугнуть, заявляя, что видят войско англичан. А то, подмигнув друг другу, начинали расхваливать годонов и признаваться в тайной приверженности к ним. Но Жанна обезоруживала коварных насмешников своей простотой и незлобивостью. Она не верила им и от души смеялась над шутниками, хотевшими ее одурачить.

За шесть бесконечно долгих суток проехали семьдесят пять лье – примерно половину пути. Но оставшаяся часть была несравнимо легче пройденной. Области, занятые врагом, окончились, впереди лежала французская земля. Можно было оставить предосторожности, смело продвигаться по дорогам днем и спокойно спать ночью.

На седьмой день маленький отряд, выйдя к Луаре, вступил в королевский город Жьен. Там пробыли недолго, но успели узнать, что слухи о необыкновенной девушке уже проникли повсюду. Народ называл ее Девой и ждал от нее чудес. Жители Орлеана просили, чтобы Жанна поскорее пришла к ним на помощь. Девушка и сама рвалась к осажденному городу, тем более что теперь он казался таким близким. Однако сейчас

нужно было продолжать путь в Шинон. Пришлось ограничиться посылкой доброй вести орлеанцам: Дева не забывает о них, душою она в Орлеане и прибудет туда так скоро, как только сможет.

Переправившись через Луару, путешественники вышли на дорогу, ведущую в Турень. Сытые и отдохнувшие, они пребывали в безмятежном состоянии и не догадывались о том, что сейчас их ожидает опасность, самая страшная со времени выезда из Вокулёра...

В засаде у поворота дороги находились пятеро. Вскоре к ним подошел шестой. От быстрого бега он запыхался и часто дышал.

– Ну что, видел?

– Они направляются сюда и будут у поворота через пару минут.

– Сколько их?

– Точно не разглядел, но, по-моему, трое или четверо. Мародеры переглянулись. Добыча сама шла в руки.

То были солдаты короля Карла, которые мелкий разбой предпочитали службе. И правда, армия разваливалась, жалованья не платили, и надеяться было не на что. А тут тысячи возможностей. Вот хотя бы с этой «святой». Известно, ее везут к королю. Значит, король даст за нее большой выкуп...

Решение было принято тут же. Напасть внезапно, как только те повернут за угол. Девку связать, спрятать в канаву и придавить камнем. Остальных перебить, за исключением одного, который будет послан в Шинон за деньгами.

Идут томительные мгновения. Шесть пар глаз напряженно следят за дорогой. Вот показались... Один, два, три... Гм... Да их больше, чем нужно, всего семь человек. И все семь – мужчины!.. Что-то тут не так...

Всадники приближаются. Их мечи стучат о седла. В руках у двоих копья. Вот один из них, совсем мальчишка, поднял голову. Взгляд его встретился с затаенными злыми глазами, следившими из-за кустов. Он обернулся к своим спутникам и что-то сказал. Рыцари положили руки на крестовины мечей. Один выехал вперед:

– Эй вы там! Немедленно выходите! Разбойники мрачно повиновались.

– Кто вы такие и что здесь делаете?

– Мессир, мы бедные солдаты его величества короля Карла. А здесь, в лесу, мы охотимся, дабы снискать пропитание.

Рыцарь с сомнением посмотрел на говорившего:

– Охотитесь? На кого? Уж не на людей ли?

Ему никто не ответил. Молчание грозило затянуться. Тогда Жан из

Меца переменял тему:

– Эта дорога ведет на Сент-Эньян?

– Да, мессир, она проходит через Роморантен и Селль. Сент-Эньян отсюда в полутора-двух днях пути.

Рыцарь кивнул и вернулся к своим. После короткого совещания кавалькада двинулась дальше. Лица всадников были нахмурены, руки попрежнему лежали на мечах. Мародеры провожали их взглядами, пока те не скрылись вдали.

– Э-эх, дурачье!.. – протянул один. – Кого испугались! Упустить такую добычу!.. Нужно было действовать быстро и неожиданно, они бы не успели опомниться.

– Ты бы и действовал, – проворчал другой.

– А заметили вы, – вдруг сказал третий, – что один из них был того... Я разумею, переодетой бабой?..

Встреча с подозрительной компанией оставила неприятный осадок. Все были задумчивы и нет-нет да оглядывались по сторонам. Невеселыми были мысли Жанны. Она чувствовала сердцем, что избежала опасности. И вместе с тем ей было жаль этих бродяг, голодных, слонявшихся по лесу, вынужденных нищенствовать или заниматься разбоем.

Какая нелепость! В то время когда нужно все силы направить против общего врага, французы распались на банды, охотятся друг за другом. Нет! Если только дофин поверит ей и пошлет ее к войску, она будет решительно бороться с этим. Она постарается, чтобы армия стала единой, народной, чтобы общие цели одержали верх над своекорыстием господ и постоянной нуждой простых людей.

Путешествие близилось к концу. Проехали Селль и Сент-Эньян, миновали крутые склоны Фьербуа. Из Фьербуа девушка отправила письмо королю, извещая его о скором приезде. Последний день пути был особенно труден для Жанны. Она сгорала от нетерпения и, увидев на горизонте село или башню, каждый раз спрашивала с надеждой, не это ли наконец Шинон?..

...Город выплыл из зелени леса к самому вечеру, когда Жанна, отчаявшись, уже перестала спрашивать. В лучах заходящего солнца путешественники внезапно увидели невысокие белые постройки, над ними – холм и замок, тянущийся к небу причудливым гребнем зубчатых стен со множеством башенок и шпилей.

Жанна только взглянула на своих товарищей и по выражениям их лиц

поняла все. Цель одиннадцати суток тяжелого пути была достигнута. Шинон ждал их, приветливо улыбаясь последним отблеском яркого весеннего дня.

Глава 4

«БУРЖСКИЙ КОРОЛЬ»

Когда королю доложили, что курьер и двое рыцарей из Вокулёра ожидают приема, он в нерешительности остановился.

Король собирался ужинать. Он только что имел длительную и нудную беседу со своим шамбелланом,^[6] сиром де Тремуйлем, и был рад, что извещение об ужине ее прервало. Слабый и жалкий, стоял он, покачиваясь на тонких кривых ногах, стоял и не знал, что ответить. В былые времена он, конечно, не стал бы задумываться – он сразу бы приказал впустить лиц, которых давно и с нетерпением ожидал. Но они с дороги. Они, наверно, голодны. Их следовало бы пригласить к столу, а он – он давно уже никого не приглашает к своему столу. Скучного ужина едва хватит ему и супруге – мадам Марии Анжуйской.

Король делает отрицательный жест – пусть подождут! – и садится спиной к камину в удобное кресло. Огонь весело потрескивает – слава Богу, дровишки пока есть. Полдюжины факелов неровно освещают трапезную. Через боковую дверь входит королева и молча занимает свое место. Сегодня у нее какой-то особенно тусклый вид. Она выглядит потрепанной и старой, несмотря на свои юные годы... Король отворачивается и закрывает глаза. Супруги не обмениваются ни словом...

Входят пажи. Приоткрыв один глаз, король наблюдает за движением тарелок. Ну, конечно! Два замороженных цыпленка и тощий бараний зад! Кого уж тут приглашать... Они давно обедают и ужинают в одиночестве, мрачные и молчаливые, ловя насмешливые улыбки лакеев. И что делать, с кого спрашивать, если он должен буквально всем: не только шамбеллану, сир де Тремуйлю, не только канцлеру, его высокопреосвященству Реньо де Шартру, но своим военачальникам и чиновникам, поставщикам провизии и поварам, сапожникам и портным! Он, Божьей милостью король Франции, вынужден надставлять новые рукава к своим старым камзолам и щеголять в рваной обуви, которую не надел бы ни один из его придворных!

Король с отвращением вспоминает сегодняшний инцидент.

Его сапожник, мэтр Жак, принес пару новых башмаков, заказанных неделю назад. Мастер примерил их королю: они сидели как влитые и были выполнены по последней моде. Король хотел поблагодарить, но не успел этого сделать, ибо сапожник почтительнейше попросил оплатить заказ.

Платить было нечем. Шельма и бровью не повел. Он поклонился королю, аккуратно снял башмаки, завернул их в тряпку, еще раз поклонился и вышел из комнаты. Его величество опешил и не сразу понял, что произошло. Когда понял, едва не задохнулся от гнева. Хотел было крикнуть, чтобы стража задержала наглеца. Но затем раздумал. Слава Богу, срама никто не видел. А что возьмешь с канальи? Ведь он же прав: ему действительно уж сколько времени ничего не платят...

И все это происходит потому, что они видят полную беспомощность его, короля. Все горе в том, что он не хозяин в своей стране. В ней хозяйничают пожары и разруха, нужда и голод. В ней распоряжаются господа феодалы, английские регенты и его светлость герцог Бургундский. А он, Карл, всего лишь «буржский король». Он владеет лишь частью Франции с городом Буржем, зажатой в тиски между Луарой и английской Гиенью. Даже свои не считают его королем: он не был законно помазан на царство, строго говоря, он продолжает оставаться дофином, наследником престола. Он путешествует по своим замкам растерянный и слабый, в то время как англичане отбирают его земли.

Конечно, у него еще осталось кое-что. Есть у него поместья, добрые города и богатые налогоплательщики. Но что проку от этого, если все доходные статьи он давно уже передал сиру де Тремуилью и другим кредиторам, которые опутали его жадными щупальцами и не дают двинуть ни рукой ни ногой? Что толку от всего этого, если «Буржское королевство» уменьшается с каждым днем, а полководцы бездействуют и отступают, теряя людей и земли? Враг захватил добрую половину страны. Как тетиву в гигантском луке, натянул англичанин Луару. Стрела вложена у Орлеана. Падет Орлеан – и смертоносная стрела, пущенная безжалостной и меткой рукой, вонзится ему, Карлу, в самое сердце...

Что же делать? Ждать неизбежной гибели? Или бежать за рубеж?

Кое-кто утверждает, правда, что еще не все потеряно. Ждут чуда. Его придворный астролог, мэтр Пьер, вычитал на небе какие-то чудесные знамения. Его добрый Бодрикур из далекой восточной провинции посылает ему ясновидящую, на которую возлагают большие надежды. Кто она? Его отец и дед несколько раз обращались к народным пророкам, и, как уверяют, не без успеха. Он, Карл, дал согласие, чтобы крестьянку прислали в Шинон. Теперь возвратился его курьер, а с ним какие-то рыцари из Вокулёра. Ну что ж, скудный ужин окончен, можно их и принять.

После темноты свет шести факелов показался очень ярким. Рыцари очутились в большой комнате с потрескавшимися стенами, кое-как

завешанными гобеленами.

За столом, с которого убирали остатки ужина, сидел худощавый человек. Он был одет в скромный черный камзол, на бритой голове покоилась большая черная шляпа. Его лицо производило неприятное впечатление. Широкое у лба, оно резко заострялось книзу. Над толстыми оттопыренными губами нависал огромный нос. Маленькие глаза были разного цвета и не мигали. Тонкая шея, казалось, с трудом удерживала огромную, нескладную голову. Во всей его внешности чувствовалось что-то жалкое и одновременно алчное, плотоядное. Он напоминал неоперившегося птенца какой-то хищной птицы.

Чуть кивнув в ответ на приветствия, король поманил курьера и распечатал письмо. Читал долго, еще дольше сосредоточенно думал, опустив голову на руки. Когда наконец он заговорил, голос его оказался слабым и невнятным; рыцари с трудом могли разобрать отдельные слова. Король задал несколько вопросов курьеру и опять погрузился в молчание.

Сир Бертран, набравшись храбрости, выступил на шаг вперед, поклонился монарху и передал просьбу Жанны. Король ничего не ответил. Его сморщившееся лицо выражало явное недоумение. После долгой паузы он подозвал пажа и что-то шепнул. Паж объявил, что аудиенция окончена. Рыцарям надлежит завтра днем явиться в королевский совет, где их выслушают. Вопрос о приеме ясновидящей будет решен особо.

Недоуменная мина так и не сошла с королевского лица в этот вечер. Она осталась даже тогда, когда раздетый своими лакеями, водрузившими на его тощее тело длинную ночную рубашку, Карл забрался под темный полог широкого ложа.

Судя по последнему письму Бодрикура, дело принимало неожиданный оборот. Он, король, думал совсем о другом. Он полагал, что капитан посылает ему обычную пророчицу, ясновидящую, которая будет давать советы. Суеверный Карл, отчаявшись в победе, ждал пророчеств и рассчитывал на них. Он, как и его предки, держал при дворе нескольких магов и предсказателей. Получив первое письмо из Вокулёра, он решил, что речь идет о подобной прорицательнице. Только поэтому и было дано согласие на ее присылку. И вот вместо пророчицы он получает девчонку, переодетую в мужское платье, – что уже само по себе является грехом, караемым церковью, – и рвущуюся к сражениям! Эта мужичка заявляет, что во главе воинов спасет Орлеан и приведет его, Карла, в Реймс для совершения обряда коронации!..

Какая невероятная, возмутительная дерзость! О чем думал милейший

капитан, одобряя подобное дело? Ему, наследному принцу Валуа, получить корону из рук простолюдинки! Да и вообще, все это какой-то дикий бред: слыханное ли дело, чтобы девица возглавляла армию?..

Словно в лихорадке вертится король с боку на бок. Ему душно, голова горит; как видно, ему не успокоиться до утра. Перед глазами мелькают обрывки каких-то видений...

...Мост в Монтеро. О, как часто он его видит!.. Бешено гудит ветер, мельчайшие капельки дождя кружатся в вихре, окутывая все мокрой пеленой. Сир Таннеги, закованный в железо, медленно поднимает секиру. Дядя короля, Жан Бургундский, судорожно вскидывает руку, как бы желая прикрыться... Карл видит его испуганные глаза... Стой, Таннеги!.. Нет, этой фразы Карл не произнес, она только мелькнула в сознании, а секира уже опустилась... Еще и еще... Он не сумел, нет, не пожелал удержать ее... Все кончено. Кровь широким потоком заливает Францию...

Но что это? Из крови выступает лицо. Оно становится отчетливым. Оно красиво. Но почему в нем столько тупого равнодушия и жестокости?.. Он узнал его, это лицо. Лицо матери, лишившей себя радостей материнства, матери-отступницы, продавшей его, сына, врагам...

Король мечется и стонет, стараясь сбросить оцепенение.

Картина меняется. Широкое поле в лучах вечернего солнца, справа холм, слева дорога. Как много рыцарей! Как блестят их доспехи! Как ярко горят флажки на копьях! Но почему они неподвижны? Чего ждут?.. О Боже! Туча закрыла солнце. Это туча из стрел. Им нет конца. Что это за стук и скрежет? Это мечи ударяют о латы. И новый поток, поток бегущих... Остановитесь! Куда же вы?.. Но поток не удержишь. В нем перемешалось все: люди, кони, доспехи, кровь. Он ближе и ближе, сейчас он захлестнет и понесет с собой!..

С безумным криком король вскакивает с кровати. От холодного пота рубаха липнет к телу. Страх, физический страх пронизывает все его жалкое существо. Он обречен, он погибнет, спасения нет! Не сегодня-завтра враги возьмут Орлеан и хлынут в пределы «Буржского королевства»!.. Надо бежать, бежать немедленно, через несколько дней будет поздно!..

И вдруг слабый, неясный луч надежды, как крохотная искорка, мелькает в мозгу. Карл еще не сознает, что это. Он пытается ухватить мелькнувшую мысль.

Дева... Народ называет ее Девой... Говорят, что женщина погубила Францию, а девушка ее спасет...

Резким движением король раздвигает полог, подходит к окну и прижимает к холодному стеклу свой пылающий лоб.

...Дева!.. А что, если... Почему бы не испытать судьбу?.. Быть может, это добрый знак свыше? Только невежда и гордец отталкивает спасительную длань. Конечно, может, все это и не так. Может быть, она послана дьяволом. А может быть...

Нет, сам он это решить не в состоянии. Сейчас, во всяком случае. Надо созвать совет. Надо собрать мнения богословов. С утра, с сегодняшнего же утра он этим займется...

Король падает на постель и задергивает полог. Ему становится спокойнее.

Пасмурный день вставал над Шиноном. Рыцари ушли. Они лишь подтвердили то, что было известно. Король отпустил своих советников. Только двое остались с ним: шамбеллан и канцлер.

Сир де Тремуиль тяжело сопел. Его тучное тело едва умещалось в кресле. Его роскошная шуба, подбитая горностаем, казалась излишней в жарко натопленной комнате. Он, впрочем, любил жару. Лениво играя дорогим кинжалом, привешенным к парчовому поясу, он разглядывал свои короткие пальцы, унизанные перстнями.

Сир де Тремуиль, как и всегда, был преисполнен важности. Это казалось естественным. Разве не он был самым могущественным человеком в королевстве? Разве не он захватил почти все королевские замки и поместья, отданные в счет уплаты долга? В его цепких руках находился не один король. Тремуиль держал в денежном плену многих придворных, отсюда шла его прочная власть над людьми.

Он отличался хитростью тяжелодума. Когда-то жадный и грубый бретонец Артур де Ришмон, коннетабль^[7] Франции, вытащил его, Тремуиля, из грязи. Коннетаблю был нужен помощник, чтобы избавиться от очередного королевского любимца. Тремуиль превосходно справился с этой задачей. Однако, устранив соперника де Ришмона, он не желал терпеть чванливого коннетабля. Действуя тайными, но верными средствами, шамбеллан добился того, что король отстранил и прогнал де Ришмона. С этого момента и началось полновластие сира де Тремуиля. Единственный человек, с которым он снисходительно считался, был монсеньор Реньо де Шартр, архиепископ Реймский, канцлер Карла VII.

С Реймским архиепископом, впрочем, трудно было не считаться. Хотя он был много беднее сира де Тремуиля, зато превосходил его тонкостью ума и хитростью.

За плечами прелата было тяжелое прошлое. Трое братьев его погибли при Азенкуре, отец был растерзан восставшими парижанами. Сам Реньо,

брошенный повстанцами в тюрьму, уцелел лишь случайно. На этом его испытания не кончились. Сделавшись канцлером Карла VII, он стал объектом постоянных нападков со стороны коннетабля де Ришмона. Сторонники коннетабля даже захватили архиепископа в плен, и королю пришлось выкупать его на деньги, занятые у Тремуйля.

Все эти потрясения не прошли даром. Они ожесточили душу прелата, надели прочный панцирь на его совесть, обострили ум и чутье. Оставаясь князем церкви без прихода, он хорошо понимал, что, только ладя с шамбелланом, сможет сохранить влияние на короля. Но, уступая для виду де Тремуйлю, монсеньор Реньо умел внушить ему мысли и планы, которые тот незаметно принимал и выдавал за свои. Опытными руками направлял архиепископ волю временщика, ожидая дня, когда можно будет сбросить маску. Удалось бы вернуть богатую Реймскую провинцию, удалось бы помазать на царство короля, а тогда... Тогда были бы и деньги, и почет, и высшая власть!

Известия о Деве взволновали монсеньора Реньо гораздо больше, чем он хотел показать. Замыслы Жанны отвечали самым заветным его мечтам. Однако архиепископ чувствовал, что здесь ему придется встретить жестокое сопротивление. Он принял бесстрастный вид и, перебирая четки, молча внимал словам шамбеллана.

Шамбеллан между тем говорил развязно и резко. Циничные ругательства так и сыпались из его уст. Под конец даже вся показная важность слетела, и он превратился в грубого рыночного торговца.

Что они, спятили с ума, белены объелись? Какая-то ошалелая деревенская дуреха всех водит за нос! Созывают совет, ищут решения. А решение может быть только одно. Неужели король не понимает, что этот непристойный балаган следует немедленно прекратить? Плохо уже то, что ей разрешили приехать сюда из Вокулёра. Но сделанного не изменишь. Он, де Тремуиль, полагает, что блажную следовало бы затравить собаками или отдать на потеху солдатам. Во всяком случае, король ни за что не должен ее принимать.

Распалившийся временщик имел все основания возмущаться. Он был доволен настоящим и не стремился к переменам. Мысль о возможных победах королевских войск была ему неприятна. И правда, пока все висело на волоске, король был в его руках, а вместе с королем и его земли, и его авторитет. Необходимо было и впредь придерживаться той же политики «равновесия». Чем дольше она продержится, тем лучше. Поэтому-то разговоры о Деве, об Орлеане и коронации приводили Тремуйля в столь сильную ярость.

Король, струхнувший от слов своего любимца, совершенно утонул в кресле и робко скосил глаза на архиепископа. Уловив его взгляд, канцлер заговорил. Его физиономия осветилась приторной улыбкой, когда он кивнул в сторону шамбеллана.

Да, сир де Тремуиль, конечно, прав, прав, как всегда. Это возмутительная, неслыханная наглость. Мало вероятия, чтобы девчонка оказалась Божьей посланницей, очень мало. Скорее всего она орудие дьявола. Однако, – тут монсеньор Реньо выразительно помолчал, – однако ее нельзя так просто устранить. Это было бы неразумным шагом и могло бы крайне разгневать Господа Бога, – монсеньор Реньо перекрестился и поднял глаза к небу, – если бы Господь был хоть в какой-то мере причастен к ее судьбе. Чем они рискуют, если подвергнут мнимую святую проверке? Она будет с легкостью разоблачена. Лично он, канцлер, полностью поддерживая мнение шамбеллана, считает все же, что так называемую Деву следует принять во дворце и испытать. А потом, если их предположения подтвердятся, – архиепископ вздохнул, – ее можно было бы отдать и солдатам, как остроумно советует уважаемый сир де Тремуиль.

Король слушал эти слова с искренним удовольствием, ибо они отвечали его собственным мыслям. Как-никак, а взглянуть на Деву всетаки любопытно. И он действительно в этом случае ничем не рискует...

Шамбеллан сопел сильнее обычного. Он переводил взгляд с канцлера на короля и с короля на канцлера. Он потел и думал. Аргументы монсеньора выглядели убедительно, много убедительнее, чем его, де Тремуиля, ругань. Любопытство короля явно возбуждено. Интересно, чем руководствуется канцлер, делая свое предложение? Впрочем, он ведь не спорит с шамбелланом, он как будто согласен с ним.

– Ваше преосвященство говорит мудрые речи, – подытожил свои мысли де Тремуиль. – Они отвечают и нашим желаниям. Однако давайте проведем одно предварительное испытание. Пусть девчонка сама на приеме отыщет короля в толпе придворных и подойдет прямо к нему. Тогда мы увидим, насколько она ясновидяща... – И, восхищенный своей выдумкой и своим каламбуром, Тремуиль разразился хохотом.

Улыбнулся и король. Монсеньор Реньо секунду помолчал. Последнее предложение шамбеллана ему не очень понравилось, ибо он не верил в чудеса. Но делать было нечего. К тому же при известной сообразительности короля можно было отличить от других... Канцлер поддержал своего соперника и похвалил его изобретательность.

Король не скрывал удовлетворения. Путь к решению сложной проблемы был найден. Успокоенный и даже веселый, Карл милостиво

отпустил советников, тем более что его желудок недвусмысленно говорил о приближении обеденного часа.

Глава 5

ИСПЫТАНИЕ

В шинонской гостинице было холодно и неудобно. Печей не топили за неимением дров: все запасы топлива к концу зимы поглотил замок. Жанна куталась в одеяло и не могла согреться. Мысли были невеселые.

Лотарингские рыцари ничего не добились. Сир Бертран угрюмо молчал. Более экспансивный Жан из Меца чертыхался и клял Карла VII.

Жанну возмущали такие речи. Она запретила хулить «милого дофина» и уверяла, что, претерпев так много, следует подождать еще немножко. Впрочем, самой ей ждать было труднее, чем остальным.

На следующее утро появились люди в рясах. Это были представители духовенства из замка, посланные по распоряжению короля. Они с любопытством и опаской разглядывали Деву. Потом начали забрасывать вопросами.

Жанна интуитивно не доверяла церковникам. Она до самозабвения верила в Бога, но испытывала неприязнь к его сребролюбивым служителям. Сначала она отказалась отвечать. Ей дали понять, что при таком поведении она никогда не увидит короля. Один из «отцов» мягким и вкрадчивым голосом объяснил, что они посланцы Карла VII и имеют целью подготовить ее к приему. Только тогда Жанна смирилась.

Уходя, соглядатаи в рясах постарались сделать свои лица непроницаемыми. Мысли у всех были одни и те же. Будь их воля, они показали бы этой строптивой мужичке... Но они хорошо помнили инструкцию, полученную от его высокопреосвященства, архиепископа Реймского.

Наступил вечер 25 февраля.

В приемном зале шинонского дворца зажгли пятьдесят больших факелов. При столь ярком освещении можно было рассмотреть даже закопченную роспись потолка и причудливые узоры на пестрых коврах, развешанных вдоль стен. А платья придворных выглядели совсем фантастично. Дамы, разодетые в бархат и парчу, ослепляли своими лебедиными шеями и изысканной прелестью модно-безбровых лиц. Их талии были туго затянуты. Высокие головные уборы, напоминавшие рога или сказочные башни, прятали волосы, создавая впечатление, что головы их обладательниц начисто выбриты. Кавалеры, напротив, щеголяли

длинными локонами. У многих они спадали на воротники роскошных камзолов и шуб, подбитых драгоценными мехами. Черные и цветные трико обтягивали ноги. Покрытые бисером башмаки оканчивались непомерно длинными носами, затруднявшими ходьбу. Округляя локти, играя эфесами разукрашенных камнями кинжалов, кавалеры любезничали с дамами или беседовали друг с другом. Здесь можно было видеть весь цвет двора, все то, что еще блистало настоящими или поддельными драгоценностями, создавая достойный фон французскому королю.

Единственной темной кляксой на этом ярком фоне был сам король. Его внешность резко контрастировала с роскошной и вычурной обстановкой. Большая голова, казавшаяся еще большей от покрывавшей ее огромной черной шляпы, жалко качалась на непомерно тонкой шее. Простой черный камзол с вытертыми рукавами говорил о бедности. Кривые ноги с подагрическими коленями, также обтянутые черным, поминутно вздрагивали. Подозрительно кося глазами, король переходил от одной группы придворных к другой. Чаще всего он останавливался у середины зала, где собрались лица, привлекавшие всеобщее внимание. Это были главные советники двора: шамбеллан де Тремуиль, сенешал де Гокур, канцлер Реньо де Шартр и еще несколько пожилых господ.

Жорж де Тремуиль особенно выделялся роскошью своего костюма и своим важным видом. На его полном лице застыла самодовольная улыбка. Молча поглядывая по сторонам с целью определить, какое впечатление производит его особа, он незаметно прислушивался к беседе, которую монсеньор архиепископ вел со знатными послами, прибывшими из Орлеана. Послы, оказывается, приехали, чтобы посмотреть на Деву. Они просят, чтобы ускорили ее отъезд в помощь осажденному городу. Дуралеи! Они сами не знают чего хотят. Сейчас эти господа увидят нечто, что навсегда отобьет у них охоту к подобным авантюрам.

Почтенный шамбеллан рассчитал все тонко. Не случайно потребовал он, чтобы прием был обставлен особенно пышно. Не случайно посоветовал королю надеть самое ветхое платье. Де Тремуилью казалось, что он уже видит, как все произойдет.

Вот подлая мужичка входит в зал. Вот стоит она, ошеломленная, ослепшая, потерявшая дар речи. Ей надо найти короля, и она, после долгих попыток справиться со своим смущением, робко подходит к нему, к шамбеллану, ибо кто же здесь одет богаче его? Вот вам и конец забавного приключения!..

Внезапное движение в зале заставляет шамбеллана отвлечься от своих игривых мыслей. Шепот проходит по рядам придворных. Все замирают и с

любопытством смотрят на дверь.

Это она!..

На пороге появляется граф де Вандом. Слегка наклонив голову, он проходит вправо, к камину.

Из-за его спины возникает юный паж в черном суконном костюме, с волосами, подстриженными в кружок.

Паж останавливается. Его губы вздрагивают. Его глаза скользят по лицам придворных. Затем уверенно, без тени смущения, быстрым шагом идет он вперед, к центру зала...

Жанна хорошо помнила, как все произошло.

Когда граф де Вандом явился в ее убогую гостиницу и сообщил, что король послал за нею, она, хотя и ждала этого, растерялась до смешного. Однако, подбадриваемая рыцарями, девушка быстро справилась с собой. На улице их ждала возбужденная толпа, проводившая Жанну до ворот замка. Поднимаясь по каменным ступеням вслед за молчаливым графом и стражником, несшим факел, девушка тщетно старалась унять биение сердца. Когда перед ней открылись двери приемного зала, она чуть не зажмурила глаза: так здесь было ярко и необычно.

Боже, какая роскошь, сколько красок и блеска! И какие лица! Все смотрят на нее... Одни – с улыбкой, другие – с холодным любопытством, третьи – с нескрываемой злобой. И ни одного дружелюбного, светлого взгляда!

Но где же он?

Не тот ли, с приторно-сладкими глазами? Нет, тот в рясе.

Или, может быть, этот, самый важный, со злым лицом? Нет, этот слишком толст и стар. Он совсем, совсем не такой!..

Его нигде не видно! Его нет! Эти гордые сеньоры насмеялись над ней, простой деревенской девчонкой!..

Жанна чувствует, как гнев подходит к горлу. Она сжимает кулаки. Сейчас она повернется и убежит отсюда, от всех этих обманщиков в роскошных одеждах и с холодными сердцами.

Но что это?.. Чьи-то немигающие глаза следят за нею, испуганно следят из-за придворных. Чье-то маленькое худое тело прячется за спинами блестящих господ.

Это он! Нет больше смущения и гнева, нет неловкости и испуга. Девушка не видит больше придворных. Уверенно идет она вперед и смотрит в эти неподвижные глаза.

Толпа расступается. О, как непохож он на сказочного принца ее мечты!

Как некрасив!.. Но он несчастен, жалок и беден. Он единственный в этом зале, кто достоин великой жалости!..

Жанна падает на колени и протягивает к нему свои сильные и добрые руки:

– Здравствуйте, милый дофин! Да пошлет вам Бог счастливую и долгую жизнь!

И тогда все разом стало на свои места. Лицо нарядного толстяка изобразило величайшее изумление, потом сделалось еще более злым. Он топнул ногой и ушел. Зато приторно-сладкий в рясе ласково кивнул Жанне и улыбнулся. Все знатные господа окружили ее и короля. Но для Жанны их не существовало. Она взяла за руку своего бедного Карла, отвела его в сторону и начала с ним задушевный разговор.

Она знала, что юного принца покинула мать, злая мать, оклеветавшая его. И Жанна по-матерински нежно уговаривала Карла, что он ничего не должен бояться. Он единственный законный государь милой Франции. Она, Дева, пришла для того, чтобы выручить город Орлеан и отвести Карла в Реймс. Пусть он верит ей и даст войско; остальное беспокоить его не должно.

Голос девушки звучал сердечно и убеждающе. Король перестал испытывать чувство неловкости. Придворные, следившие за выражением его лица, увидели, как оно просветлело. Впервые за много дней Карл VII улыбался...

Хорошее настроение короля продержалось недолго. Едва он отпустил девушку и придворных, как прежние мысли начали снова одолевать его бедную голову. Не в силах справиться с ними, он вызвал своих главных советников.

Архиепископ поздравил короля с победой. Теперь очевидно, что девушка послана Богом. Духовенство не сочло нужным ее отвергнуть. Она с честью выдержала трудное испытание. Чего же еще ждать? Можно и удовлетворить ее просьбу, а там, под Орлеаном, все окончательно прояснится.

Канцлера поддержал старый де Гокур. Благородный сенешал не отличался ясностью ума и самостоятельностью мысли, но монсеньор Реньо успел его хорошо подготовить.

Однако сир де Тремуйль не дал восторжествовать союзникам. С величайшей горячностью он начал возражать архиепископу и привел свои основания. Духовенство представило хорошие отзывы? Как бы не так!

Попы разделились во мнениях и в общем высказали столько же «за», сколько и «против». Ему-то, шамбеллану, хорошо известна причина этого: у него свои отношения с духовенством, и, пожалуй, не менее тесные, чем у монсеньора... Что же касается поведения Жанны на приеме, то само по себе это еще ничего не доказывает. Все могло быть внушено ей дьяволом с таким же успехом, как и Богом. И хороши же будут они, если пошлют под Орлеан дьявольскую девку! Дело короля окажется полностью погубленным, и все пойдет в тартарары, на радость сатане и англичанам!

Архиепископ слушал речи временщика со спокойным и приветливым лицом, но на душе у него было беспокойно. Поглядывая на короля, он видел, как тот мрачнеет и ерзает в своем кресле. Однако, полагал монсеньор Реньо, временщик все же радовался слишком рано: по существу, он еще ровным счетом ничего не доказал.

– Что же может посоветовать сир шамбеллан? – вкрадчиво спросил прелат.

Шамбеллан мог посоветовать все то же, что предлагал вначале: устранить девку – и концы в воду.

– Но ведь если даже принять все соображения сира шамбеллана, еще ничем не доказано, что она орудие дьявола.

На это сир де Тремуиль мог ответить только сопением.

В разговор вмешался старик де Гокур. Он внес примиряющее предложение. Он рекомендовал перевести Жанну из гостиницы в замок и установить за ней строгий надзор. Если внимательно следить за ней и днем и ночью, тогда ее сношения с дьяволом – коли таковые имеют место – будут неизбежно выявлены.

Король сразу же с этим согласился. Архиепископ также поддержал сенешала. Шамбеллан был не в восторге, но всетаки намечавшаяся проволочка устраивала его больше, чем немедленная поддержка требования Девы. К тому же в голову ему пришла новая идея, и, желая испортить настроение архиепископу, он поспешил высказать ее вслух:

– Если так, то у нас в запасе есть время. Тогда мы, пожалуй, дадим согласие на проект двух наших священников и пошлем запрос к монсеньору Жаку Желю. Пусть он, человек мудрый и благочестивый, выскажет свое мнение об этой крестьянке.

Тремуиль рассчитал верно. В первый раз за сегодняшний день с лица канцлера спало показное благодушие. Жак Желю, архиепископ Эмбренский, бывший член совета, всегда враждовал с монсеньором Реньо. Обращение к нему как к третьейскому судье было тонко рассчитанным ходом...

Жизнь Жанны круто изменилась. Ей пришлось оставить уютную гостиницу и переселиться в замок, в высокую башню Кудрэ, расположенную вблизи королевских покоев.

Башня живо напомнила девушке «островную крепость» и игры детских лет. Здесь, правда, было все грандиознее. Однако следы запустения, как и в замке Бурлемон, выступали повсюду: и в стершихся каменных ступенях, и в широких трещинах стен. Комната, в которой поместили Жанну, была большой и светлой. Сенешал поселил вместе с девушкой двух дам, обязанных неустанно наблюдать за ней, бодрствующей и спящей. Сын одной из дам, пятнадцатилетний Луи де Конт, по прозвищу Мюго, был назначен личным пажом Жанны.

Девушка быстро освоилась в новой обстановке. Она легко сходилась с людьми. Обе надзирательницы искренне к ней привязались. Что же касается юного Мюго, то он, покоренный ласковостью Жанны и ее энтузиазмом, был готов следовать за ней хоть на край света.

Внешне свободу девушки ничем не стесняли. В сопровождении пажа или одной из дам она гуляла по замку, часто виделась с королем и разговаривала с ним. Ее огорчало, что пришлось расстаться с верными лотарингцами. Однако и их она иногда встречала в королевских покоях. Жанну стали навещать придворные. Некоторые из них, видя в девушке восходящую звезду, оставив дворянскую спесь, спешили ей поклониться. Раза два посетил ее знатный прелат, лицо которого она хорошо помнила. Прелата величали монсеньором. Он был очень обходителен и даже ласков. Тем не менее он внушал Жанне непреодолимую робость.

Одна из встреч, состоявшихся в эти дни, произвела на девушку особенно сильное впечатление.

Жанна беседовала с королем во внутренних покоях замка. Неожиданно дверь отворилась и в комнату без доклада вошел стройный молодой человек. Он был изысканно одет. Увидев девушку, он направился прямо к ней. Король представил его Жанне как своего двоюродного брата герцога Алансонского. Дева заметила юному принцу, что он прибыл вовремя, ибо предстоят жаркие дела.

Герцог протянул ей руку. Девушка правильно угадала его мысли. Он давно мечтает о битвах и явился сюда потому, что узнал о ее планах. Он, герцог Алансонский, ненавидит англичан и имеет с ними давние счеты. Захваченный в плен, он несколько лет пробыл в заточении. Чтобы выкупить его, семье пришлось затратить много усилий и средств. Теперь в опасные

сражения его влекла не только жажда мести. Алансонское герцогство было под властью англичан, а пока годоны там хозяйничали, герцог оставался без своих главных доходов. Его материальные интересы затрагивала также и судьба Орлеана: он был зятем Карла Орлеанского, все еще томившегося в иноземном плену.

Герцог Жан Алансонский не отличался глубиной ума или широтой взглядов, был вспыльчив, тщеславен и завистлив. Однако он с величайшей доверчивостью отнесся к Жанне. Еще более суеверный, чем король, герцог не сомневался, что Дева послана Богом. Он оказался первым и почти единственным из представителей знати, искренне поверившим в особую судьбу девушки и успех ее миссии. Жанна почувствовала эту искренность. Именно поэтому она отнеслась к своему «прекрасному герцогу» с большой сердечностью и теплотой.

В тот же день Жанна сопровождала короля и герцога Алансонского во время их конной прогулки по долине Вьенны.

Весна уже начала вступать в свои права. Яркая зелень, кое-где пробиваясь сквозь влажную почву, узором покрывала долину. Справа и слева ширились необъятные просторы лесов. Далекая панорама, сверкавшая в голубой дымке, и пряный весенний воздух опьяняли девушку.

Жанна забыла о своих спутниках. Дав волю коню, вихрем неслась она, ломая кусты, не разбирая дороги.

Вперед!.. Вперед!.. В Орлеан!..

И тут при мысли об осажденном городе девушка почувствовала угрызения совести. Несчастная! Среди обилия новых впечатлений она, кажется, потеряла память? Она предалась праздности? Где же ее великая жалость? Где священный огонь, пылавший в ее сердце?..

Жанна круто осадилась на лошади. Сегодня же, сейчас же она будет просить, нет, умолять короля. Она будет умолять герцога Алансонского. Место Девы в рядах воинов, а не среди блистательных господ. Она должна привести родину к победе...

Король давно хотел окликнуть Жанну, но герцог удерживал его. Он любовался смелой наездницей. Как грациозно держится она в седле! Как управляет лошастью! Бесспорно, она послана Богом для битв и побед. Нет сомнения, это чудо. Неужели его кузен может еще сомневаться?

Когда девушка подъехала, герцог улыбнулся ей:

– Вы прекрасный рыцарь, милая Жаннетта. Ваша деревенская лошадка недостойна такого седока. Разрешите мне преподнести вам моего коня!

Жанна поблагодарила. Тут же, преклонив колени перед королем, она обратилась к нему со своей горячей мольбой. Герцог поддержал ее.

Растроганный король обещал ускорить отъезд.

Монсеньор Реньо де Шартр удовлетворенно поглаживал холеные белые руки. Пока увалень де Тремуйль суетился и строил мелкие пакости, он, архиепископ, находил новых союзников. Королева Мария, теща короля Йоланта Сицилийская, герцог Алансонский, старик де Гокур и многие другие недвусмысленно объявили себя сторонниками этой крестьянки. Из Орлеана граф Дюнуа, побочный сын герцога Карла, слал депеши, требуя Деву. Испытание дало прекрасные результаты: лица, приставленные к Жанне, клялись, что, кроме благочестия и хорошего поведения, ничего не могли заметить. Но главное, даже король как будто занял решительную позицию. Не далее как сегодня он говорил во всеуслышание, что намерен прекратить оттяжки.

Чего же добился самонадеянный шамбеллан? Ничего, если не считать письма монсеньора Жака Желю. Но это долгожданное письмо тоже – хе-хе! – оказалось не совсем таким, как рассчитывал де Тремуйль. Монсеньор Жак Желю большой пройдоха. Он достаточно умен, чтобы не дать никому важного козыря. Его письмо составлено в духе «нельзя не сознаться, но нельзя и не признать». Эмбренский владыка, правда, предостерегал короля. Он не советовал принимать Жанну и верить ей на слово. Но с другой стороны – он не видел оснований полностью ее отвергать. Старый хитрец рекомендовал, чтобы окружающие сначала удостоверились в ее добром поведении и нравственности.

Итак, шамбеллан не слишком преуспел. Если бы монсеньор Реньо не был крайне осмотрителен, он мог бы потребовать, чтобы девушку немедленно отправили в Орлеан, и, пожалуй, не встретил бы отказа. Но нет, он так не поступит. Он не покажет своего нетерпения. Если уж бить, так бить без промаха.

Высокопреосвященный Жак Желю сомневается? Хочет удостовериться в высокой нравственности Жанны и божественности ее жребия? Ему недостаточно проведенного испытания? Пожалуйста! Архиепископ Реймский согласен на большее, чем его просят. Пусть для окончательного решения пошлют девушку в город Пуатье, где находятся крупнейшие богословы королевства. Святые отцы еще раз проверят ее. И да будет их приговор окончательным!..

С этим спорить было трудно, и сир де Тремуйль, смущенный показной уступчивостью архиепископа, не выдвинул никаких возражений. А между тем монсеньор Реньо прекрасно знал, что делает. Богословы Пуатье были его людьми. Он ни минуты не сомневался в характере их «приговора».

Перед отъездом герцог Алансонский пригласил Жанну в Сомюр, где находился его замок. Мать и жена герцога встретили девушку радушно. Они много понаслышались о «святой» и ожидали, что она им поможет.

За обедом юная герцогиня говорила без устали. Она очень беспокоилась о будущем мужа. Она поведала Жанне, каких колоссальных денег стоил выкуп. Больше всего она боялась, как бы неосторожный герцог опять не оказался в плену.

– Не беспокойтесь, сударыня, – возразила Жанна. – Я верну вам вашего супруга целым и невредимым. Он останется таким же, – она с улыбкой взглянула на герцога, – а может быть, станет еще и лучше...

Ранним утром Жанну подняли с постели. Она не сразу сообразила, в чем дело. Потом вспомнила: едут. Сонного настроения как не бывало. Простившись с остающимися, девушка вслед за своими спутниками покинула замок.

Равняясь по ведущему, Жанна опустила поводья и задумалась. Вскоре она заметила, что едут вовсе не по Орлеанской дороге.

– Наш путь лежит в Орлеан? – неуверенно спросила она у рыцаря, скакавшего рядом.

– Нет, в Пуатье, – мрачно ответил тот.

В Пуатье? Жанна ничего не слыхала о Пуатье. И зачем они туда едут? Неужели новая проволочка?..

Девушка закусила губу. С Богом! Она больше ни о чем не будет спрашивать. Нужно иметь терпение. Все равно она своего добьется. Она будет у цели!

Глава 6

ЧИСТИЛИЩЕ

В годы детства приходской священник, отец Фронт, не раз описывал Жанне страшные картины чистилища и ада.

Теперь девушка невольно вспоминала эти рассказы. Жанне казалось, что ее душу, столько дней страстно томящуюся ожиданием, ввергли во мрак чистилища.

Они приходят, эти люди в рясах, приходят ежедневно и задают ей десятки, сотни вопросов, то бессмысленных, то непонятных, но всегда жалающих, сверлящих. Они как будто решили вывернуть ее наизнанку. Зачем? Чего они хотят?

О, если ей только удастся вырваться отсюда, надолго запомнит она славный город Пуатье!..

Славный город Пуатье был временной столицей «Буржского королевства». Здесь осели многие члены Парижского парламента, оставшиеся верными королю Карлу. Здесь слонялись оказавшиеся не у дел чины королевской администрации. Сюда съехались профессора богословия, видные теологи, порвавшие с Парижским университетом, который продолжал держать сторону англичан. Все эти господа страдали не только от безделья, но и от безденежья. Они давно не получали жалованья, обнищали и проклинали судьбу, а также годонов, по милости которых очутились в столь плачевном состоянии.

Когда «святые отцы» прочли депешу королевского совета, они понимающе переглянулись.

Некая девушка-крестьянка претендует на то, что она послана Богом. Она якобы может обеспечить коронацию Карла VII и спасти страну от англичан.

Гм... Дело, вообще говоря, довольно подозрительное. От него за пол-лье отдает гордыней и ересью. Кому из них не знакомы случаи подобного рода? Брат Сегэн, или брат Тюрлюр, или инквизитор Боннэ отправили в тюрьму и на костер не одну мнимую святую. Всем хорошо известно, что церковь не любит, чтобы люди общались с Богом, минуя ее посредничество. Человек, утверждающий, будто он имеет личные откровения от Бога, должен быть заподозрен в ереси. Тем более если это женщина, да еще и простолюдника.

Но здесь, по-видимому, случай иного рода. Из общего тона письма следует, что двор не вполне безразличен к судьбе девушки. Относительно ее веры и поведения авторам запроса скорее хочется услышать «да», чем «нет». И еще одно соображение. Девушка обещает снять осаду с Орлеана и отвести короля в Реймс. Это весьма интересно. Там, в Северной Франции, находятся земли, службы и приходы большинства советников парламента, администраторов и отцов, нищающих здесь, в Пуатье. Если бы самозваная святая действительно помогла освободить от годонов Северную Францию, то тогда, в сущности, не так уж и важно, кем она послана – дьяволом или Богом. Во всяком случае, следует воздержаться от слишком быстрого и опрометчивого решения. Все они верные королевские слуги. Они думают о нуждах короля, а заодно и о своих собственных. Времени у них более чем достаточно, а королевский совет, разумеется, оплатит их скромные труды. Что ж, идя навстречу просьбе совета, они не пожалеют сил, учинят подробное дознание и сделают так, чтобы их действиями остались довольны.

И «святые отцы» решили без промедления приступить к своим обязанностям.

Жанну поместили на квартиру к важному чиновнику, мэтру Рабато. Она сразу почувствовала, что находится под бдительным надзором. На ее расспросы не отвечали. Выход из дому был запрещен. Девушке не оставалось ничего другого, как целыми днями горячо взывать к Богу, чтобы Он открыл ей смысл происходящего.

Но вот появились «отцы». Сразу пришли пять человек. Жанна поначалу не захотела с ними разговаривать. И зачем повторять то, что уже неоднократно говорилось в Шиноне?..

Но они не собирались уходить. Они удобно расположились и, казалось, были готовы просидеть весь день и всю ночь. Надо было взять себя в руки и запастись терпением. И Жанна стала отвечать. Одному, другому, третьему. А они спрашивали и спрашивали, задавая по несколько раз одни и те же вопросы. Девушка рассказала им о своей миссии, о путешествии к королю. Что она знала еще? Но им было нужно что-то другое. Они все чего-то добивались.

А иные вопросы прямо поражали своей глупостью:

– Ты говоришь, что Бог желает помочь французскому народу избавиться от несчастий, опутавших его. Но если это так, то зачем же прибегать к помощи воинов?

Жанна широко раскрыла глаза. Что, этот монах издевается над ней или

действительно ничего не смыслит? Он забыл, что идет война? Ведь и ребенок бы не задал такого вопроса!

– О мессир, – отвечает она, – солдаты будут сражаться, и Бог пошлет им победу!

Ученые доктора казались вполне удовлетворенными. Ничего еретического в речах девушки обнаружить пока не удалось.

С этого началось. А потом день за днем они продолжали приходить и мучить ее. И опять те же вопросы, то же щемящее неотвратимое чувство, что тебя хотят запутать. Жанна потеряла сон, голова ее гудела, временами она переставала понимать, что происходит.

– Мессир, – взмолилась она наконец, – зачем вы учиняете мне этот допрос? Я не понимаю, чего вы от меня хотите. Ведь вам же известно, что я не читала ваших книг, что я не знаю ни «а» ни «б»!

Как ей было отрадно, когда однажды в стражнике, сопровождавшем «отцов», Жанна узнала воина, которого раньше встречала в Шиноне. В этом простом человеке она чувствовала своего. Он не мудрствовал и хотел сражаться. Девушка дружески ударила его по плечу.

– Желала бы я, – заметила она со вздохом, поглядывая на церковников, – иметь вокруг себя несколько человек с такою же доброй волей.

Шла третья неделя. Ученые мужи расспрашивали Жанну о голосах, добивались подробностей о ее видениях. Они порицали ее за ношение мужской одежды, укоряли, что она короля называла дофином. Жанна старалась объяснить все, как могла. Иногда, однако, ей становилось совсем невтерпеж. Что они все время суются со своими «священными книгами», зачем морочат ей голову тем, чего она не знает и не может знать? Девушка решила сбить с них ученую спесь одним ударом:

– В книгах Господа нашего написано больше, чем в ваших писаниях!

Мэтр Жерар Маше, королевский духовник, допрашивавший Жанну, едва не поперхнулся. Замолчали и вытянули шеи другие «отцы».

Девчонка попалась! Она сама захлопнула ловушку! Теперь, если бы захотеть, с ней можно сделать все, что угодно. Она ведь призналась в ереси. Еще бы! Кто, кроме еретиков, отрицает церковные книги? Значит, не традиции церкви, не догма и обряды, а чистый Господь Бог? Это уже явно отдает дьявольскими учениями, за приверженность к которым полагается костер!..

Мэтр Жерар Маше выразительно посмотрел на остальных. Это восклицание бедной невежды не следует принимать в расчет. Она слишком наивна и горяча. Братья его понимают?.. Итак, можно продолжать...

Допрашивал брат Сегэн. Это был доминиканец, доктор богословия, человек весьма ученый и набивший руку на разоблачении еретиков. Внешне брат Сегэн не производил приятного впечатления. Его маленькие глазки зло и упрямо поблескивали из-под нависших бровей. Жанне этот монах показался особенно противным. Прежде чем начать спрашивать, он долго причмокивал губами и что-то глухо бубнил себе под нос. Когда он заговорил, Жанна едва его поняла. Доминиканец изъяснялся на южнофранцузском диалекте и употреблял выражения, совершенно неизвестные бедной пастушке из Домреми.

Брат Сегэн начал с вопроса, которым думал сразу смутить крестьянку:

– На каком языке говорили твои голоса?

Жанна чуть не рассмеялась. Этот глупый поп, который и слова правильно произнести не может, спрашивает о языке ее голосов!..

– На французском, мессир, и гораздо лучше, чем ваш!

Брат Сегэн слегка опешил. Его коллеги прятали улыбки. Дерзкая мужичка! Она совсем забылась, она не видит, с кем говорит! Ну ладно, он ей пропишет!..

– Веришь ли ты в Бога? Жанну задело за живое.

– Верю, мессир, и лучше, чем вы!

Брат Сегэн чуть не задохнулся от ярости. Хорошо же, он посадит ее в лужу, из которой мерзавка не выберется.

– Ты просишь поставить тебя во главе войска? Ты называешь себя посланницей Божьей и хочешь, чтобы тебе поверили? Но если Бог действительно тебя послал, покажи нам знамение, сотвори чудо! Мы не можем советовать королю доверить тебе целую армию лишь на основании твоих слов!

Жанна ответила быстро и решительно:

– Я пришла в Пуатье не для того, чтобы показывать знамения и совершать чудеса. Отправьте меня в Орлеан, и я докажу на деле, для чего я послана.

И, сколько к ней ни приставали, она вновь и вновь повторяла те же слова:

– Отправьте меня в Орлеан, и я докажу на деле, для чего я послана!..

По истечении шести недель утомленные богословы решили прекратить допрос. Ничего нового они больше узнать не могли. Их посыльные, вернувшиеся с родины Жанны, представили самые благоприятные отзывы. Девушке оставалось пройти еще одну проверку, на этот раз действительно последнюю...

На квартире у мэтра Рабато с раннего утра опять собралось много народу. Теперь, однако, это были не профессора богословия. Это были женщины разных возрастов и званий, знатные дамы и простые горожанки. Все они шумели и галдели, как на базаре. Когда Жанна явилась к ним, они с величайшим любопытством принялись ее разглядывать.

Оказалось, эти женщины отобраны комиссией богословов для того, чтобы осмотреть Жанну на предмет точного установления ее девственности...

«Святые отцы» ставили свой окончательный приговор в зависимость от этого осмотра. Девственность Жанны должна была подтвердить отзывы о ее нравственной непорочности и чистоте. Кроме того, положительный результат экспертизы явился бы одним из доказательств отсутствия плотской связи с дьяволом. И вот были посланы почтенные матроны и опытные акушерки, чтобы сообща разобраться в этом вопросе.

Жанна не сопротивлялась. После того что она вытерпела от попов, все остальное не казалось ей страшным.

Проверка закончилась успешно. Матроны и повитухи были готовы засвидетельствовать под присягой девственность своей пациентки.

Комиссия подводила общий итог.

У «отцов», по правде говоря, набралось достаточно материалов, чтобы обвинить девчонку в ереси и заключить под стражу. Однако ученые мужи были трезвыми политиками. С самого начала знали они, к какому выводу придут. В последние дни были получены новые сведения. Выяснилось, что за девушку хлопчет двоюродный брат короля, герцог Алансонский, что за нее ратует граф Дюнуа, командующий войсками в осажденном Орлеане. Монсеньор Реньо также не скупился на дополнительные инструкции. Только круглые идиоты не посчитались бы со всем этим. «Святые отцы» не были идиотами. Даже брат Сегэн не стал возражать против окончательных выводов комиссии. Заключение, отосланное в Шинон, начиналось словами:

«Считаясь с необходимостью короля и королевства, а также с постоянными молитвами несчастного народа, жаждущего мира и справедливости, мы не находим нужным оттолкнуть и отвергнуть Деву...»

Дальше, правда, следовали всевозможные «но» и «однако», различные оговорки и предупреждения, которыми члены комиссии хотели застраховать себя на всякий случай. И все же это было именно то желанное и долгожданное разрешение, без которого смелый план девушки никогда бы не претворился в жизнь.

Стояли ясные солнечные дни. Шел месяц апрель. Девушка чувствовала себя словно поднявшейся после тяжелой болезни. Физически сильная и закаленная, она с легкостью переносила любые жизненные трудности – не уставала от многодневного пути, не раскисала от жары и не простужалась от холода.

Но это чистилище... Эта смесь лицемерия и злобы...

Чуткая душа девушки, ее совесть, ее здравый, неискушенный ум едва справились с пережитым. Такое испытание оказалось слишком трудным для нее, простой неграмотной крестьянки с большим сердцем и малым жизненным опытом.

Когда после долгого затворничества Жанна в первый раз вышла на улицу, она была ослеплена. Ее охватило чувство, знакомое по воспоминаниям детства: словно из мрачного подземелья вдруг поднимаешься на сказочную высоту.

Но что это? Здесь можно не только ослепнуть, но и оглохнуть! Сколько людей кругом! И все кричат, громко кричат:

– Дева! Да здравствует наша Дева!

Это простые люди Пуатье, бедные горожане, ремесленники и подмастерья, оборванные матери с детьми, крестьяне из пригородов. Они окружают ее. Они хотят коснуться ее одежды, волос. На глазах у многих слезы...

Жанна узнает, что они давно ждут ее. Они целыми днями дежурили у дома Рабато, но их не пускали внутрь. И вот наконец они увидели свою избранницу, ту, на которую весь народ Франции возлагает ныне надежды.

Народ! И снова, как в Домреми и Вокулёре, своей глубокой интуицией девушка постигает простую и мудрую истину: не попы, не знатные господа, не король, а народ, простой народ искренне верит ей и пойдет за нею на все! Да, только эти несчастные, угнетенные и согбенные, но твердые духом люди могут спасти страну. И пусть господа ведут интриги – они бессильны перед народом. Пусть попы плетут сети – народ разорвет их. Пока она, Жанна, с народом и народ с ней, ей ничего не страшно. Ее великая жалость, понятая и подхваченная тысячами простых людей, рождает силу, сила сотворит подвиг, подвиг приведет к победе!

КНИГА ВТОРАЯ

СВЕРШЕНИЕ

...Она делала все лучше других не потому, что обладала знаниями; она знала еще меньше своих солдат. Но у нее было большое сердце. Если каждый помышлял только о себе, то она одна думала обо всех. Если каждый охранял в первую очередь себя, то она не береглась вовсе, так как заранее обрекла себя на всё...

Анатоль Франс

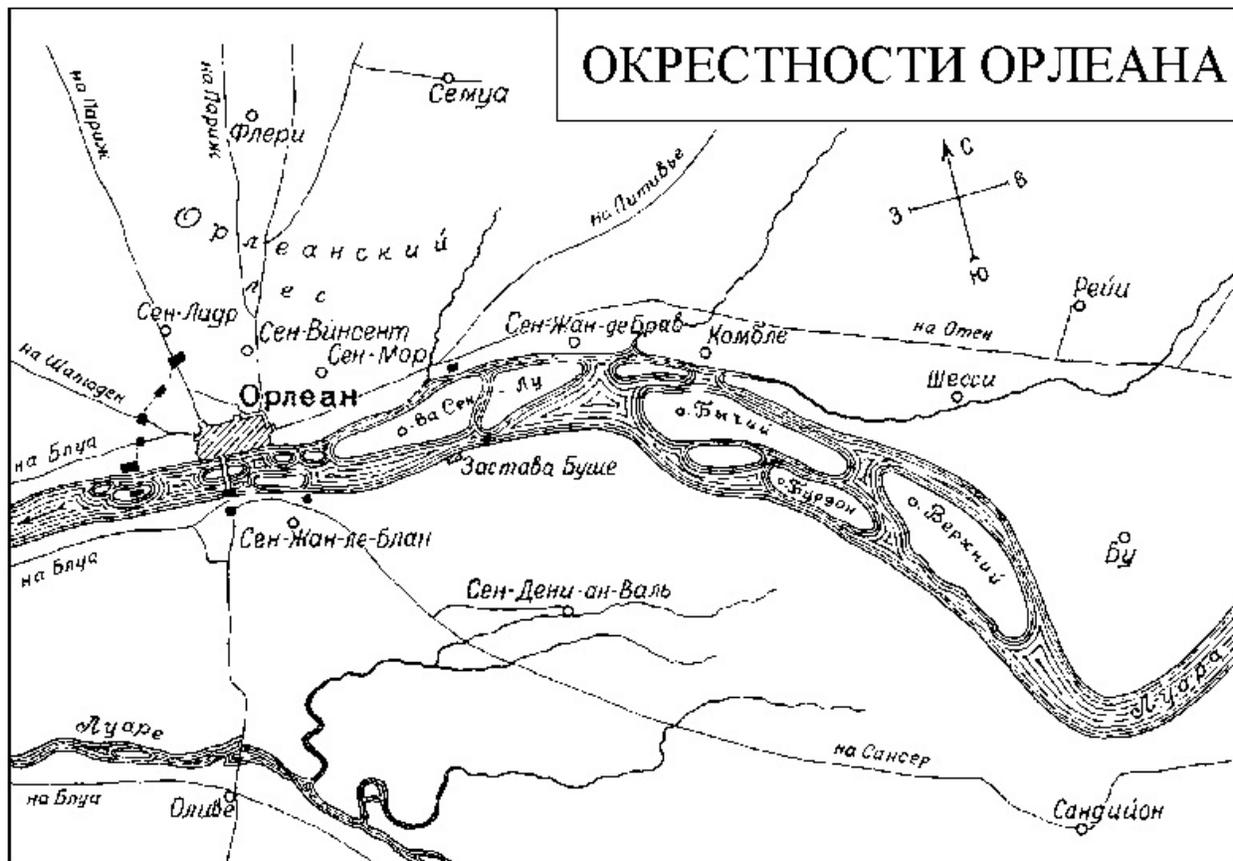
Глава 1

В КОЛЬЦЕ ОСАДЫ

Тихо скользит Луара между Босом и Солонью. Приветливо манят зеленые берега. Иву и березу сменяют виноградники. Сколько их тут! Не сочтешь. Благодатный климат, плодородная земля. Недаром так горделиво сверкают кровлями веселые замки Луары. Недаром короли так любят устраивать здесь свои летние резиденции. Здесь и замки и города совсем особенные – таких не встретишь больше ни на окраинах, ни в центре. Здесь все как бы выражает довольство и покой, покой и горделивое сознание своей избранности. Жьен и Сюлли, Жаржо и Шатонеф, Менг и Божанси хороши каждый посвоему. Но краше всех, без сомнения, древний город Орлеан.

Великолепны памятники Орлеана, прекрасны его дворцы и церкви, прославлен университет, богаты мастерские и склады товаров. Путник, бредущий по дорогам Солони, издали узнает башни его собора. А с высот Оливе славный город виден как на ладони. Более чем на три тысячи футов простирается его южная стена вдоль правого берега Луары; глубокие рвы окружают остальные стены. Тридцать четыре башни оберегают его покой. Пять ворот с тяжелыми металлическими решетками и два подземных хода связывают его с внешним миром.

Широка Луара у Орлеана. Но город имеет мост, соединяющий его с левым берегом, где тянется предместье Портеро. Этот мост – гордость орлеанцев. Сложенный из камня, он насчитывает девятнадцать пролетов. Первый и последний пролеты связаны с сушей подъемными настилами. На протяжении моста воздвигнуты два многобашенных форта. Один из них – Сент-Антуан – расположен сразу за шестым пролетом, у острова Рыбачьего; второй – Турель – завершает мост у Портеро. Третье укрепление – форт Огюстен – отстроено рядом на суше.

Как зоркий часовой, сторожит город-крепость всю Среднюю Луару вдоль Боса и Солони. Кто владеет Орлеаном, тот хозяин кратчайших дорог и господин реки, тому обеспечен беспрепятственный путь на юг и на север, на запад и восток. Враг же, имеющий Орлеан в тылу, никогда не может быть застрахован от неожиданного удара.

Все это должны были тщательно взвесить англичане, когда, покорив север Франции, стали строить планы вторжения в «Буржское королевство».

В начале июля 1428 года в порту Кале высадилось большое войско. Говорили, что оно состоит из трех тысяч бойцов; одних благородных рыцарей насчитывали до четырехсот пятидесяти человек. Войско возглавлял победитель французов при Азенкуре граф Солсбери, кузен английского короля. Под знаменем Солсбери собрались многие капитаны, представители наиболее знатных английских родов. Эта армия еще пополнилась за счет набора в Нормандии, давшего четыреста конных и тысячу двести пеших воинов. В Париже состоялось тайное совещание, после которого Солсбери объявил, что намерен взять Анжер, центр графства Анжу. Но, как вскоре выяснилось, это не отвечало истине.

В августе Солсбери вышел к Луаре много восточнее Анжера и приступил к осаде городов и замков, лежавших по обе стороны от Орлеана.

5 сентября годоны были в Жанвиле, всего в полутора переходах от города-крепости. Главнокомандующий отправил герольдов в ратушу Орлеана с предложением сдать город. Горожане ответили отказом.

В сентябре англичане взяли Менг и Божанси, в начале октября – Жаржо и Сюлли; в то же время их передовые отряды оказались на левом берегу реки, в Солони, и подошли к Портеро.

12 октября зазвучал городской набат. Дозорные со стен увидели приближающееся войско врага.

Английские капитаны недооценили орлеанцев: те оказались гораздо более сметливыми и дальновидными, чем полагал Солсбери. Они не поверили заявлению о походе на Анжер. Когда англичане еще только разворачивали свои силы к югу от Парижа, они уже начали подготовку к длительной обороне.

Во все соседние области и города были направлены гонцы с просьбой о помощи. Срочно закупались зерно, скот, рыба; эти продукты готовились к многомесячному хранению – коптились, засаливались, сушились. Орлеан оцетинился как еж. Все стены были проверены и укреплены. Строили новые брустверы, заменяли настилы, углубляли рвы. В бойницах башен и на гребнях стен появилось семьдесят одно орудие – бомбарды и легкие пушки. Не жалея денег, наняли пушкарей, подлинных мастеров этого нового и опасного дела. Наладили собственное изготовление пороха и каменных ядер. Оставался последний и наиболее сложный вопрос – подготовка людей.

Главное в городе – стены. Их нужно не только укрепить, но и умело защищать. Для обороны стен орлеанцы составили ополчение, в которое вошли до трех тысяч человек. Но, кроме того, война в открытом поле, вылазки и сражения требуют большой и хорошо обученной армии. Между тем в городе был лишь маленький королевский гарнизон, возглавляемый наместником графом Дюнуа. Перед лицом грядущих событий Дюнуа и королевский уполномоченный де Гокур отправились в Шинон и Пуатье раздобывать солдат. Городской совет, со своей стороны, обратился с призывом ко всем желающим принять участие в борьбе против англичан.

В те годы по стране бродили вооруженные шайки людей, торговавших своими услугами. Эти наемники за подходящее вознаграждение были готовы сражаться ради тех, кто их оплачивал. Договор с ними, правда, таил серьезную опасность. Грабители и мародеры, они иной раз становились бедствием и для тех, кому служили. Все это было хорошо известно жителям Орлеана. Но им не приходилось раздумывать и выбирать:

англичане приближались. Кроме того, пока у них было достаточно продовольствия, пока они держали в своих руках стены и башни, их не страшили сомнительные свойства наемников. И вот в город стали входить искатели приключений во главе со своими удалыми капитанами. Имена некоторых из них, например Потона Сентрайля, были хорошо известны и овеяны ореолом непобедимости. И все же воинов-профессионалов не хватало. Оставалось ждать Гокура и Дюнуа.

Последним актом подготовки к обороне, проведенным буквально на глазах англичан, было уничтожение левобережного пригорода. Защитники знали, что враг постарается использовать его как укрытие. Этого нельзя было допустить. 12 октября Портеро разрушили и подожгли. Сотни людей, оставшихся без крова, со слезами смотрели на пламя, пожиравшее их жилища. Но все понимали, что это необходимая мера.

План Солсбери был предельно прост.

Сначала устрашить осажденных артиллерийским огнем, потом овладеть главными предмостными фортами, взять или разрушить мост. Измотав защитников атаками и обстрелом, нащупав слабые места их укреплений, можно было ударить по одному из этих мест и начать общий штурм.

Не теряя времени годоны приступили к делу. Заняв сожженное Портеро, они установили тяжелую артиллерию. Началась пальба. С 17 по 20 октября Орлеан бомбардировали почти ежедневно. Обстрел должен был не только напугать осажденных, но и подготовить операцию по выводу из строя моста. Действительно, едва утром 21 октября затихли орудия, как несколько отрядов пехоты под барабанную дробь и призывные крики командиров двинулись к форту Турель, прикрывавшему мост со стороны Портеро.

Осажденные, предвидя этот маневр, заранее укрепили Турель высокой насыпью – баррикадой. Англичане пустили в ход осадные лестницы. Но отряд орлеанцев, засевший в Турели, не дал им восторжествовать. Ядрами и стрелами, кипятком и горящими угольями защитники поливали и осыпали нападающих, отбивая атаку за атакой. К концу дня англичане, понеся большие потери, были вынуждены отступить. Однако они не отказались от задуманной операции.

Двое суток были использованы на то, чтобы подвести подкоп под насыпь. Защитники, обнаружив это, поняли, что оборонять дальше маленький форт бесполезно: как только рухнет насыпь, Турель, лишенная прикрытия, станет прямой мишенью для английских пушек. С болью

покидали мужественные бойцы свое укрепление. Но иного выхода не было. Они отошли по мосту, разрушили два пролета и соорудили новую баррикаду. Осаждающие заняли Турель и укрепили ее насыпью со стороны города. Своей первой цели они добились: мост был выведен из строя. Орлеан лишился прямой связи с южным берегом Луары.

Сэр Томас Монтегю, граф Солсбери, был в превосходнейшем настроении. Шаг за шагом осуществлялся его план. Взятие Турели было крупным успехом. Еще две-три такие победы, и надо готовиться к общему штурму.

Сегодня, 24 октября, воскресный день. Молчат орудия, звонят колокола. Светит неяркое осеннее солнце. Можно забыть, что идет война. Но сэр Монтегю никогда об этом не забывает. Даже когда все его капитаны пьют и бездельничают, он не предается праздности. Сытно пообедав и прочитав молитву, граф, вместо того чтобы соснуть часок-другой, напомнил своим офицерам о решении осмотреть захваченный форт. Особенного энтузиазма это не вызвало. Несколько человек все же поднялись. Среди них любимец Солсбери, начальник нормандской кавалерии Вильям Гласдель, самый лихой и жестокий из его офицеров.

И вот они на башне Турели. Граф Солсбери, чтобы лучше видеть, снимает шлем и отдает пажу. Затем подходит к амбразуре окна. Открывшаяся картина захватывает его. Взгляд графа медленно скользит по стенам, крышам, куполам и башням осажденного города. Вильям Гласдель почтительно следит за выражением лица начальника. Угадывая его мысли, он хочет польстить:

– Смотрите, милорд, на ваш Орлеан. Он расстилается перед вами и ждет вас.

В этот момент вспышка огня отвлекает внимание графа. Вспышка быстрая, почти неуловимая, на башне святой Девы. Раздается звук выстрела. Огромное ядро ударяет о край амбразуры. Отколовшийся кусок стены падает на графа и сбивает его с ног. Ни крика, ни стона. Кровь на алой накидке почти неразличима. Когда потрясенные капитаны поднимают сэра Монтегю, они видят страшную картину: камень пробил череп, раздавил глаз и стесал половину лица...

Никто никогда так и не узнал, кем был сделан этот выстрел, единственный в течение воскресного дня. Говорили, что стражник оставил на момент порученную ему пушку. Когда, услыша выстрел, он вернулся, то заметил испуганно убежавшего мальчугана...

Смерть Солсбери совпала с другим событием, не менее радостным для осажденных. В понедельник 25 октября прибыло долгожданное войско из Шинона. Правда, оно оказалось значительно меньшим, чем предполагали: король посылал всего восемьсот наемников – гасконских кавалеристов и итальянских стрелков. Но все это были лихие молодцы, не боявшиеся ни Бога ни черта, а кое-кто из их капитанов успел прославиться на всю страну. Кто не знал храбреца Ла Гира, командира гасконцев, покрытого шрамами и поседевшего в боях? Боевой товарищ Потона Сентрайля, Ла Гир совершал с ним смелые набеги и отчаянные вылазки, не раз устрашая врага. Широко были известны, если не доблестью, то хоть знатным происхождением, такие военачальники, как маршал Буссак или сенешал Бурбоннэ. Большие надежды жители Орлеана возлагали на самого наместника графа Дюнуа. Его считали незаурядным стратегом и опытным боевым командиром.

В те дни граф Дюнуа еще назывался «монсеньором Батаром».^[8] Внебрачный сын Людовика Орлеанского, чье убийство послужило сигналом к войне между арманьяками и бургундцами, Жан Батар замещал в Орлеане своего брата, плененного англичанами герцога Карла. Он играл важную роль при дворе и носил титул графа Порсьена и Мортена. Несмотря на свои молодые годы – ему недавно минуло двадцать шесть, – Дюнуа хорошо знал жизнь. Обладая природным умом, он рано понял, что в смутное время для успеха нужна изворотливость. Он умел скрывать свои чувства и сохранять хорошую мину при плохой игре. Его осторожность вошла в поговорку. Наряду с этим, однако, он обладал большой личной храбростью и выдержкой, которые проявлялись каждый раз, как этого требовали обстоятельства.

Сейчас Дюнуа внимательно следил за всем происходившим в лагере противника, сдерживал пыл своих капитанов и терпеливо ждал момента, подходящего для контрудара.

Лишившись главнокомандующего, годоны крепко приуныли. Ни один из их руководителей не рисковал взять на себя инициативу в продолжении боевых действий. Приближалась зима с ее холодами и слякотью. Некогда огромная армия редела с каждым днем: кто был убит, кто дезертировал, стремясь вернуться в родную Англию, а кто, вступив в отряды «вольных стрелков», занялся грабежом окрестных деревень и сел. Понимая, что без значительных подкреплений Орлеана не взять, английские капитаны отвели большую часть войск на зимние квартиры в близлежащие города. В Турели был оставлен гарнизон численностью в пятьсот бойцов под начальством Вильяма Гласделя.

Многие из французских командиров утверждали, что наступило время,

благоприятное для отвоевания моста и укрепления левого берега. Особенно рвался в битву Ла Гир, считавший, что наносить удар всегда следует первому. Но осторожный Дюнуа в корне пресек все эти порывы. Немедленное возвращение Турели, полагал он, вряд ли что даст. Пока англичане владеют окрестными городами и замками, одинокий форт у Портеро все равно останется беззащитным. А между тем со дня на день могли прибыть новые силы годонов, и тогда каждый потерянный воин оказался бы невозместимым. Вместо бесполезных атак сейчас следовало заняться совсем другим: подготовкой к встрече с ожидаемой армией врага. Дюнуа был уверен, что на этот раз, имея целью окружить Орлеан, годоны пойдут правым берегом Луары. Следовательно, нужно было без промедления уничтожить все пригороды правого берега, подобно тому, как раньше уничтожили Портеро.

Этим и занялись орлеанцы в дождливые дни ноября.

Чутье не изменило монсеньору Батару. 30 ноября английские силы под командованием опытного полководца сэра Джона Толбота появились вблизи Турели. Толбот привез артиллерию. Снова начался длительный и жестокий обстрел. А затем войско Толбота, объединившись с силами графа Сеффолка, вышло на правый берег и начало обходить Орлеан с северо-запада.

Сэр Джон Толбот смотрел на орлеанскую эпопею гораздо более трезво, чем покойный Солсбери. Он отказался от мысли о штурме и решил действовать совсем иначе. Надо было взять Орлеан в кольцо крепостей, стянуть это кольцо по возможности туже, лишив город всякого подвоза продовольствия и боеприпасов, а затем, обессилив его и подавив, добиться капитуляции.

Конечно, для успеха этого плана нужны были время, средства и резервы. Но время и средства у Толбота имелись, а резервы – полководец наверняка знал это – спешно готовились и в положенное время должны были вступить в строй.

В течение декабря – января англичане создали целую систему осадных укреплений. Они использовали покинутые французами форты, или «бастилии», строили новые крепости, возводили насыпи и чинили соединявшие их дороги. К первым числам февраля 1429 года эта система была наполовину закончена.

Цепь укреплений начиналась насыпью на острове Карла Великого, к западу от Орлеана. Далее на север и северо-восток шли: бастилия Сен-Лоранс, насыпь Круа-Буассе и крепость Лондон. Эти форпосты,

расположенные на важнейших путях в Северную и Западную Францию, опоясывали Орлеан дугой, составлявшей почти треть окружности. На левом берегу, кроме Турели, были сооружены насыпь Сен-Приве и форт Огюстен. Однако на востоке линия охвата разрывалась. Между дорогой на Париж и Луарой к востоку от Орлеана не имелось ни одного укрепленного пункта.

Таким образом, окружение не было полным. Этому много содействовала тактика осажденных. Ополченцы и солдаты не желали сидеть в городе сложа руки. Они совершали вылазки и мешали строительным работам англичан, в то время как французская артиллерия поливала огнем недостроенные форты.

Замедленная дуэль тянулась до конца первой недели февраля. А потом произошли события, резко осложнившие положение защитников города.

9 февраля в Орлеан пробрался гонец от графа Клермона, стоявшего во главе овернского дворянства. Когда монсеньор Батар прочитал письмо графа, он мысленно возблагодарил небо за свою осмотрительность. Да, как он и предвидел, к городу стягиваются новые силы годонов. По парижской дороге идет отряд в полторы тысячи бойцов, возглавляемый сэром Джоном Фастольфом, главным камергером английского короля. Фастольф везет огромный обоз с продовольствием, рассчитанным на много месяцев осады. Этот отряд нельзя пропустить. Его нужно уничтожить, а продовольствие забрать.

Как ни был осторожен Дюнуа, он немедленно выехал на совещание с Клермоном. Вслед за ним под прикрытием темной ночи из города вышло войско в полторы тысячи человек, возглавляемое Ла Гиrom, Сентрайлем и Буссаком.

Это войско через два дня вернулось обратно, уменьшившись почти наполовину. 12 февраля произошло сражение, вписавшее во французскую военную летопись горькие и позорные строки.

В полдень гасконцы Ла Гира первыми увидели английский обоз, медленно двигавшийся по направлению к Этампу. Годоны, не ожидавшие встречи, были застигнуты врасплох. Передние ряды остановились, задние напирали на них, грозя создать невероятную сутолоку. Французы имели превосходные позиции и все преимущества внезапного нападения.

Ла Гир уже собирался трубить атаку, предвкушая, как его молодцы опрокинут зазевавшихся англичан, да вдруг на беду вспомнил, что без разрешения графа Клермона начинать бой запрещено. К графу, войско

которого порядком поотстало, спешно послали гонцов.

Это было досадной проволочкой. Англичане, оправившись от замешательства, начали перестраивать ряды. Нужно было спешить, не теряя ни минуты. Каковы же были удивление и гнев храбрых гасконцев, когда от графа поступил приказ: ни под каким видом не ввязываться в дело без него!

Возмущенный Ла Гир так сжал рукоятку меча, что она чуть не треснула. Желторотый птенец Клермон, едва посвященный в рыцари, хочет стяжать себе славу и проваливает сражение!

И правда, пока французы стояли и ждали, годоны закончили подготовку к встрече. Они устроили ограду из обозных телег, за которой укрылась конница. Перед телегами остриями к противнику врыли колья. Между кольями расположились стрелки и выдвинули луки. А Клермон все не подходил...

Наконец у одного из французских капитанов терпение истощилось. Он ринулся вперед, его кавалеристы прошли половину расстояния, но тут их расстреляли английские лучники. Такая же судьба постигла второй отряд, едва он двинулся с места. После этого английская конница вышла из-за прикрытия и ударила по дрогнувшим флангам французов...

...Разгром был полный. Честолюбивый Клермон, испортивший все дело, так и не вступил в сражение. Увидев, что происходит, он повернул обратно. Дюнуа был ранен и едва избежал плена. Только храбрецы Ла Гира и Сентрайля своей отвагой спасли армию от полного уничтожения. Прикрывая бегство, они задержали англичан и заставили их отказаться от преследования.

Все это произошло у деревни Руврэ, близ Аржанвиля. И названо было это сражение, столь плачевно окончившееся для французских воинов, «битвой селедок», ибо среди продовольствия, находившегося в обозе, преобладала соленая рыба...

Исход битвы у Руврэ коренным образом изменил соотношение сил. Англичане получили продовольствие и резервы. Французы потеряли престиж и людей. Возмущенные орлеанцы встретили Клермона проклятиями, и он вместе со своими людьми поспешил оставить город. Вслед за ним потянулись и другие капитаны, удиравшие из осажденной крепости, как крысы с тонущего корабля. Ушел Буссак, мотивируя свое бегство земельной тяжбой, ушел Шаванн безо всякой мотивировки, начали складывать пожитки Ла Гир и Сентрайль. Последние, правда, в ответ на мольбы горожан обещали вскоре вернуться, но им мало кто верил.

В марте – первой половине апреля англичане закончили окружение Орлеана. Они возвели ряд новых крепостей и сооружений, которые вместе с построенными ранее опоясали город со всех сторон. К северо-востоку от крепости Лондон возникли насыпь Руан и бастилия Париж. На востоке, контролируя дорогу на Жьен и охраняя район, наиболее удобный для переправы, выросла бастилия Сен-Лу. Наконец на левом берегу, против острова Туаль, был укреплен старый форт Жан-ле-Блан, делавший невозможным переправу у Новой башни.

Наступили тяжелые дни. Рыцари, которых орлеанцы поили и кормили в течение многих месяцев, покидали город на произвол судьбы. Годоны туже стягивали кольцо осады. Надеяться было не на кого. Зажиточные буржуа настолько трусили, что стали на путь предательства. Они вступили в переговоры с герцогом Бургундским, предлагая сдать ему город, если он освободит их от англичан.

Но простые люди Орлеана не обнаруживали склонности к подобной сделке. Они понимали, что герцог Бургундский и англичане – одно и то же. Слишком многим пожертвовали они ради обороны города, чтобы теперь идти на попятную.

Именно в это время до них все чаще стали доходить слухи о Деве.

Слухи, едва появившись, начали расти и распространяться. Они переходили из дома в дом, с батареи на батарею, от укрепления к укреплению.

– Святая девушка из Лотарингии приехала в Жьен. Она из нашего брата, из бедных людей, не чета предателям-господам! Она едет к королю и будет просить, чтобы ей дали солдат. Она явится с войском и снимет осаду! Она поможет нам! Она нас спасет! Да поможет ей Господь!..

Граф Дюнуа, остававшийся в осажденном городе, быстро понял, какую пользу можно извлечь из народной веры. Он послал своих делегатов к королю в Шинон с просьбой ускорить приезд Девы.

Орлеанцы пристально следили за всем, что было связано с ее деятельностью. Вот она поразила знать, подойдя на приеме к королю... Вот ее везут в Пуатье... Вот она едет в Тур и Блуа, чтобы приступить к формированию войска... Она скоро будет с нами, наша Дева!..

И Орлеан воспрянул духом. Его не страшили больше английские укрепления и солдаты. Он ждал крестьянку Жанну из Домреми и прочно связывал свою судьбу с судьбой отважной девушки.

Глава 2

МЕЧ И ЗНАМЯ

– Я люблю свой меч, – говорила Жанна, – но в сорок раз больше люблю свое знамя.

Меч был предвестником войны и смерти. Белое знамя Жанны символизировало мир и жизнь. Ненавидя захватчиков, пламенно желая стереть их следы с родной земли, Дева взялась за меч. Но знамя было ей в сорок раз дороже. Она не хотела обогреть свой меч в крови. Она стремилась водрузить над Францией знамя мира. И для установления мира она не жалела сил. Только когда надежда на мир исчезла, Жанна взялась за свое сверкающее оружие.

Меч и знамя она обрела в Туре, городе ярмарок и цехов, славном тонкими ремеслами и искусными мастерами...

Из Пуатье в Тур Жанну перевезли в середине апреля. Здесь она встретила старых знакомых – Жана из Меца и Бертрана де Пуленжи. Оба воина прибыли с королевским отрядом, рассчитывая экипироваться и заказать доспехи. Жанне тоже было необходимо боевое облачение. Ей указали мастерскую оружейника, который согласно королевскому приказу сделал ей в короткий срок полный рыцарский костюм.

Когда Жанне показали готовые доспехи, она просияла. Здесь было все: шлем с поднимающимся забралом, панцирь, защищающий грудь и спину, наплечники, налокотники, рукава, перчатки, набедренники, наколенники, ноговицы и ботинки. Латы были белого цвета. Понадобилась примерка. Это оказалось довольно сложным делом. Девушке пришлось лечь на пол, и несколько человек постепенно водворяли на нее в строгой последовательности отдельные части доспехов, закрепляя их прочными шнурками и ремнями. Потом Жанну подняли и поставили на ноги. В первый момент ей показалось, что она не может двинуться с места. Лишь с усилиями удалось согнуть колени. На стыках латы страшно скрипели и впивались в тело. Мастер проверил уязвимые места, наметил, где следовало подпилить или отогнуть металл, и предупредил девушку, что все соприкасающиеся детали необходимо смазывать жиром. Рыцари успокоили Жанну, уверяя, что она постепенно привыкнет к доспехам, тем более что ходить в них ей придется мало: это был боевой костюм, предназначенный преимущественно для верховой езды. Жанне очень понравился изящный

кафтан из белого сукна, сделанный для нее турецким портным. Такие кафтаны командиры надевали поверх лат. Это была открытая спереди одежда, обрамленная красивой вырезной бахромой, спадавшей на руки и бедра.

Оставались меч и знамя. Здесь девушка не хотела ни на кого полагаться и доверилась целиком своему вкусу. Жанна имела меч, подаренный ей капитаном Вокулёра. Но ей очень хотелось иметь необычный, особенный клинок, равный по славе Дюрандалю.^[9] Девушка вспомнила, что, когда она находилась в Фьербуа, ей бросилось в глаза обилие старинного оружия, хранившегося в местной часовне. К управителям церкви в Фьербуа было отправлено письмо с просьбой прислать один из мечей, лежавших под алтарем часовни. Через короткое время меч был доставлен. Это оказался древний заржавленный клинок, помеченный пятью крестами. Ржавчину очистили, сделали красивый эфес и три пары ножен. Говорили, что это тот самый меч, которым знаменитый воитель Карл Мартелл семьсот лет назад поразил арабов в битве при Пуатье...

Знамени Жанна уделила особенно много забот.

В те времена знаменем обладал каждый командир отряда. На знамени обычно изображался герб его владельца. По знамени солдаты отыскивали своих закованных в железо начальников.

Никто не назначал Жанну командиром. Но она чувствовала, какая ей предстоит роль. Она становилась народным вождем и нуждалась в большом знамени, которое было бы хорошо видно отовсюду на марше и во время сражения. На этом знамени она хотела изобразить свой «герб», простой и ясный, хорошо понятный всем солдатам, крестьянам и горожанам.

Она разыскала художника, шотландского мастера Пауэра, который понял и воплотил ее идею. Пауэр изготовил большое белое полотнище, обшитое шелковой бахромой. На одной стороне знамени, усеянной золотыми лилиями, художник изобразил благословляющего Господа. Эту эмблему Жанна назвала словом, близким и дорогим всему простому люду: «Мир». Символ мира в виде голубки был изображен и на оборотной стороне полотнища. Знамя прикрепили к высокому древку. Жанна поклялась никогда с ним не расставаться.

Теперь можно было ехать в Блуа, ближайший к Орлеану крупный город, где шло формирование частей, предназначенных для помощи осажденным.

Шумно на улицах Блуа. Гонят стада коров, баранов и овец. Провозят бочонки с порохом, целые штабеля дротиков и пик. Тащат тяжелые пушки и кулеврины. Все это предназначено для обоза будущей орлеанской армии.

Армия комплектовалась медленно, но тщательно. Каждый день под стенами города появлялись новые отряды. Они шли из разных мест. Их вели командиры, многие из которых уже бывали в Орлеане и хорошо знали друг друга. Встретились старые знакомые: Ла Гир, Потон Сентрайль и маршал де Буссак. Всеобщее внимание привлекал блестящий аристократ из рода Лавалей, молодой сеньор Жиль де Ре. Приехали главные советники короля – монсеньор Реньо де Шартр и сенешал де Гокур. К ним присоединился герцог Алансонский. Этим знатым господам Карл VII поручил наблюдать за всеми приготовлениями к походу.

Орлеанская армия, состоявшая из наемников, все же резко отличалась от обычных шаек мародеров. В нее влилось много людей, искренне желавших освобождения родной земли. Присутствие их придавало всему войску характер национально-освободительной армии. И душой этой армии стала девушка, принеся в нее свою белую хоругвь мира.

В Блуа Жанна не была одинока. У нее образовалась маленькая свита, состоявшая из верных и преданных людей. Кроме обоих лотарингских рыцарей, в эту группу входили бедный всадник д'Олон, ставший секретарем и оруженосцем Девы, капеллан, два пажа и два герольда. К ней присоединились также Жан и Пьер, братья, выехавшие вслед за сестрой из Домреми.

Жанна деятельно участвовала в подготовке новой армии. Она знакомилась с людьми, старалась узнать их настроения, делилась с ними своими мыслями и надеждами. Девушка придавала большое значение воинской дисциплине. Она стремилась внушить капитанам и солдатам, что только при твердом единоначалии, при полном отказе от разудалой жизни наемных банд можно одержать победу. Она заставляла воинов воздерживаться от грубой брани и пьянства, нещадно изгоняла из армии женщин легкого поведения, предостерегала от воровства и насилия, обычных в лагерной жизни.

Капитаны с удивлением смотрели на необычного полководца в белых доспехах и покачивали головами. Многого повидали они на своем веку, но такого еще никому не доводилось.

Ну и девчонка! Подумать только, как она смело действует, как уверена в своих словах и поступках! Она бесстрашно идет одна в общество заядлых рубак и сквернословов, ничего не боится и добивается своего! Ее слушают!

Ее распоряжения выполняют! Даже такой отпетый богохульник и ругатель, как седовласый Ла Гир, воздерживается в ее присутствии от своих словесных вывертов! Находятся, конечно, бродяги, которых и ей не пронять. Кое-кто пытается скабрешничать, кое-кто насмехается над ее «военными познаниями». Но насмешки не задевают девушку, а зубоскалов быстро одергивают их товарищи.

Ну и девчонка, ну и главнокомандующий! При ней и де Буссак, и де Гокур, и даже сам герцог Алансонский выглядят начальниками второго сорта. Солдаты, кроме нее, никого не желают признавать. Да, с такой – это можно сказать заранее – хлопот и неприятностей не оберешься!..

Жанна диктует письмо. Это очень трудная работа. Девушка то и дело морщит лоб. Секретарь д'Олон быстро строчит пером по пергаменту. Жанна думает и говорит по нескольку слов, а капеллан, брат Паскерель, поправляет ее обороты и придает мысли нужный оттенок.

Это письмо она отошлет годонам. Уже находясь в Пуатье, Жанна продиктовала краткое воззвание к английским военачальникам. Новое письмо будет подробнее и обстоятельнее. Основная его цель – внушить врагу, что мир лучше войны.

Жан д'Олон пишет и пишет. Строка за строкой ровно ложатся на желтоватый пергамент.

«...Король Англии и вы, герцог Бедфордский, что называете себя регентом Французского королевства, вы, Вильям де ла Пуль, герцог Сеффолкский; Джон Толбот и вы, Томас Скаль, именуемые лейтенантами герцога Бедфордского...»

Теперь главное требование:

«...отдайте Деве, посланной Царем Небесным, ключи от всех добрых городов, захваченных и разрушенных вами во Франции... Она готова заключить мир, если вы послушаете ее и заплатите за все, что захватили во Франции...»

Жанна уговаривает стрелков и рыцарей, стоящих под Орлеаном, вернуться в свои края. Что им делать во Франции? Пусть идут домой, к своим делам и заботам, пусть идут с миром. А если нет, если они не хотят оставить своего черного дела, то вскоре получат справедливое возмездие...

«...Если вы, король Англии, не сделаете этого, то я, ставшая военным вождем, заставлю волей или неволей удалиться ваших людей из Франции, где бы я их ни встретила; и если они не захотят слушаться, то я повелю их умертвить...»

Но Жанна не хочет их смерти. Она терпеливо объясняет Генриху VI,

что овладеть французским престолом ему все равно не удастся. Законный наследник престола будет коронован и вступит в Париж. Дело Карла VII – правое дело, дело всего народа. Поэтому оно победит. Поэтому никакие силы не спасут захватчиков, как бы ни было велико их число. И в заключение еще раз о главном: «...Дайте мне ответ, хотите ли вы мира в городе Орлеане; и если вы этого не сделаете, то вскоре пожалеете, так как понесете большие потери...»

Жанна отправила письмо с одним из своих герольдов прямо в лагерь англичан. Оно должно было предшествовать появлению французской армии в осажденном городе.

К 27 апреля все были в сборе. Продовольствие и вооружение упаковали и погрузили. Можно было трогаться в путь. Но тут возникло новое затруднение: какую избрать дорогу?

От Блуа к Орлеану их вело две. Одна проходила по правому берегу реки, через Бос, другая – по левому, через Солонь. В продолжительности пути разницы не было: и там и здесь он занял бы два дневных перехода.

Первая дорога имела то преимущество, что шла прямо к Орлеану. Но зато здесь армии и обозу пришлось бы двигаться на виду у крепостей, занятых англичанами, а затем прорываться через их позиции у самого города.

Дорога через Солонь была безопаснее, ибо проходила вне поля зрения годонов. Зато перед самым Орлеаном приходилось переправляться на лодках через широкую Луару.

Капитаны, исходя из инструкции Дюнуа, решили избрать более безопасный путь по левому берегу. Было договорено, что огромный обоз, разделенный на части, подтянут в два приема.

Жанна не принимала участия в совете капитанов. Она крайне смутно представляла, где расположен Орлеан и какие к нему ведут дороги. Единственно, чего она твердо требовала, чтобы ее доставили прямо к позициям Толбота. И это ей обещали.

В среду, 27 апреля, копыта коней гулко застучали по блуаскому мосту. Огромная армия растянулась вдоль дороги. За солдатами двигались шестьсот телег с продовольствием и снаряжением, за телегами – четыреста голов скота. Впереди войска гарцевала девушка на белом коне, в белых доспехах, с белым знаменем в руке.

Жанна резко выделялась среди других всадников. Рыцари, как обычно, ехали налегке, на запасных лошадях. Их тяжелые латы везли оруженосцы, а

пажи вели боевых коней. Девушка, напротив, была в полном вооружении. Опытные солдаты рекомендовали ей, чтобы привыкнуть к доспехам, не снимать их в течение нескольких дней.

Когда наступили сумерки и армия, прошедшая около восьми лье, расположилась на ночлег, Жанна осталась в латах. Долго не могла заснуть. То мерещилось, что она лежит в тесном гробу, то казалось, что палачи выворачивают ей руки и ноги...

Когда девушка проснулась, она не сразу поняла, что с ней. Все тело затекло и невероятно ныло. Она была разбитой и больной. Нет, она не может встать, она никуда больше не поедет, ей все равно...

Жанна крепко стиснула зубы и с помощью верного Мюго поднялась с земли. Умыла лицо и руки в ручье. Взобралась на коня и взяла свое знамя. Никто, кроме юного пажа, не имел понятия о том, что она чувствует.

Она совсем здорова! У нее ничего не болит! Вперед, вперед, в Орлеан!..

Армия снова была на марше. Девушка в белых латах мерно покачивалась в седле. Большое полотнище с изображением Мира полыхало над ее головой. Тяжелый меч в алых бархатных ножнах глухо ударял по бедру, одетому стальнойю.

Глава 3

ВСТРЕЧА

Медленно двигалась армия по неровной дороге, густо заросшей по краям полусохшей травой и колючим кустарником. Утреннюю прохладу сменил полуденный зной. Солнце раскалило доспехи Жанны, и она чувствовала себя совсем худо. Страшно хотелось пить. Веки смежала дремота. Знамя пришлось передать пажу, ибо рука поминутно разжималась. Девушка не заметила, как дорога стала забирать в гору. Передовой отряд вышел на холмы Оливе. Послышался слабый звон: это дозорные, увидев с башен армию, извещали население города.

Спустившись по зеленому склону, подошли к заставе Буше. И тут Жанна сделала открытие, поразившее ее точно громом: между войсками и городом протекала широкая река!

Полусонное состояние мгновенно оставило девушку. Она забыла про боль и недомогание. Ее охватили гнев и горькая обида.

Значит, ее всетаки обманули! Ей обещали, что армию выведут к позициям Толбота, а вместо этого вывели на противоположный берег Луары! Она думала сегодня же получить от англичан ответ на свое письмо, а вместо этого перед ней теперь, быть может, дни ожиданий! Хотела бы она посмотреть, как эти мудрые господа переправят войско и обоз через реку!

К девушке спешил маленький отряд во главе с молодым человеком в богатом платье. Это был граф Дюнуа, сопровождаемый несколькими солдатами. Узнав о приближении армии, граф пожелал лично встретить Жанну.

Она догадалась, с кем ей предстоит говорить. Поджидая Дюнуа, она гневно поглядывала из-под нахмуренных бровей. Вместо приветствия она резко спросила:

– Так это вы и есть Орлеанский Батар?

Дюнуа слегка наклонил голову:

– Да, это я. И я искренно рад вашему приходу. Девушка, казалось, не расслышала его слов. Она продолжала с горечью:

– Значит, именно, по вашему совету меня провели вдоль этого берега, а не прямо туда, где находятся Толбот и англичане?

Дюнуа принялся объяснять, почему был избран левый берег. Но Жанна ничего не хотела слушать. Она лишь заметила графу, что обманщики сами стали жертвой своего обмана.

И многомудрый полководец, опытный и осторожный стратег, вынужден был признать, что неграмотная крестьянка права. Действительно, с того момента, как, выйдя из Бургундских ворот, Дюнуа разглядел бесконечную ленту армии и обоза, он понял, что не все было взвешено и продумано. Конечно, путь по левому берегу был более безопасным. Но как теперь перевезти через реку шесть тысяч солдат, около тысячи единиц обоза и сотни коней с оружием и доспехами? У осажденных имелось лишь несколько рыбацких лодок и небольших барж. Чтобы переправить с помощью этих средств всю махину, потребовались бы недели. Переправу, проводимую в такие сроки, нельзя было скрыть от врага. Годоны наверняка использовали бы ситуацию и, выйдя из своих укреплений, стали бы громить французов по частям, по мере того как те переправлялись.

Дюнуа с сомнением качал головой и искоса поглядывал на Жанну. Понимала она все это или не понимала ровным счетом ничего, но факт остается фактом: девушка была, безусловно, права, она оказалась более разумной, чем добрый десяток выдавших виды боевых командиров.

После краткого совещания с господами де Ре, Буссаком, Ла Гиrom и другими Дюнуа принял половинчатое решение.

Переправить немедленно следовало лишь часть обоза и небольшой отряд воинов. Армия должна была остаться на ночлег у заставы Буше, а затем вернуться в Блуа. Оттуда, забрав вторую часть обоза, войско могло вновь подойти к Орлеану, на этот раз по правому берегу...

Что касается Жанны, то Дюнуа настаивал, чтобы она, оставив армию, вместе с ним вошла в город. Он знал, как Деву ожидает народ, и опасался серьезных волнений, если вернется без нее.

Вначале Жанна отказалась наотрез. Она не могла покинуть армию, после того как вложила в нее всю душу. Она не хотела оставить преданных ей людей во время трудных и опасных переходов. Девушке казалось, что без нее солдаты утратят свой энтузиазм и, превратившись в обычных наемников, разбредутся по сторонам.

Батару пришлось призвать на помощь все свое красноречие. Он убедительно доказывал, что войско будет вне опасности, а она, Дева, нужна Орлеану как воздух. Народ, истомленный долгой осадой, только на нее одну возлагает все свои упования. Неужели она откажет мольбам тысяч людей и оставит город беззащитным?

Графа поддержали капитаны, а сеньор де Ре дал от лица всех солдат торжественное обещание хранить заповеди Жанны и быстро присоединиться к осажденным.

Скрепя сердце Жанна уступила.

Лодка беззвучно скользила по узким протокам между островами, среди зарослей ивняка. В лодке сидели Жанна, Дюнуа, Ла Гир и Буссак. В отдалении шла вторая, большая шлюпка, в которой находились оба лотарингских рыцаря, братья Жанны и несколько воинов. Солнце уже спряталось за холмами Оливе. Становилось прохладно.

Без всяких приключений лодки обогнули острова Бурдон и Верхний и пристали у маленького поселка Шесси, в нескольких лье к востоку от Орлеана.

Жанна интересовалась судьбой части обоза, оставленной на левом берегу. Дюнуа сказал ей, что завтра утром обоз будет на нескольких лодках доставлен прямо в Орлеан. Это успокоило девушку.

Однако надо было думать о ночлеге. Богатый горожанин Гюи де Кайи, встретивший Жанну и ее спутников у причала, предложил им остановиться в его поместье.

Ночь пролетела быстро. А с раннего утра поместье загудело точно улей. Сотни орлеанцев, пробравшихся с опасностью для жизни мимо позиций англичан, требовали Деву. Толпа буквально осадила дом Кайи. Его владелец был уже и не рад, что приютил у себя «святую»...

Жанна несколько раз выходила к орлеанским делегатам, говорила с ними и обещала в ближайшие часы вступить в осажденный город. Но толпа не уменьшалась. Уходили одни, прибывали другие, и все кричали и требовали...

Это обеспокоило осторожного Дюнуа. Он понимал, что если здесь творится такое, то чего же можно ждать в Орлеане! Решили дождаться вечера, чтобы город несколько успокоился, да и англичане ослабили бдительность.

В шесть часов пополудни Жанна и остальные покинули поместье Кайи. Путь предстоял тяжелый: двигаться нужно было медленно и осторожно. Девушка хорошо запомнила этот день, пятницу 29 апреля: отсюда должна была начинаться ее грядущая боевая слава.

В Орлеан Жанна прибыла, когда уже смеркалось. В город вступили через Бургундские ворота. Впереди шел паж, несший знамя. Рядом с Жанной скакал Дюнуа. Далее следовали ее братья, маршал и капитаны, лотарингские рыцари, воины и горожане. Вдоль улицы Бургонь двумя шеренгами тянулась стража с зажженными факелами. Между этими шеренгами и проследовал отряд Девы.

Вскоре стройность кавалькады нарушилась. Многотысячная толпа, напиравшая на стражу, прорвала цепь ограждения. Жанну оттеснили от остальных всадников. Толкая друг друга, работая локтями и кулаками, люди стремились протиснуться поближе. Многие, как в Пуатье, старались дотронуться до одежды девушки или хотя бы до ее белого коня. Что-то восторженно кричали. Женщины протягивали детей для благословения. Казалось, будто все забыли обо всем и видели ее одну, думали о ней одной.

Медленно двигалась Жанна сквозь бурлящее море поднятых рук и обнаженных голов. Глаза ее затуманились, с губ не сходила счастливая улыбка.

Почему они так горячо ее приветствуют?

За что так любят?

Быть может, бедняки чувствуют, что она их дочь, связанная с простым народом неразрывными узами?

Быть может, они догадываются, что весь свой тяжелый путь она совершила только ради них?

А они не отставали, они шли рядом, провожая долгожданную Деву через весь город, от Бургундских до Ренарских ворот. Они не уставали ею восхищаться.

И правда, все казалось чудесным: и ее белые доспехи, и счастливое лицо, и уверенность, с которой она держалась в седле. Как она отличалась от гордых и чванливых господ! Как была проста и бесхитростна! И как находчива!..

Среди приветственных возгласов вдруг раздался крик ужаса. Толпа отпрянула. Оказалось, от неосторожного движения факельщика загорелось знамя. Огонь быстро распространялся, угрожая пожаром. Скверная штука! Дурное предзнаменование!

Но прежде чем зрители опомнились, угроза миновала. С какой точностью Жанна перехватила стяг! Как умело и ловко погасила пламя!

Своими сильными руками Дева отвела страшную беду от города!

Да, она была чудом, и чудо было призвано спасти Орлеан! Кто теперь мог сомневаться в этом?

Возле Ренарских ворот путь окончился. Здесь находился дом казначея Жака Буше, у которого Жанна должна была стать на квартиру. Девушка еще раз оглянулась на своих бесчисленных провожатых, приветливо махнула рукой и вместе с ближайшими спутниками въехала во двор.

В доме Буше ее ждал обильный и вкусный ужин. Но Жанна, усталая и обессиленная всем пережитым, не могла есть. Она попросила, чтобы с нее сняли доспехи, и вскоре уснула крепким сном.

Жак Буше был одним из богатейших людей в городе. Его роскошные хоромы орлеанцы выбрали специально для Жанны. Здесь все утопало в коврах. Высокие готические окна были затянуты плотными шторами. На стенах мерцали полотна причудливых картин. В поставцах поблескивала дорогая серебряная посуда.

Вся эта роскошь Жанне была ни к чему. Девушка ее попросту не заметила. С таким же успехом добрые граждане могли поместить ее в беднейшей лачуге – она вряд ли уловила бы разницу.

Жанна встала рано, разбуженная шумом на улице. Чуть отдернув штору, посмотрела в окно – и не поверила глазам. Улица была полна народу. Отталкивая стражников, люди стремились пробиться к дому. Многие были вооружены.

Жанна не знала, что в городе произошло настоящее восстание, начавшееся с вечера и бушевавшее всю ночь. Защитники города не хотели более слушать ни капитанов, ни правителей, которым давно не верили. У них теперь была Дева, и они требовали только Деву. Они желали немедленно во главе с ней идти на приступ английских укреплений.

Жанна проявила большое благоразумие.

Она думала одну думу с народом. Ей был приятен и близок народный энтузиазм. Однако она понимала, что следует воздержаться от немедленных боевых действий.

Пока не прибыла армия из Блуа, защитники города не обладали необходимым превосходством сил. Рисковать нужды не было. Кроме того, девушка надеялась, что англичане ответят на ее мирные предложения.

В течение дня Жанна пыталась выяснить, не было ли известий от Толбота. То, что она узнала, мало ее утешило. Годоны пренебрегли ее письмом и задержали герольда.

Тогда девушка послала в лагерь Сен-Лоранс второго герольда.

Посланец вернулся поздно вечером с печальным известием. Англичане заковали в цепи его товарища и собирались заживо сжечь, как подручного колдуньи.

Жанна попробовала сама договориться с врагом. Она прошла по мосту и взобралась на баррикаду перед фортом Сент-Антуан. Громким голосом призвала Дева английских капитанов. На насыпь Турели вышел сам Вильям Гласдель. Ему было любопытно взглянуть на чародейку.

Жанна потребовала, чтобы англичане вернули герольда и уходили прочь от Орлеана.

Гласдель расхохотался:

– Убирайся сама, потаскуха, и продолжай пасти своих коров, пока тебя не поймали и не сожгли!

Такой ответ, сопровождаемый выкриками и улюлюканьем, расстроил Жанну. Она не удержалась от слез. Ее, посланницу неба, они называют потаскухой и ведьмой? Они не хотят ее слушать? Что же, тем хуже для них!

– Все равно все вы скоро отсюда уйдете, – сквозь плач прокричала она, – но ты, ты богохульник, – Жанна обращалась к Гласделю, – вряд ли будешь свидетелем этого!..

Несмотря на весь свой героизм, на удивительные качества бесстрашного бойца и вождя, Жанна оставалась женщиной: она злилась, когда поступали ей наперекор, и плакала, когда ей было больно...

Последнюю, столь же безрезультатную попытку договориться Жанна сделала на следующий день. После этого она поняла, что мирные предложения натолкнулись на каменную стену. Враги не хотели мира. Нужно было готовиться к сражениям.

Людское море попрежнему окружало пристанище Девы. Жак Буше опасался, что народ выломает двери в его доме. Жанна, ожидая прибытия армии из Блуа, старалась как-то отвлечь внимание пылких воителей. Она в сопровождении народа осматривала город, проверяла стены, посещала церкви.

В понедельник, 2 мая, девушка решила ознакомиться с расположением крепостей англичан. Она выехала из Ренарских ворот, углубилась в поле и затем обогнула стены города полукругом, вплоть до Бургундских ворот. Это дало возможность хорошо рассмотреть все бастилии, форты и насыпи правого берега.

Во вторник, 3 мая, обстановка особенно накалилась.

Армия все еще не появлялась. Стали распространяться слухи об измене. В народе упорно говорили, что маршал де Буссак сбежал, а монсеньор Реньо де Шартр распустил все наемные отряды. Кое-кто выражал опасение, что армия, благополучно вышедшая из Блуа, была разбита и уничтожена англичанами на пути в Орлеан.

Жанна старалась рассеять сомнения и слухи. Она уговаривала горожан, как малых детей, уверяя, что армия придет невредимой. Мало ли какие могли быть причины задержки! Надо спокойно ждать и охранять стены. Еще день, много – два, и все страхи окончатся.

Девушка не ошиблась. На заре следующего дня дозорные заметили широкую ленту войска, двигавшегося через долину Боса.

Жанна выехала навстречу армии. Вместе с ней были Ла Гир и отряд в пятьсот бойцов. Капитаны опасались, как бы враги не ударили по французским частям, когда те приблизятся к их укреплениям. Этого не произошло. Годоны не пожелали ввязываться в бой с армией, численно их превосходившей. Идея о разумности подхода к Орлеану по правому берегу еще раз практически подтвердилась.

Ну, слава Богу, все предварительные операции закончены! Обоз и армия – в Орлеане. Солдаты и капитаны, измучившиеся в пути, могут расположиться на короткий отдых.

Вздохнула с облегчением и Жанна. Вместе с верным д'Олоном, прибывшим с блюаской армией, она отправилась обедать.

Когда убрали скатерть, в комнату вошел Дюнуа. Между прочим, он заметил, что англичане тоже ждут подкреплений, которые должен привести сэр Джон Фастольф, триумфатор «дня селедок».

Жанна сразу насторожилась.

– Батар, Батар, – сказала она, – именем Бога приказываю сообщить, как только станет известно о движении этого Фастольфа. Если же он прибудет, а мне об этом не доложат, обещаю отрубить вам голову!

Это была шутка, и Жанна первая расхохоталась. Посмеялся и Дюнуа, не проявивший, впрочем, слишком большой веселости.

Но в грубоватой шутке Девы имелась крупица истины.

Жанна никак не могла до конца поверить всем этим господам, даже любезному и обходительному Дюнуа. Ей представлялось, что они ее сторонятся и все время что-то скрывают, чего-то недоговаривают. Она гнала эти мысли, но тщетно! Подозрения вновь и вновь возвращались.

Ближайшее время показало, что девушка сомневалась не напрасно.

Глава 4

ЗАГОВОР

Дюнуа покинул Жанну далеко не в хорошем настроении. Ему показалось, будто девушка догадывается о том, что хранилось в тайне...

Против Жанны готовился заговор. И он, Дюнуа, стал одним из участников этого заговора.

Вот как это произошло.

Когда некоторые сеньоры во главе с архиепископом Реймским поддержали Жанну, они считали, что действуют сугубо в своих интересах. Все они либо владели землями в областях, захваченных англичанами, либо стремились к повышению престижа монарха из соображений карьеры. «Святая» девушка казалась им весьма удобным орудием, которым, учитывая всеобщую религиозность и веру в чудеса, не следовало пренебрегать. Они рассчитывали сделать из Жанны своего рода икону, которую можно будет нести впереди народа и этим направлять народ в нужную сторону. Им и в голову не приходило, что неграмотная крестьянка пожелает заявить о своем «я» и будет претендовать на нечто большее, чем роль слепой исполнительницы их воли. Для этих господ Жанна была лишь мелкой фигурой в большой игре, ничтожной пешкой, которую можно двигать туда и сюда по шахматной доске или сбросить, если она окажется бесполезной.

Однако уже первые шаги Жанны заставили архиепископа насторожиться. Ему крайне не понравилось строптивное поведение девушки в Пуатье. То, что он увидел лично в Блуа, и то, о чем получил донесения из Орлеана, совсем расстроило почтенного прелата.

Кто мог предполагать, что эта семнадцатилетняя крестьянка, не знающая, по ее выражению, ни «а» ни «б», проявит такую прыть и начнет оспаривать мнения опытных богословов? Кому в голову могло прийти, что она станет вмешиваться в жизнь солдат, устанавливать свои порядки, предъявлять свои требования, добиваться осуществления своих военных планов? А народ? А все эти ополченцы и простые солдаты? Из иконы они превратили ее в личность, из послушного орудия – в военного вождя, затмившего знатных и достойных сеньоров.

Все это очень скверно. Чернь признала в девчонке своего капитана. А куда может повести такой капитан? Хорошо еще, если против годонов. А

если?.. Архиепископ хорошо помнил о Жакерии,^[10] охватившей чуть ли не треть страны, о проклятом бунте парижан, который едва не стоил ему жизни...^[11] Ведь все это было, и было не так уж давно!..

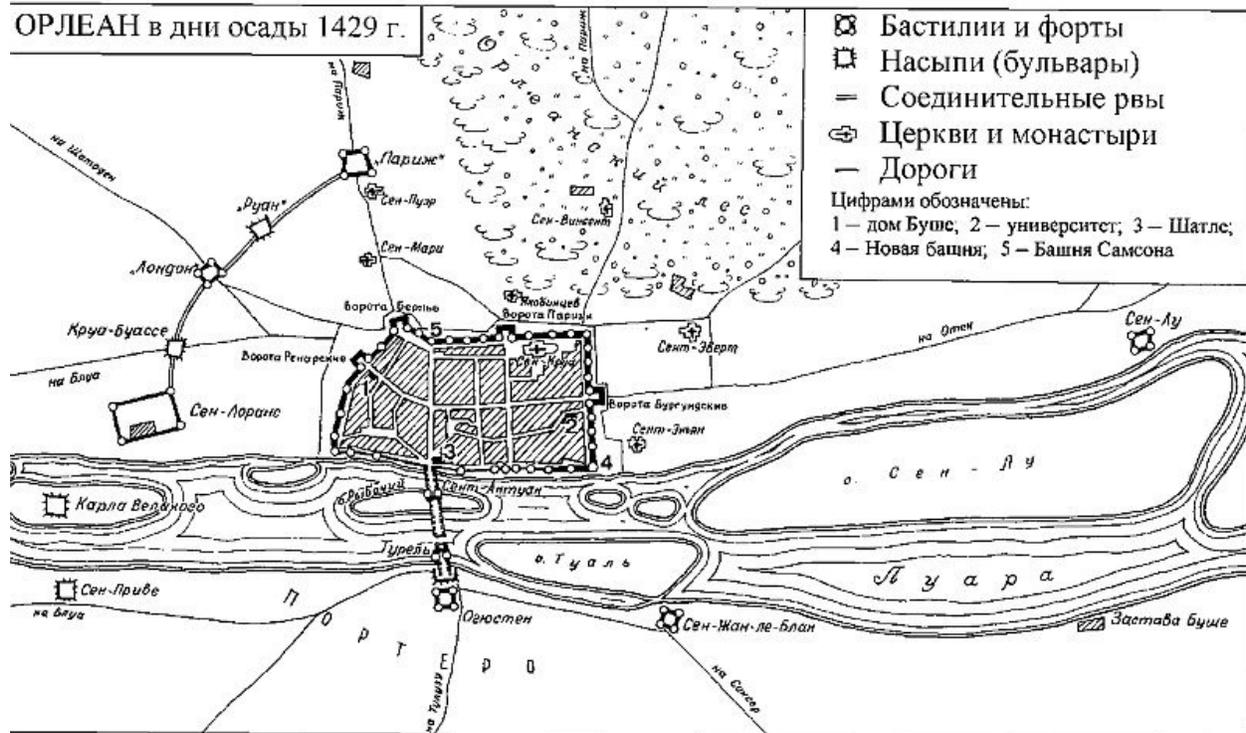
Но даже если не думать о самом худшем, все равно скверно. Каждое сословие должно твердо знать свое место. Каждый должен заниматься своим: духовенство – молиться, сеньоры – воевать и поддерживать трон, народ – платить подати и следовать повелениям господ. Теперь же в Орлеане все нарушено. Девка перевернула вверх дном обычный порядок. Податные взялись за оружие и стали командовать. Благородные оттеснены до роли простых наблюдателей. Это к добру не приведет. Все ждут победы. Но победа, полученная из рук черни, – это поражение.

Этого нельзя допускать. Необходимо срочно принять все меры, чтобы вернуться к порядку.

Меры! Но какие? Устранить девчонку, как предлагал шамбеллан? Конечно, сделать это весьма просто. И однако этого делать нельзя. Во всяком случае, теперь. Теперь бы это могло обойтись слишком дорого. Народные страсти разбужены, поднялась огромная волна, и одиночным убийством ее не остановишь. Можно лишь все сорвать, все испортить. Кроме того, при нынешнем положении дел она всетаки может пригодиться. Но чтобы заставить ее служить дворянскому делу, следует ограничить сферу ее действий, каких бы это ни потребовало усилий. Пусть народ забавляется ею как святой, а капитаны и рыцари делают то, что должны делать. Тогда победу принесут те, кто и должен принести: благородные дворяне. Тогда монарх примет корону из рук тех, кому и надлежит ее давать: из рук знати. Тогда все останется на своих местах. Стихия войдет в берега, кесарь получит кесарево, а Бог – Божье.

Представители знати, державшие сторону архиепископа, согласились со всеми его аргументами и выводами, а старик Гокур взял на себя проведение их в жизнь. В период подготовки вторичного выступления армии из Блуа было созвано тайное совещание. Знатные капитаны – сеньор де Ре и другие – договорились о главном. Это и задержало на несколько дней прибытие армии в осажденный город.

ОРЛЕАН в дни осады 1429 г.

Когда Дюнуа и де Буссак, отправившиеся раньше Жанны навстречу войску, повидались с командирами конвоя, им было доложено о происшедшем в Блуа. Решили этим же днем уведомить главных капитанов, находившихся в городе. И вот в то время, как войско располагалось на отдых, а Жанна и д'Олон возвратились к себе на квартиру, благородные сеньоры собрались в доме канцлера Кузино на улице Розы и держали совет.

Заседание было коротким. Совет принял решение немедленно организовать вылазку против бастилии Сен-Лу, находившейся на отшибе от других английских крепостей. Об этом предприятии не известили ни Жанну, ни предводителей городского ополчения. Если удастся быстро и тайно провести задуманное, рассуждали капитаны, это явится залогом дальнейших успехов. Жанна, увидев, что в военных операциях обходятся без нее, смирился со своим положением, а это успокоит чернь.

Все господа были единодушны. Дюнуа придерживался того же мнения, но был более проникновенен, чем другие. Он хорошо присмотрелся к Жанне и сомневался, чтобы так легко удалось сбросить ее со счетов. В состоянии тяжкого раздумья он отправился к Буше. Разговор с Девой еще больше укрепил его неуверенность. Он все же посоветовал Жанне лечь отдохнуть и ушел с беспокойным сердцем, зная, что как раз в это время рыцари готовятся к сражению.

Так начал оформляться этот заговор. То был заговор патрициев против

плебеев, господ против податных, прелатов и сеньоров против народной героини. Он был закономерен. Люди «голубой крови» и вековых привилегий не желали стать на равную ногу со вчерашними рабами, а вчерашние рабы не могли испытывать любви и признательности к своим угнетателям. Перед этой социальной ненавистью бледнела злоба к внешнему врагу. Знатные были готовы заключить перемирие с годонами, как некогда, в дни Жакерии. Но теперь народ не дал бы им сделать подобного. Все эти простые мужики и обремененные налогами горожане становились подлинными сынами рождающейся французской нации. Разбуженные мощным патриотическим порывом, они не собирались вновь погружаться в дремоту. Порукой тому была их Дева, призванная жизнью и во имя жизни совершить свой бессмертный подвиг.

Глава 5

СЕН-ЛУ

Природа щедро наградила Жанну особым внутренним свойством, восполнявшим ей недостаток знаний. Самой девушке, а равно и всем ее окружавшим свойство это представлялось чудесным, идущим не иначе как от Бога. До предела целеустремленная, всецело отдавшаяся претворению в жизнь своей великой идеи, Жанна остро чувствовала все, что прямо или косвенно этой идеи касалось. Доверчивую и бесхитростную, здесь ее обмануть было невозможно.

Вот и сегодня она определенно заметила непонятную сдержанность капитанов, старавшихся при встрече избежать ее взгляда. Она ясно чувствовала враждебность со стороны старого Гокура. А этот визит Дюнуа? Эта странная речь о Фастольфе, за которой как бы скрывалось что-то другое, более близкое?..

Мысли путались в голове девушки. Крайне утомленная утренним походом, она решила прилечь и попытаться уснуть. Д'Олон, измученный не меньше ее, пристроился здесь же, на полу. Однако выспаться ему не удалось. Едва он закрыл глаза, как почувствовал, что его будят. Рядом стояла Жанна, отчаянно тормоша его за плечо.

– Вставайте! Я уверена, что идет битва. То ли бьются с Фастольфом, то ли осаждают укрепления годонов, но я должна быть готова немедленно!

Д'Олон спросонья ничего не мог понять. Он уловил лишь шум на улице, быстро поднялся и, не говоря ни слова, принялся надевать на Жанну доспехи. Прибежали хозяйка с дочерью.

Секретарь поручил им закончить облачение девушки, а сам кинулся вниз и крикнул конюхам, чтобы подавали оружие и лошадей. По улице бежали люди. От них д'Олон узнал, что сражение развернулось у бастилии Сен-Лу и что французы терпят большой урон.

Первым, кого увидела Жанна, был ее юный паж. Девушка упрекнула его за бездействие и приказала тотчас же принести знамя, а сама вскочила на коня.

Мюго, чтобы не терять времени, протянул ей знамя прямо из окна. Прежде чем остальные опомнились, она уже мчалась во весь опор к Бургундским воротам.

– Бегите за ней! – взволнованно кричала жена казначея. Паж и секретарь, нещадно шпора коней, нагнали Жанну у самых ворот, где она

наводила порядок. Здесь создалась сутолока.

В то время как ополченцы, окружавшие Жанну, стремились выйти из города, встречная толпа воинов бежала с поля боя.

Торопливо проносили раненых.

Жанна, крепко сжав древко знамени, преградила дорогу бегущим:

– Остановитесь! Не показывайте врагам спины! Вперед! Над городом загудели протяжные звуки набата...

Сражение началось часа два назад.

Капитаны избрали объектом вылазки бастилию Сен-Лу, потому что она находилась подле наиболее удобной переправы с левого берега Луары. Крепость оставалась постоянной угрозой в тылу любого отряда, идущего в Орлеан через Солонь. Вместе с тем казалось, эту бастилию взять будет легче, чем любое из остальных английских укреплений. Расположенная особняком, в полном отрыве от основных позиций годонов, бастилия Сен-Лу при удачной атаке могла быть захвачена до того, как успели бы прийти ей на помощь; нужно было лишь хорошо продумать и организовать наступление.

Этого-то как раз капитаны и не сумели сделать.

Решив действовать втайне от Девы и городского ополчения, Гокур и другие думали осуществить свою идею молниеносно. Не позаботившись о резервах, сеньор де Ре, которому поручили провести операцию, двинул свои войска на английскую крепость без передышки.

Усталые французские пехотинцы не смогли достаточно быстро и незаметно подойти к крепости. Англичане обнаружили их и подняли тревогу. Нападающие были с потерями отброшены.

Французские капитаны не ожидали такой прыти. Вторая атака оказалась столь же безрезультатной. Мало того, теперь наступающие, дезорганизованные и растерянные, опасаясь внезапной вылазки из крепости, стали в беспорядке разбегаться. Тщетны были боевые призывы командиров. Казалось, сейчас повторится «день селедок».

Именно в момент, когда бегство отдельных отрядов начало превращаться во всеобщую панику, в воздухе полыхнуло знамя Жанны.

Сердце усиленно колотилось. Вот оно, ее первое дело! Первая настоящая битва, которую нужно обязательно выиграть!

Кругом бегут вооруженные люди. Издали они кажутся маленькими, как муравьи. Гремят пушечные выстрелы.

Страшно ли ей? Нет, девушка не испытывала ни малейшего страха.

Только возбуждение было необыкновенно сильным. И еще – твердая уверенность в успехе.

Юный полководец быстро оценил поле боя.

Крепость на холме не имеет высоких стен – лишь двойной частокол. Это хорошо. Значит, если пробраться наверх, взять укрепление будет не так уж сложно.

Так за чем же остановка?

Только смелость, только единый порыв – не раздумывая и не задерживаясь, вперед, вперед, невзирая на стрелы и ядра, вперед, ибо нас больше, чем их, ибо правда за нами, ибо нас ведет страстное желание вернуть нашу землю!..

Жанна спешивается. Оглянувшись, она кричит своим людям, зовет их и устремляется вперед, наверх.

Кажется, она заколдована: стрелы падают вокруг нее, ни одна не причиняет ей вреда.

Девушка взбирается на каменную гряду. В руках у нее только знамя. И она машет им, машет и кричит все одно и то же слово:

– Вперед!

И тут на глазах у потрясенных капитанов происходит чудо. Их усталые солдаты, ничего не желавшие слушать, смятенные и гонимые страхом смерти, – они ли это? Пристыженные и воодушевленные, гордые своим семнадцатилетним командиром, они больше ничего не боятся, они верят в победу! Еще шаг, еще и еще!.. Вот и последний уступ, за который можно укрыться.

Ну, еще рывок!.. И подъем кончился!

Ага, господа англичане, ваши нервы не выдержали! Где же ваша хваленая стойкость? Вы бросаете луки и пушки, вы поджигаете стены, не надеясь больше их удержать?..

– Вперед!..

Жанна оглядывается, чтобы еще раз подбодрить своих, и вдруг замирает.

Что это там внизу, справа? Нет сомнения, это годоны! Они выходят из Орлеанского леса. Сражение настолько затянулось, что Толбота успели известить, и теперь он, собрав войска из западных укреплений, спешит на помощь гарнизону Сен-Лу!

Жанна знает, что со своих позиций осажденные не могут увидеть войск Толбота. Правда, еще миг, и они их увидят. Но этого Дева не допустит.

Решение созревает сразу же.

Жанна отдает приказ:

– Пусть ополченцы, пришедшие из города, немедленно выстроятся против линии годонов и прикроют наступление на Сен-Лу! Скорей! Не теряя ни мгновения!

И несколько сотен людей быстро перестраивают ряды. Теперь их пики и мечи обращены в сторону леса. Новые и новые толпы горожан и солдат присоединяются к ним.

Некоторое время линия Толбота стоит неподвижно.

Прославленный полководец видит пламя, вспыхнувшее на холме Сен-Лу.

Он все понимает. Увы, он опоздал... Врагов ему не рассеять и крепость не спасти.

Короткий приказ – и армия Толбота поворачивает на северо-запад.

Поле боя принадлежит смелым.

...После трехчасового штурма крепость Сен-Лу была взята. Часть гарнизона спаслась, удрав по восточному склону холма. Сто шестьдесят англичан было убито, сорок взято в плен. Наступающие потеряли всего лишь нескольких бойцов. К вечеру люди, присланные из Орлеана, сровняли с землей остатки крепости.

Так закончился этот день, 4 мая 1429 года.

Это был большой день, и он по праву принадлежал Жанне. Взятие Сен-Лу стало событием исключительной важности. Англичане потеряли единственную крепость, которой они владели на правом берегу Луары, к востоку от Орлеана.

Это значило, что кольцо осады разорвано.

Это значило, что французы контролировали верхнее течение Луары, что они получали возможность беспрепятственной переправы через реку.

Это предвещало скорое освобождение Турели, а вслед за ней и всего города.

Но главное – взятие Сен-Лу было первой победой французов за многие месяцы осады, после многих поражений, многих дней отчаяния.

И эта победа была одержана вопреки воле господ, силами простых людей, мужеством и сметливостью бесстрашной крестьянки.

Глава 6

ТУРЕЛЬ

– А всетаки, господа, что ни говорите, эта юная пастушка открыла нам дорогу на Турель.

Мессир Амбруаз Лоре хитро улыбнулся и посмотрел на своих коллег. Сидевший во главе стола де Гокур скривил губы, но промолчал. Молчали и остальные. Все знали, что де Лоре прав, но к чему было беречь раны?

Они собрались на совет к вечеру 5 мая. Заседание, как обычно, проходило в доме канцлера Кузино. Здесь были Дюнуа и де Буссак, господа де Ре, де Гранвиль, Ла Гир и многие другие.

Совещание началось в похоронной обстановке. Де Гокур пожурил капитанов за то, что они проморгали вчерашнее сражение и выпустили инициативу из рук.

После реплики де Лоре поднялся Дюнуа.

Дюнуа начал с замечания, что сейчас не время для упреков и споров. Что прошло, то прошло. И слава Богу, что кончилось так, а не хуже. Необходимо сделать выводы и подумать о будущем.

Мессир де Лоре высказал самое главное: дорога на Турель действительно открыта. Можно ли не использовать это? Он, Дюнуа, которого все знают как воплощение осторожности, считает, что сейчас нужно действовать решительно, ибо случай крайне благоприятен и другой подобный представится не скоро. Необходимо нанести удар по Турели, прежде чем англичане смогут помешать.

Что он даст? При успехе – решающую победу. Ибо, лишившись укреплений на востоке и на юге, потеряв мост и левый берег, годоны окажутся разобщенными и беспомощными. После этого даже приход подкреплений не сможет изменить картину. Им останется либо покинуть западную группу крепостей, либо принять генеральный бой, в котором французы будут располагать значительным превосходством сил.

Но как обеспечить проведение операции?

Для этого главное – отвлечь внимание врага.

Пока в руках англичан остается нижнее течение Луары, они всегда могут осуществить переброску войск с правого берега к Турели. Чтобы не допустить этого, необходимо сковать их силы на правом берегу...

Дюнуа делает паузу и обводит капитанов взглядом. Пока что они не понимают его. Ну ладно, он разъяснит.

Господа знают, как ополчение рвется в бой. Вся эта чернь мнит себя чуть ли не знатоками военного дела. Вчера они преподнесли урок благородному сословию. Что ж, пусть завтра используют этот урок для себя.

Нужно будет скрыть от народа истинный план операции. Нужно будет предложить нападение на одну из правобережных крепостей – допустим, на бастилию Сен-Лоранс, где сидят основные силы Толбота. Чернь пойдет на эту приманку. Вместе со своей Девой она утром же устремится к указанной крепости!..

Теперь господам понятно? В то время как благородные рыцари начнут сражение за Турель, плебеи оттянут на себя главные силы противника у бастилии Сен-Лоранс. Конечно, англичане поколотят ополченцев и крестьян, а быть может, и всех их перебьют. Но, так или иначе, те сделают свое дело и отвлекут врага.

Таким образом, будут одновременно разрешены две важные задачи. Благородные рыцари без помех возьмут Турель и обеспечат завершение орлеанской эпопеи – хвала им и честь! – а простолюдины, чтобы не заносились, получают взбучку от годонов, которые заодно поубавят спеси их обожаемой Деве!

Дюнуа кончил и скромно опустил глаза. Все переглянулись. Воистину это был дьявольский план! Так вот на что способен этот тихоня!..

Капитаны поднялись, собираясь расходиться. Вдруг к председателю подскочил Ла Гир:

– А Дева?.. Мы же забыли пригласить Деву!

Дружный хохот был ответом на эти слова. Седовласый храбрец бывает наивен до глупости. Нашел время вспоминать о Деве!

Но Дюнуа неожиданно поддержал Ла Гиру. В данном случае в предложении храброго капитана не было ничего наивного. Господа не учли, что народ должен быть извещен о походе на Сен-Лоранс. Кому же его известить, как не этой крестьянке? Ее следует позвать. Разумеется, об истинном смысле операции, о Турели, ей не будет сказано ни слова.

С этим все согласились.

Факелы тускло освещали большой зал дома Кузино. Капитаны сидели неподвижно, как изваяния. Жанна быстрыми нервными шагами прохаживалась вдоль комнаты. Лицо ее было хмуро и напряженно. Она старалась разобраться во всем, что здесь услышала.

Нет, напрасно эти господа тратили свое красноречие! Они ничего ей не объяснили. Девушка никак не может понять, что это – глупость или

притворство?

Они заявили ей, что завтра, с раннего утра, следует начать штурм бастилии Сен-Лоранс в Оржериле, где сидят главные силы Толбота. Но что это может дать, если Турель остается у годонов? И потом, почему она должна идти на приступ только с силами ополчения? Неужели капитаны не понимают, что ополченцы при всей их доброй воле одни справиться не смогут? Кстати, а где в это время будут сами господа рыцари? Они предпочитают отдыхать и наблюдать со стороны? Это, конечно, в их вкусе, но при столь серьезном деле подобные шутки все же неуместны. Не следует как-никак забывать, что город их содержит, отказывая себе в последнем!

Нет, все это вздор, чепуха. Не может она им поверить. Жанна останавливается, исподлобья оглядывает застывшие фигуры и вдруг топает ногой.

– Скажите мне, что вы решили? – сердито кричит она. – Не может быть, чтобы было задумано лишь то, что мне доложено. Я уверена: речь шла о гораздо большем!

Дюнуа пытается вывернуться:

– Не сердитесь, Жанна. Нельзя сказать все в один миг. Вы не дослушали нас. Мы действительно решили то, что было вам передано. Впрочем, – продолжал он небрежно, – если бы неприятель с левого берега попытался прийти на помощь укреплению Сен-Лоранс, мы бы, в свою очередь, могли перейти реку и что-либо предпринять возле форта Огюстен или Турели...

Жанна слушает, и именно та часть фразы, которую хитрый дипломат пытается смазать, привлекает все ее внимание.

Ага!.. Кажется, она начинает понимать! Здесь была задумана грязная игра. Но не надейтесь, господа. Мы ее переиграем!

Лицо Жанны просветлело. На улыбку Дюнуа она отвечает улыбкой. Совет хочет знать ее мнение?

Да, теперь ей все разъяснили. Она вполне поняла существо плана. Ей кажется, что лучшее решение, во всяком случае, касательно Турели, трудно придумать. Но не считают ли господа капитаны, что уже очень поздно и, учитывая предстоящее утро, сейчас следовало бы отправляться спать?

В действительности, однако, если кто и думал о сне, то только не Жанна. Нужно было срочно разыскать начальников городских отрядов. Девушка знала, где их найти. Она обошла башенные караулы, чтобы в первую очередь известить дежурных.

У башни святого Самсона, где находился арсенал, Жанна встретила рослого мужчину, закутанного в плащ. Хотя было очень темно, девушка узнала его.

Это был мастер артиллерии, веселый пушкарь Жан Монтеклер. Он славился своей меткостью и сноровкой. Англичане как огня боялись этого шутника. И правда, он причинял им много неприятностей. Иногда в самом разгаре боя Монтеклер представлялся смертельно раненым и падал у лафета. Обрадованные враги с гиканьем и ревом кидались к месту возможного прорыва. И тут неожиданно «мертвый оживал» и потчевал их своими «гостинцами».

Жан Монтеклер сразу почувствовал симпатию к своей тезке. Дева с обычной для нее проницательностью предугадала важную роль артиллерии, бывшей в то время новинкой. Мастера Жана она полюбила как великого искусника и хорошего человека. Сейчас девушка была особенно рада неожиданной встрече. Не вдаваясь в подробности, она сказала:

– Завтра на рассвете будь со своими у Бургундских ворот.

– У Бургундских?

– Да. И постарайся известить всех командиров ополчения. Мастер Жан почесал в затылке:

– Дело касается Турели? Девушка утвердительно кивнула.

Теперь, наконец, можно было спокойно отправляться домой, чтобы поспать те немногие часы, которые оставались до рассвета.

Рано утром 6 мая Жанна скакала к Бургундским воротам. Взору ее представилась странная картина.

Вся улица была запружена шумной толпой. Ополченцы, яростно потрясая копьями и арбалетами, что-то кричали. У ворот прохаживались молчаливые стражники в стальных доспехах. Тут же, опираясь на меч, с брезгливой миной на лице стоял сам де Гокур. Ворота были заперты. Жанна спросила, что происходит.

– Да вот его светлость не изволит дать приказ, чтобы открыли ворота. Нас хотят задержать, как мышей в мышеловке. Очевидно, пропуск будет дан только господам рыцарям.

Девушку обуяла ярость.

– Вы очень злой человек! – бросает Жанна в лицо сенешалу. – Почему вы не пускаете этих людей? Знайте: они все равно выйдут и сделают свое дело так же хорошо, как и в прошлый раз!

Возбужденные словами Жанны, ополченцы бросаются на стражников. Гокур прижат к стене.

Чувствуя, что ему недобровато, старик громким голосом приказывает открыть ворота. Стирая пот с лица, он оборачивается к нажимающим на него людям:

– Ступайте за мной! Я сам буду вашим капитаном!

– Как же, больно нужен ты нам! – ворчит оборванный подмастерье, с досадой опуская занесенный было кулак.

Много времени отняла переправа.

Выйдя к реке у Новой башни, ополченцы и стрелки занялись подгоном лодок. Весь наличный «флот» мог взять сравнительно небольшую партию воинов. Опасаясь внезапного нападения со стороны левобережных фортов, переправу проводили двумя этапами. Сначала людей перевозили на остров Туаль. Лодки пришлось не раз гонять туда и обратно. Затем, когда все собрались на острове, плоскодонки поставили в узкой протоке борт к борту до самого берега. По этому самодельному мосту войско перебралось в Солонь.

Едва ступив на землю, Жанна развернула знамя:

– Вперед!

У форта Жан-ле-Блан стерегла неожиданность: штурмовать было некого. Англичане, считая невозможным оборонять всю линию левобережных укреплений, догадавшись о планах противника, оставили форт и перешли в укрепление Сент-Огюстен, прикрывавшее мост и Турель.

Жанна с несколькими воинами прошла вперед, чтобы как следует рассмотреть позиции англичан.

Форт Огюстен, ярко освещенный солнцем, был виден в деталях. Англичане создали его в пределах прежнего монастыря августинцев. Используя прочные монастырские строения, годоны окружили их рвами и насыпями. Гарнизон крепости значительно усилился за счет людей, пришедших из форта Жан-ле-Блан.

А за насыпями Сент-Огюстена возвышались, уходя в голубое небо, широкие башни Турели.

Жанна сразу пришла к выводу, что ее вчерашняя мысль оказалась верной. Ни ополченцы, ни рыцари порознь не смогли бы взять таких укреплений. Необходимо было действовать всем сообща. Очень нужна была артиллерия. Между тем рыцари не появлялись, и мастер Жан почему-то запаздывал.

Девушка решила вернуться в город, чтобы подогнать нерасторопных.

В Орлеане ее встретили плохо. Благородные капитаны были взбешены. Многие из них стояли на том, что раз чернь распорядилась посвоему, то ее

следует проучить, лишив всякой поддержки. По адресу Девы раздавалась грубая ругань.

Но Жанну мало беспокоили эти выпады. Она знала, что солдаты и простые рыцари все равно пойдут за ней. Поэтому она держалась уверенно.

К девушке подошел Дюнуа. Он казался подавленным.

– Что вы наделали, Жанна! – тихо сказал он. – Теперь весь наш план провалился и мы сами не можем выйти из города.

– Почему?

– Да потому, что англичане из крепости Сен-Лоранс – а там их главные силы, – едва увидев, что мы отправились к Турели, начнут штурмовать Орлеан!

Жанна подумала мгновение и вдруг рассмеялась. Дюнуа удивленно поднял брови.

– Пустяки! Волков бояться – в лес не ходить. Годоны бастилии Сен-Лоранс не шелохнутся.

– Откуда такая уверенность?

– Очень просто. Если вы боитесь годонов, то, поверьте, они боятся нас еще больше. Враги не знают всех наших сил. Они не рискнут оставить правобережные крепости, опасаясь, что мы их займем, едва они выйдут.

Мысль была предельно проста и... верна. Дюнуа не мог не признать этого. Он ничего не ответил. Его брала досада, что опять – в который раз! – он попадает в глупое положение.

Между тем хмурые капитаны собирали и строили войска.

Мастер Монтеклер, которого девушка принялась было распекать, объяснил причину задержки. Хотя встал он чуть свет и другие пушкари также почти не спали, однако при царившей неразберихе понадобилось много времени и сил, чтобы снять и подготовить орудия, собрать и погрузить на телеги ядра и порох. Люди взмокли от пота. Впрочем, сейчас все готово и можно приступать к переправе.

Девушка подъехала к Ла Гиру:

– Мы с вами пойдем в авангарде. Остальные, – она обернулась, – пусть следуют за монсеньором Батаром.

Между тем события на левом берегу приняли неожиданный оборот.

Солдаты, возглавляемые де Гокуром, не найдя ничего соблазнительного в покинутой крепости, стали тяготиться бездействием.

А время шло. Наступил полдень. Дева и подкрепление не прибывали. Старый Гокур ехидничал, поддразнивая горожан. Наконец, потеряв терпение, солдаты и ополченцы своими силами начали штурм форта

Огюстен.

Это была большая ошибка.

Годоны быстро убедились в малочисленности французов.

Когда неорганизованная толпа хлынула по дороге к форту, ее подпустили на выстрел из лука, а затем, выйдя из укреплений, стали осыпать стрелами.

Трудно сказать, чем бы закончилось это, если бы вдруг у переправы не появились Ла Гир и Жанна во главе небольшого отряда воинов.

Жанна увидела бегущих, еще находясь на острове Туаль. Она сразу все поняла. Она почти не сомневалась, что Гокур по злобе к ней допустил преждевременную атаку.

Переправа, как и утром, затягивается.

Солдаты на острове весьма малочисленны. Однако надо рискнуть. Только смелый и неожиданный удар может спасти положение.

Жанна смотрит на Ла Гира. Храбрый капитан кивает. Маленький отряд через мост из лодок переходит на берег.

Жанна останавливает бегущих:

– Вперед! За мной, кто любит меня!

И вот она мчится впереди. Рядом с ней – Ла Гир.

Годоны в недоумении останавливаются.

Что произошло? Откуда этот шквал? Почему зайцы превратились во львов? О!.. Снова эта ведьма! Она летит вихрем со знаменем наперевес! Вероятно, за ней большие силы!..

И недолго думая годоны показали тыл. Им и в голову не пришло, что отряд, перед которым они отступают, намного меньше их войска и вполнину хуже вооружен.

Только перед самым фортом англичане остановились.

Год дэм! Так, чего доброго, враг у них на плечах ввалится в крепость и овладеет ею!

Снова посыпались стрелы.

Но Жанна с теми ничтожными силами, которыми располагала, и не рассчитывала взять форт с налета. Важно было лишь продержаться до прихода подкрепления. Все чаще и чаще оглядывалась девушка на переправу. Наконец она различила черную массу рыцарей, над которой трепетало знамя Дюнуа. За рыцарями тянулась артиллерия.

Слава Богу! Еще одно испытание осталось позади!

Форт Огюстен был взят, когда солнце садилось. Мастер Монтеклер

несколькими удачными выстрелами расчистил путь осаждающим. Жанна взобралась на насыпь одной из первых и установила там свое знамя. В проходах между рвами завязались жестокие схватки. Но судьба форта была решена. Годоны не могли долго противостоять бешеному натиску наступающих. Силы были слишком неравными. Захватив двор, ополченцы и рыцари стали штурмовать монастырские здания. Англичане пытались прорваться и уйти в Турель. Это удалось немногим. Большинство было перебито, остальные взяты в плен.

А с наступлением темноты над бывшим монастырем вспыхнул гигантский костер. Это по приказанию Жанны ополченцы подожгли крепость, чтобы остановить грабеж, которому предавались упоенные победой солдаты.

К ночи, оставив лошадей и оруженосцев в Портеро, капитаны вернулись в город. Ополченцы и стрелки, напротив, пожелали ночевать на отвоеванной территории.

Жанна колебалась. Ей очень хотелось остаться с солдатами, чтобы завтра с раннего утра приступить к штурму Турели.

Но она безумно устала. Во время наступления она поранила ногу; рана напоминала о себе, требуя перевязки и покоя. Девушка решила, что ее силы завтра днем будут нужнее, чем эта ночь, проведенная без сна на позициях. К тому же, зная повадки господ капитанов, она боялась, что утром, по примеру сегодняшнего, ей все равно пришлось бы возвращаться в Орлеан, подгонять тех, кто предпочитал почивать на лаврах.

Предчувствие не обмануло Жанну. В то время когда она заканчивала скромный ужин, в дверь постучали. Вошел дворянин, не пожелавший назвать своего имени. Он заявил, что прислан по поручению совета.

– Капитаны уверены, что только милостью Божией одержана эта победа. Но теперь англичане знают о малочисленности французских войск. Поскольку город полон продовольствия, армия сможет отлично продержаться, дожидаясь помощи от короля. Поэтому совет считает излишним предпринимать наступление в ближайшее время.

Жанна остолбенела. Кусок застрял у нее в горле. Прошло некоторое время, прежде чем девушка обрела дар речи.

Так вот оно что! Господа хотят все загубить! По злобе на то, что Жанна разоблачила их преступный план и вырвала из их рук руководство, они готовы пойти на измену, на страшное преступление перед страной и народом!

И аргументы-то каковы! Малочисленность французских войск! Но ведь французская армия вместе с силами горожан превышает годонов по крайней мере в два раза! Да, «город полон продовольствия»; значит, это продовольствие нужно все сожрать, значит, город нужно разорить, а бедняков пустить по миру? Прекрасная идея! Господа хотят «дождаться помощи от короля». Но это чепуха! Какую помощь пришлет дофин, если здесь сейчас собрано все, что можно было собрать?! Зато через день-другой подойдут войска Фастольфа, и тогда все изменится. Тогда прощай, Турель, прощай, победа! Уж не этого ли ждут и желают господа капитаны?

Жанна берет себя в руки. Голос ее звучит спокойно и уверенно.

– Пойдите и скажите тем, кто вас послал: у них был свой совет, а у меня свой. Капитаны полагают, что вчерашняя победа одержана лишь Божией милостью? Так пусть они не сомневаются: эта милость продлится и впредь. А все попытки сорвать наступление не приведут ни к чему.

Ночь была суматошной.

Казалось, половина города страдала бессонницей. Не смущаясь темноты, люди сновали по улицам, перетаскивали продовольствие, фураж, боеприпасы. Башня святого Самсона раскрыла свои недра. Чего здесь только не было: снаряды и охапки стрел, ящики со свинцовыми пулями и бочонками пороха, пики, секиры, боевые палицы, фашины, пушки, луки, арбалеты и осадные лестницы! Все это волокли к пристани. Лодки, беспрестанно курсируя от одного берега к другому, перевозили тяжелые грузы.

А раннее утро принесло известие, поразившее громом: весь труд оказался напрасным. Благородные капитаны извещали, что наступление отменяется.

Что было делать? Куда идти? Горожане знали одно лишь место, где можно было получить совет, утешение, облегчение в горе: дом казначея Буше. Там жила Дева. Только Дева могла разрушить козни капитанов.

И люди пошли к Деве.

Жанна успокоила прибывших. То, что она наметила, будет выполнено. Штурм начнется сейчас же. Без промедления. Капитаны? Ну, это им не удастся!

Напрасно хозяйка умоляла девушку позавтракать, напрасно соблазняла ее только что принесенной свежей рыбой.

Жанна рассмеялась:

– Сохраните ее к вечеру. Я приведу с собой голодного годона, и он получит свою долю.

Уже спускаясь с лестницы, она прибавила:
– Вечером мы вернемся через мост.

Девушка еще раз окидывает взглядом поле боя. Шагов на сто – сто пятьдесят ровная местность, без единого кустика, без бугорка. Потом ров. За ним – высокая насыпь. За насыпью – деревянный настил. И только за настилом – Турель...

Прежде чем подойти к крепости, наступающие должны преодолеть три этапа.

Сначала – до спуска в ров. В это время осажденные простреливают равнину огнем своих батарей.

Второй этап – ров. Здесь еще хуже. Враг бьет на близком расстоянии, как по мишени.

Наконец – насыпь. Это труднее всего. Насыпь очень крутая. Нужно поставить лестницы и взобраться наверх. А в это время тебя будут осыпать стрелами и камнями, поливать кипятком, растопленной смолой и кипящим маслом...

Да, это потруднее, чем Сен-Лу или Огюстен. Турель внушает трепет, кажется неприступной. Орлеанцы хорошо помнят, что прямыми атаками англичане взять ее не смогли.

И все же взять ее можно!

Наступающие подавляют числом. Необходимы лишь смелость и слаженность действий. До тех пор пока вперед вырываются отдельные отряды, а остальные, большинство, стоят и ждут, толку не будет. Надо, чтобы все ударили дружно и одновременно. Кроме того, надо, чтобы люди поняли сложность положения Турели. Ведь крепость находится меж двух огней: между наступающими и городом. В Орлеане осталась часть ополчения и почти вся артиллерия. Орлеанцы внимательно следят за левым берегом. Как только начнется общий штурм, они ударят с противоположной стороны. Этого двойного удара годоны наверняка не выдержат.

Девушка обходит ряды, пытается вселить бодрость в солдат. Она уговаривает рыцарей и начальников городских сил. Ее слушают, ее понимают.

Но нужно показать пример.

Нужно воодушевить этих людей, нужно наглядно убедить их, что стрелы и пули для храбрых не так уж страшны. Жанна берет на плечо осадную лестницу:

– Кто меня любит, за мной!

Она не оглядывается, но чувствует, что за ней идут, потом бегут.

– Вперед!

Вот и ров. Вот и насыпь. Еще одно усилие... Приставив лестницу, Жанна опускает ногу на первую ступеньку.

В этот момент стрела вонзается ей в тело, угодив точно в щель между правым наплечником и панцирем.

От резкого толчка девушка теряет равновесие и падает на руки подбежавших солдат.

...Она лежит на траве. Рядом валяются латы. Над ней – верный Мюго, Паскерель и д'Олон. Кругом солдаты, рыцари, ополченцы. Она горько плачет, плачет навзрыд, по-женски. От боли? Нет, хотя очень больно: стрела вошла в плечо на пол-ладони. Девушка плачет от досады, от огорчения, от страха, что сорван штурм, сорван из-за нее.

И как произошло все это? Ведь еще минута, и французы были бы наверху! Задние ряды тотчас бы подтянулись, а из Орлеана ударили пушки! И тогда конец годонам!

Но после того как она упала, наступление захлебнулось. Ее вынесли из боя, а солдаты и рыцари побежали прочь от Турели.

И вот теперь, лежа здесь, она слышит, что говорят. Ктото из капитанов рассказывает, как ободрились англичане. Еще бы! Они считают ее ведьмой, а ведь известно, что ведьма, потерявшая часть крови, теряет и свою силу.

Такого Жанна не может слушать. Она опирается на левую руку и садится. Слезы высыхают. Схватив торчащий обломок стрелы и морщась от боли, она быстрым рывком выдергивает его из раны. Кто-то из солдат предлагает заговорить кровь. Но Жанна отказывается. Бывалые воины готовят тампон из тряпки, пропитывают его смесью сала и оливкового масла и накладывают на рану. Кровь удается остановить. Тогда плечо тщательно перевязывают.

И вот она уже на ногах. Она приказывает надеть на себя латы и шлем. Она должна немедленно вернуться в строй. Наступление будет продолжено!

Капитаны не верят глазам. Гокур жадно глотает воздух. Дюнуа силится улыбнуться. Ла Гир одобрительно кивает.

К девушке подходит монсеньор Батар.

Сегодня она проявила величайший героизм – он поздравляет ее от всего сердца. Все ею восхищены. Все поражены ее мужеством, выносливостью, презрением к смерти. Но не достаточно ли для одного раза? Пусть она обратит взор на положение солнца: через два-три часа

начнутся сумерки. А она едва держится на ногах, люди устали и проголодались – нельзя забывать, что многие из них провели ночь без сна. Поэтому он, Дюнуа, отдал распоряжение трубить отход. Надо отвести людей в Орлеан и дать им отдых. Штурм можно будет продолжить завтра, послезавтра или в иной подходящий день. Во всяком случае, утро вечера мудренее.

Пока Дюнуа говорит, Жанна вслушивается и действительно слышит звук рога. Да, трубят отход! Мучения, страдания, кровь, пролитая в этот день, бесполезны. Мертвые не отомщены! Дело не сделано!

Нет, лучше она погибнет, но этого не допустит! Все готово, люди прониклись стремлением завершить начатое, и они завершат, что бы ни говорили монсеньор Батар и другие господа!

Ничего не ответив Дюнуа, Жанна кидается к трубачу и хватает его за руку:

– Остановись! Подожди! Мне нужно сказать два слова людям!

Потом оборачивается к рядам усталых воинов:

– Во имя Божие, вы скоро войдете в крепость! Еще одно усилие! Не бойтесь ничего: англичане вас не одолеют. Смотрите! Они выбились из сил! У них на исходе порох и ядра! Их орудия молчат! Их пули не долетают до вас!

Она говорит, а сама думает о словах Дюнуа. О, во многом он прав, девушка знает это. Конечно, люди измучились. Конечно, они голодны. Но отдыхать они будут завтра. А сейчас нужно завершить начатое!

Жалость все же подступает к горлу. Девушка заканчивает свою маленькую речь тихим голосом:

– А теперь отдохните немного. Время еще не ушло. Съешьте и выпейте чего-нибудь...

И снова начался приступ. Люди шли вперед молча. Соппротивление англичан к вечеру действительно ослабело. У них кончались боеприпасы. Выстрелы делались изредка, неуверенными руками.

До рва добрались беспрепятственно. Остановились. У врагов было мало пуль и ядер, но у них могли оказаться в избытке камни и горячая смола.

Надо преодолеть последние препятствия. Путь должно указать знамя Девы.

Из рядов выходит рыцарь. Это д'Олон. Он быстро спускается в ров. За ним следует солдат, несущий знамя.

Жанна оборачивается к бойцам:

– Следите за знаменем и скажите, когда полотнище коснется насыпи!
Тысячи глаз напряженно следят за двумя отважными.

– Жанна! Полотнище коснулось насыпи!

– Тогда без страха вперед! Все это принадлежит вам! Будто поток сорвался с горы. Людская лавина, орущая и неудержимая, захлестнула ров. Сотни людей облепили насыпь.

Что это?.. Ни камней, ни смолы! Годоны не выдержали! Они покинули насыпь и в беспорядке устремились к настилу. Многие с ужасом указывали на Деву, фигура которой резко выделялась на гребне вала.

– Чародейка жива! Хотя она потеряла кровь, ее волшебная сила сохранилась!

В этот момент со стороны города раздался залп. Орлеан приветствовал наступающих...

Со своего наблюдательного пункта Жанна видела все. Это уже не было сражением – это было побоище. Полный и окончательный разгром.

Пока годоны, отстреливаясь, отходили к настилу, чтобы уйти в Турель, орлеанцы устремились к крепости со стороны города. Через разрушенные пролеты были переброшены бревна, и по ним сотни ополченцев перебрались на захваченную англичанами часть моста.

Горожане подожгли барку, нагруженную маслом, смолой и паклей. Этот пылающий снаряд был подведен по течению реки точно под настил, соединявший берег с Турелью.

Прежде чем англичане поняли, в чем дело, доски и стропила моста загорелись.

Тут годонов охватила паника. Бросая оружие и топча друг друга, они неслись по горящему мосту. Многих настигали стрелы и пули, другие гибли в пламени или срывались в воду.

Несколько капитанов прикрывали бегство. Среди них был и знаменитый Вильям Гласдель, человек простого происхождения, завоевавший свой высокий чин жестокостью и отвагой. В его руке трепетало старое боевое знамя – свидетель минувших побед.

Жанне хорошо была видна площадка перед мостом.

Она не могла оторвать взгляда от жуткой картины, от суровых лиц людей, обреченных на страшную смерть. Девушку волновали противоречивые чувства...

Пропустив последних беглецов, английские капитаны вступили на мост. Они шли, гордо подняв головы, в сплошном море огня. Гласдель замыкал шествие...

Жанна громко закричала:

– Гласдель, остановись! Ты осыпал меня оскорблениями, но мне жаль тебя и твоих людей! Сдавайтесь, пока не поздно, иначе вы все погибли!

Гласдель обернулся и с ненавистью посмотрел на Деву.

В этот момент стропила догорели и настил рухнул.

Гласдель и другие капитаны нашли свою смерть на дне Луары.

Битва кончилась в шесть часов вечера, задолго до наступления сумерек.

Шестьсот англичан, которым удалось прорваться к Турели, встретили здесь мужественных орлеанцев, перебравшихся через восстановленные пролеты моста. Завязалась рукопашная схватка. Она была недолгой. Четыреста годонов пали, остальные сдались на милость горожан.

В десять часов при свете факелов Жанна, как и предсказывала утром, возвращалась в город через мост. Следом за девушкой шли капитаны. За ними двигались рыцари, стрелки, ополченцы и пленные.

Жанна плыла как во сне.

Она не могла ни переживать, ни радоваться. Все эти часы девушка держалась лишь невероятным усилием воли. Теперь силы иссякли. Голова горела, нога ныла, раненое плечо безумно болело.

Что происходит кругом? Что-то кричат, кого-то приветствуют... Тысячи счастливых, сияющих лиц, на глазах слезы...

И еще:

«Донн-донн, донн-донн, донн-донн...»

Почему звонят во всех церквах? Что за праздник сегодня?..

Ее привезли к Буше, раздели и уложили в постель. Старый врач развязал рану и нахмурился. Все плечо и грудь распухли и посинели. Тщательно промазав лекарством рваные края раны, старик сделал новую перевязку. Потом позвал хозяев и сказал, что девушке нужен полный покой. Лучше бы несколько дней не вставать. Латы, во всяком случае, надевать нельзя ни под каким видом.

Жанна всего этого не слыхала. Она погрузилась в сон, похожий на смерть, поглощавший, как черная бездонная пропасть.

И лишь где-то в самой глубине сознания легким пульсом чуть-чуть отдавали равномерные непрекращающиеся толчки: «Донн-донн, донн-донн, донн-донн...»

Это были колокола, не смолкавшие в славном городе Орлеане в течение всей ночи с 7 на 8 мая.

Глава 7

ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА

Колокольный звон был хорошо слышен и в лагере Толбота, в бастилии Сен-Лоранс.

Невеселым был совет английских капитанов. Последние дни дозорные не покидали вышек. Сам Толбот почти непрерывно вел наблюдение.

Несколько раз он едва не отдал команду о построении войск и выводе их из крепости для подмоги бойцам Турели.

Но этой команды он так и не отдал.

Толбот был достаточно умен и опытен.

Он приблизительно представлял силы врага.

Он знал, что Турели ему не спасти, а остатки его армии неизбежно погибнут.

И он надеялся лишь на чудо или на внезапный приход Фастольфа. Но чуда не произошло. Фастольф тоже не явился. Все закончилось так, как и должно было закончиться.

И теперь на ночном совете стоял один-единственный вопрос: что делать дальше?

Ответ предрешили события двух последних дней. Осада Орлеана кончилась. Осаждающие превратились в осажденных. Если бы завтра французы попытались с последними правобережными укреплениями проделать то же, что проделали с левым берегом, английская армия была бы уничтожена.

Значит, надо уходить.

И Толбот решил уходить.

Колокольный звон продолжался и на следующее утро. Он не прекратился в течение всего дня 8 мая. Этому воскресному дню предстояло стать днем великого праздника.

Рано утром дозорные с городских башен отметили небывалое событие. Англичане вышли из своих крепостей и начали строиться в полки. Над каждым полком развевалось знамя. Все это имело весьма торжественный и зловещий вид.

Горожане всполошились. По улицам вновь побежали вооруженные люди. Уж не собираются ли годоны штурмовать город?

Кое-кто, ожидая сражения, потирал руки. Эта схватка обещала быть

легкой, не то что борьба за Турель! Здесь, в чистом поле, обладая численным превосходством, капитаны рассчитывали нанести англичанам урон и захватить богатых пленников.

Маршал Буссак первым вывел свои отряды из города. Вслед за ним вышли и другие капитаны. Наконец появилась Жанна.

Девушка была бледна, но держалась уверенно. Вместо лат на ней была легкая кольчуга.

Солдаты тотчас же бросились к своему обожаемому полководцу. На нее смотрели как на оракула.

Один из рыцарей спросил, можно ли им сражаться в воскресенье.

Жанна улыбнулась:

– Еще неизвестно, будет ли нужда в сражении. Эти слова многим показались загадочными.

Но загадочного в них ничего не было. Ясно представляя обстановку, Жанна почти не сомневалась, что годоны не вступят в бой. Где им теперь решиться!.. Они думают лишь о том, чтобы уйти.

И пусть уходят.

Пусть кровопролитное сражение не омрачит этого праздничного дня.

И она пояснила свои мысли:

– Вам не следует начинать боевых действий. Не нападайте на англичан, но если нападут они – защищайтесь с отвагой. Не бойтесь ничего, и вы снова одержите победу.

Священники пропели псалмы. Войска годонов продолжали стоять. Вдруг Жанна заметила среди них движение.

– Следите за годонами! – крикнула она дозорным. – И скажите, стоят они к нам лицом или спиной?

Ей ответили, что годоны повернулись спиной и уходят прочь.

Простояв около часа, чтобы отступление не слишком походило на бегство, англичане развернулись походным строем и пошли на запад. Ла Гир и де Лоре с сотней всадников бросились за ними – проследить, какой дорогой они движутся.

Англичане шли по дороге в Менг.

– Господу неуютно, чтобы сегодня сражались, – сказала Жанна. – Вы схватитесь с ними в следующий раз.

Солдаты, крестьяне и горожане толпами хлынули в укрепления, брошенные англичанами.

И все же оказалось, что уход годонов был постыдным бегством. Они оставили весь свой нехитрый скарб, пушки, ядра, осадные приспособления. Они трусливо покинули раненых и больных товарищей, не захватив с собой

и пленных французов.

Пленных освободили, пушки и ядра доставили в город, а укрепления разрушили.

По улицам Орлеана шли торжественные процессии, в храмах служили благодарственные молебны.

Отныне Орлеан свободен.

В войне наступал решительный перелом.

В этот же день французские капитаны собрались в доме канцлера Кузино на свой последний совет. Здесь были все: Дюнуа и Гокур, Буссак и Кулан, Гранвиль и де Лоре, Ла Гир, Сентрайль и множество других.

Забыли, как обычно, пригласить лишь Жанну.

Капитаны были в приподнятом настроении. Как-никак они оказались победителями! Они сняли осаду с Орлеана! Они изгнали англичан!

Де Гокур предложил составить адрес-реляцию французскому королю, дабы известить его о победе. Это предложение было встречено с восторгом. Текст адреса поручили редактировать Дюнуа. В его составлении приняли живейшее участие все капитаны.

Адрес сообщал Карлу VII о трудах и днях доблестных командиров, об их бессонных ночах и ратных заботах.

Адрес излагал существо и основные этапы победы, показывал роль в ней отдельных капитанов, особенно оттенив значение деятельности Дюнуа и Гокура.

Адрес пояснял, что победа была столь блестящей и полной лишь потому, что операции проводились по детально разработанному плану, составленному советом согласно предложению высокочтимого монсеньора Батара.

В адресе не забыли отметить, что основным условием, обеспечившим победу, была воля Божия, неизменно благосклонная к судьбам французов.

Адрес заканчивался изъявлением верноподданнических чувств господ капитанов к возлюбленному монарху. Капитаны обещали и впредь не щадить сил для блага престола и преуспевания благородного сословия.

Адрес был, несомненно, превосходным.

Эту мысль высказали все.

Но тут вдруг раздался робкий голос, принадлежавший отнюдь не робкому человеку. Капитан Ла Гир спросил: – Быть может, следовало бы упомянуть и о Деве?

У всех присутствующих вытянулись физиономии. Лицо почтенного де Гокура, напротив, сморщилось, как печеное яблоко.

Но монсеньор Батар, бывший воплощением рыцарственности и благородства, заметил, что, конечно, можно упомянуть и о Деве.

И о Деве упомянули.

Была предложена формулировка:

«В сражениях принимала участие и Дева...»

Монсеньор Батар в целях торжества справедливости предложил уточнить эту формулировку:

«В *некоторых* сражениях принимала участие и Дева...»

Это предложение было одобрено и утверждено.

Заседание совета объявили закрытым.

Перед уходом господин де Лоре подошел к славному Дюнуа, отличавшемуся превосходной памятью:

– Монсеньор, вы не можете сказать, сколько всего дней продолжалась осада Орлеана?

– Как же, мессир, могу: всего двести дней, то есть год без пяти месяцев и трех суток.

– А на какой день после прибытия Девы осада была снята? Дюнуа удивленно посмотрел на капитана:

– На девятый.

Де Лоре язвительно поблагодарил. Больше вопросов у него не имелось.

Но история и память внесли корректив в реляцию благородных капитанов.

День 8 мая сделался первым национальным праздником французского народа.

В городе Орлеане славный юбилей стали отмечать ежегодно. И героем этого юбилея, главным действующим лицом народного праздника оказался не Дюнуа, не де Гокур и не Карл VII. Им стала простая крестьянка Жанна, своей жалостью, отвагой, находчивостью и кровью спасшая родину в дни тяжелых испытаний.

И она вошла в века как Орлеанская дева.

Глава 8

КАМПАНИЯ НА ЛУАРЕ

Орлеанская победа всколыхнула всю страну. Не было города, деревни, глухого местечка, куда не проникла бы радостная весть. Население областей, занятых англичанами и бургундцами, ликовало не менее остальных французов. Шепотом передавали подробности, делились надеждами и чаяниями, тайно готовились к борьбе.

Французский народ поднимал голову.

События под Орлеаном разрушили молву о непобедимости врага.

Их, этих кровожадных годонов, перед которыми не могли устоять отборные рыцарские части, разбила и прогнала прочь простая крестьянка Жанна!

Их били, топили и жгли, рубили мечами, кололи пиками и сотнями брали в плен незнакомые с военным делом мужики, бедные ремесленники и подмастерья!

Значит, нечего падать духом. Надо усилить сопротивление. Надо идти вперед.

И вновь ожила партизанская борьба. Ее размах ошеломил союзников. Мало того что «лесные братья» контролировали дороги, громили зазевавшиеся отряды, захватывали обозы с продовольствием; кое-где, особенно в Нормандии, они успешно овладевали замками, городами и даже целыми районами.

Движение разрасталось вглубь и вширь.

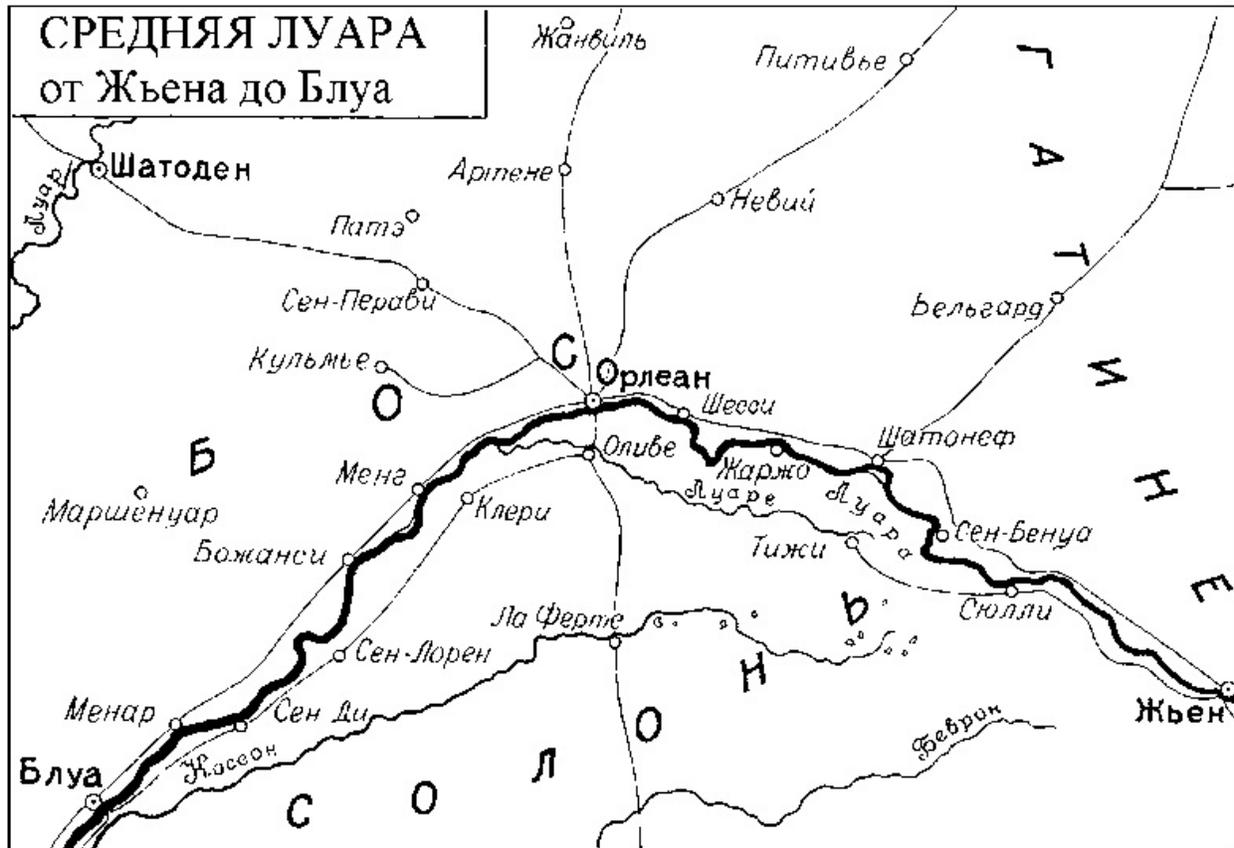
Чтобы закрепить победу и подготовить поход на север – на Реймс и Париж, следовало прежде всего обезопасить среднее течение Луары, ликвидировать укрепления и гарнизоны англичан, разбросанные вдоль обоих берегов реки еще со времени покойного Солсбери. Нужно было очистить города Менг, Божанси, Жаржо, расположенные к западу и востоку от Орлеана. Представлялось также желательным предупредить приход давно ожидаемого войска Джона Фастольфа и не допустить объединения всех вражеских отрядов, вожди которых, несомненно, помышляли о реванше.

Жанна решила немедленно отправиться к королю, чтобы добиться формирования новой армии.

Встреча состоялась близ Тура. Внешне она казалась сердечной. Карл

VII снял шляпу перед молодой крестьянкой, обнял и расцеловал Жанну. Но деньги на содержание армии дать отказался. Его величество кое-как находил еще средства для подарков своим фаворитам, но совершенно не располагал ими для государственных и военных нужд...

Из Тура Жанна переехала в Сель-Берри, где начался сбор военных отрядов. Вскоре девушка убедилась, что создать новую армию можно будет и без королевской помощи.

Тысячи людей ждали сигнала.

И как только сигнал был дан, все они потянулись по различным дорогам и без дорог, по дремучим лесам и полноводным рекам – со всех концов многострадального Французского королевства.

Шли крестьяне, покинув оскуделую землю и развалившиеся лачуги.

Шли ремесленники, забросив ржавые инструменты и опустевшие мастерские.

Тащились на хромых клячах полунищие дворяне, заложив остатки имущества, чтобы купить панцирь и меч.

Все они направлялись к Деве.

К концу мая их собралось до двенадцати тысяч.

Новая армия была поистине народной. Она знала, за что ей предстояло бороться. Воины Девы не собирались тянуть и медлить по примеру благородных господ. Они были заинтересованы в быстром и решительном успехе.

В этой армии, построенной на началах строгой дисциплины, установились все лучшие традиции, которые Жанна еще в апреле старалась привить своим первым отрядам в Блуа.

Номинально армию возглавил герцог Алансонский. Но этот недалекий вельможа во всем полагался на Деву, веря в ее святость и ее счастье.

В начале июня освободительная армия покинула лагерь и двинулась по направлению к Жаржо, главной из крепостей англичан, остававшихся на Средней Луаре.

Когда капитан города граф Сеффолк узнал, какими силами располагают осаждающие, он приуныл.

В этих условиях о победе нечего было и помышлять. Трудно было надеяться и на то, чтобы город продержался до прихода подкреплений. Правда, Дева предложила англичанам оставить крепость и уходить. Это предложение было соблазнительным. Но гордый Сеффолк не удостоил мужичку ответом. Он уже подумывал о другом.

Что, если попросить у французов отсрочку? Он, Сеффолк, торжественно пообещает сдать город по истечении двух недель. Он заявит, что необходимо выработать и обсудить условия капитуляции – на все это нужно время. А кто осмелится не поверить его рыцарскому слову? Граф хорошо знал французских капитанов и их любовь к проволочкам.

Если бы Сеффолку удалось выговорить эти две недели, крепость была бы спасена. Фастольф, который уже вышел из Парижа, успел бы подойти, и французам пришлось бы тотчас снимать осаду, а то и сложить головы здесь, под Жаржо.

Но замыслам Сеффолка не суждено было осуществиться. Их сорвала неутомимая Дева.

Развернув знамя, Жанна быстро спустилась в ров. Дабы поднять боевой дух пехотинцев и рыцарей, девушка заставила герцога Алансонского следовать за собой. Но бедный герцог ни разу не бывал в подобных переделках. Храбро принимавший любое решение и мастерски державшийся на коне, он никогда не штурмовал крепостей в пешем строю, да еще в первых рядах.

– Вперед, милый герцог, вперед!..

Оглянувшись, Жанна с удивлением заметила, что принц не поспевает за ней.

Убедившись, что от ее «прекрасного герцога» проку не будет, девушка крикнула во весь голос:

– Удалитесь, мой герцог, удалитесь немедленно; не рискуйте своей драгоценной особой без нужды; не ждите, чтобы вас убили!

Герцог воспрянул духом и юркнул в сторону. Несколько человек, несших осадные лестницы, обогнали его и заслонили собой.

Жанна была у стены.

В это время сверху раздался крик. По приказу графа Сеффолка английский герольд извещал, что его господин хочет говорить с французским главнокомандующим. Благородный Сеффолк, видя в перспективе неизбежную гибель, соглашался очистить крепость и принять условия Девы. Слишком поздно!

Глашатая никто не слушал. Десяток лестниц был прислонен к стене.

Жанна быстро взбиралась наверх и была почти у цели, когда камень, брошенный с башни, ударил ее по голове. Девушка пошатнулась и упала в ров.

Единодушный крик ужаса пронесся над рядами осаждающих. Их героиня, их Дева убита!..

Но нет. Не так-то легко убить бесстрашную! Шлем предохранил ее, ослабив силу удара.

Возбужденная близкой победой, она вскочила и подняла над головой поникшее было знамя:

– Вперед, друзья, не отставайте! Англичане в ваших руках!

Годоны сновали туда и сюда, тщетно стараясь прорваться к мосту, который вывел бы их на правый берег. Французы гнались за ними по пятам, рубили их и кололи, а тех, кто был одет побогаче, захватывали в плен.

Вот рыцарь в блестящих латах пробился наконец к мосту. Это сам Сеффолк. Проклиная судьбу и несбывшиеся надежды, граф думает улизнуть.

Французский всадник нагоняет его, хватая коня за узду и предлагает графу немедленно сдаться.

Карта Сеффолка бита. Мутным взором оглядывается он вокруг. Нет, не уйти! Сзади нажимают другие. Мост оцеплен.

Какое унижение!.. Ему, благородному аристократу, одному из столпов английского престола, сдаться в плен какомуто прощельге!

– Вы дворянин? – спрашивает Сеффолк.

- Да.
- Рыцарь?
- Нет.

Граф Сеффолк быстро посвящает француза в рыцари, после чего сдается ему с более легким сердцем.

Битва при Жаржо продолжалась три с половиной часа. Она стоила французам около двадцати воинов. Англичане потеряли пятьсот человек, не считая взятых в плен. Среди знатных пленников наряду с Сеффолком оказался и его брат Джон Пуль. Другой брат полководца утонул в реке.

Джон Фастольф, узнав об участии Жаржо, изменил маршрут.

Теперь вся Средняя Луара к востоку от Орлеана была свободна от англичан.

В последующие дни армия освобождения взяла менгский мост, соединявший берега Луары, и двинулась к Божанси.

В полдень 15 июня, когда войско Жанны стояло под Божанси, произошло знаменательное событие: прибыли два бретонских дворянина, сообщившие, что к осаждающим хочет присоединить свои силы сам господин коннетабль.

Артур де Ришмон, коннетабль Франции, был одним из наиболее мрачных персонажей эпохи.

Сын герцога Бретанского, де Ришмон получил от Карла VII меч коннетабля в 1424 году. Грубый и жадный вымогатель, черствый эгоист, не останавливающийся перед преступлением даже ради мелкой цели, де Ришмон был достойным соперником господина де Тремуйля, которого он приблизил к особе монарха и который затем вышвырнул его из королевских покоев.

Оказавшись против воли в оппозиции ко двору, де Ришмон сохранил, однако, свой высокий титул, а также надежду когда-нибудь отомстить шамбеллану. Как и большинство крупных феодалов, он действовал на свой страх и риск, поддерживая то арманьяков, то бургундцев.

Орлеанские события заинтересовали де Ришмона. Он понял, что былые успехи годонов пошли под уклон. Коннетабль решил сделать пробный шаг к примирению с Карлом VII. Это и привело его вместе с отборным рыцарским войском под Божанси.

Неожиданное прибытие опального коннетабля поставило капитанов в затруднительное положение. Многие из них были должниками де Тремуйля. Они хорошо знали о настроениях, господствовавших при дворе. Однако перспектива получения свежих рыцарских сил накануне штурма

казалась весьма заманчивой.

Герцог Алансонский поначалу пришел в ярость и заявил посланцам, что если де Ришмон отважится подойти, то королевские войска и Дева вступят с ним в сражение.

Постепенно, впрочем, под давлением уговоров окружавших принц успокоился. Жанна также старалась его разубедить.

– Следует помогать друг другу, – сказала она.

Герцог, как обычно, послушал девушку и, сопровождаемый ею, выехал навстречу коннетаблю.

Вскоре они увидели отряд всадников, впереди которого находился маленький смуглый человек с толстыми губами и угрюмым выражением лица.

Не уделив ни малейшего внимания герцогу, де Ришмон прямо обратился к Деве:

– Жанна, мне сказали, что вы хотите сражаться против меня. Я не знаю, являетесь ли вы посланницей Божьей. Если да, то мне нечего бояться, ибо я исполняю Божью волю. Если же вы посланы дьяволом, то я опасаюсь вас еще меньше.

Говоривший эти слова действительно не боялся дьявола и усердно исполнял «Божью волю». По его распоряжениям в разных местах и в разное время было сожжено немало людей, обвиненных в колдовстве и ереси.

Жанна ответила коннетаблю сдержанно и просто:

– Монсеньор, вы явились сюда не по моей воле, но раз уж вы пришли, то добро пожаловать!

Условия капитуляции Божанси были мягкие. С англичан взяли слово, что они в течение десяти дней не станут братья за оружие, после чего им дали уйти, захватив с собой лошадей и часть личного имущества.

И все же оказалось, что годоны слишком поторопились со сдачей. Едва гарнизон Божанси удалился, как французский дозорный сообщил, что видит огромную армию, идущую с северо-востока, от деревни Патэ.

Это был легендарный Джон Фастольф, о котором столько говорили, которого так опасались, но которого до сих пор так и не смогли обнаружить. Теперь наконец он появился собственной персоной, шествуя рядом с храбрым Толботом и ведя сборную армию по крайней мере в пять тысяч человек.

В это время в лагере французов происходил такой диалог:

– Будем ли мы сражаться, Жанна? – спросил герцог Алансонский.

– Есть ли у вас добрые шпоры? – ответила девушка вопросом на вопрос.

– Что вы говорите, Жанна? Неужели нам придется удирать? – Герцог подумал о шпорах, понадобившихся французам в «день селедок»...

Девушка улыбнулась:

– Нет, нам придется преследовать годонов. И вы будете вынуждены сильно шпорить коня, чтобы догнать их.

Сражение произошло в субботу, 18 июня, во второй половине дня. Английская армия растянулась между Божанси и Жанвилем. Авангард, состоявший из отборных войск, узнав о приближении французов, остановился. Толбот приказал воинам спешиться и занял удобную позицию на опушке леса, неподалеку от Патэ. Но французы, наученные горьким опытом прежних битв, на этот раз не стали мешкать. Прежде чем англичане сумели достаточно подготовиться, вырыть колья и расположить между ними лучников, воины Потона Сентрайля, Дюнуа и де Буссака набросились на них как ураган, смяли и искрошили в куски. Неустрашимый Толбот едва успел вскочить на коня и тут же был взят в плен.

Джон Фастольф, возглавлявший основные силы, готовился присоединиться к авангарду. Увидев жестокое сражение, доблестный полководец повернул коня и вместе со своей свитой кинулся прочь от Патэ.

Это вызвало общую панику. Годонов охватил ужас. Побросав знамена и оружие, они побежали кто куда. Французам оставалось лишь преследовать их, убивать и захватывать в плен.

Преследованием занялись молодцы Потона и Ла Гира. Всего было убито две с половиной тысячи англичан; около тысячи спаслось бегством.

Основные силы французов так и не были введены в бой.

Жанну на этот раз, несмотря на ее сопротивление, удержали в резерве. Герцог Алансонский после Жаржо опасался за жизнь отважной девушки, которой очень дорожил.

Когда Жанна прибыла на поле боя, резня еще продолжалась. С глубоким возмущением смотрела девушка, как благородные рыцари убивали безоружных и молящих о милосердии людей, бедняков, которые не могли рассчитывать на выкуп. Остановить бойню было невозможно. Это оказалось не под силу даже Деве. Это была одна из «славных» боевых традиций, основная привилегия рыцарской войны...

Вот одному несчастному удалось незаметно проникнуть в группу хорошо одетых англичан, которых отбирали для плена. Бедняга чувствовал себя спасенным. Но вдруг конвоир обратил внимание на костюм пехотинца

и так ударил его древком пики, что тот свалился замертво...

Жанна быстро спешила, подбежала к англичанину и постаралась оказать ему посильную помощь. Девушка тихо плакала. Она не могла примириться с лютой и бессмысленной злобой, которую приходилось видеть повсеместно, с жестокостью, неизменно обращавшейся на головы простых и бедных людей, тех, о ком всегда болело ее сердце...

Трофеи битвы при Патэ выглядели весьма внушительно. Оружие, знамена, кони – всему этому не было числа. Казалось, английской армии больше не существует. Весь цвет ее рыцарства был в руках у французов. Господа Толбот, де Скаль, Ричард Спенсер, Фиц Вальтер, лорд Фалькомбридж и многие другие капитаны должны были разделить участь своих полутора тысяч подчиненных и ждать выкупа. Только Джон Фастольф, первым бежавший с поля боя и проявивший невероятную прыть, успел исчезнуть ради того, чтобы на родине потерять все свои отличия и ордена, а в истории покрыть себя несмываемым пятном позора.

Тщеславный герцог Алансонский не мог отказать себе в удовольствии побеседовать с главным пленником – неустрашимым Толботом.

– Предполагали ли вы сегодня утром, – ядовито спросил герцог, – что события могут для вас обернуться подобным образом?

Англичанину не хотелось разговаривать. Он мрачно посмотрел на принца и лишь процедил сквозь зубы:

– Военная фортуна изменчива. Впрочем, что же еще мог он сказать?..

Победа при Патэ имела почти такой же широкий отклик в стране, как и орлеанская битва.

Снова колокола зазвонили во всех соборах и церквях, снова благословляли Деву, принесшую счастье Франции.

Теперь даже некоторые крупные феодалы, до этого с презрением относившиеся к «буржскому королю», начали колебаться.

Могущественный герцог Бретанский, один из наиболее сильных властителей, долго ведший двойную игру, склонялся на сторону арманьяков.

Сам Филипп Бургундский, все больше и больше разочаровываясь в англичанах, серьезно подумывал о перемирии с Карлом VII.

Кое-кто из феодалов пытался вступить в переговоры непосредственно с Девой.

Под влиянием всех этих событий даже придворная канцелярия заговорила новым языком.

Теперь в королевских сообщениях о победе имя Жанны стояло на первом месте. О других капитанах объявляли лишь мимоходом, а имя благородного коннетабля не было упомянуто вовсе.

Рыцари де Ришмона действительно почти не приняли участия в последнем деле. Коннетабль, потеряв надежду на немедленное примирение с королем, решил покинуть ряды французских войск и возвратиться в свои владения. Перед уходом, однако, жадный бретонец попытался осуществить давно задуманную затею.

Коннетабль недаром присматривался к Жанне, не зря беседовал с ней. Он видел, что девушка приобретает цену, увеличивающуюся после каждой новой победы. А де Ришмон смотрел на людей преимущественно с точки зрения того, сколько они могут стоить в переводе на золото. Этот вельможа набил руку на похищениях. В свое время он захватил монсеньора Реймского архиепископа и получил за него от короля большую сумму. Теперь подобный же трюк он собирался проделать и с Жанной.

Уже все было подготовлено. Был выделен особый человек, специалист своего дела, некий Андрю де Бомон, которому надлежало провести похищение.

Дело сорвалось в последний момент: Андрю де Бомон испугался, что его разорвут солдаты Девы.

И вот Жанна снова предстала перед своим милым дофином.

Король принял Деву в Сен-Бенуа на Луаре.

Как много изменилось со времени их первой встречи! Казалось, целая вечность разделяла события, между которыми в действительности было всего лишь три с половиной месяца.

Тогда она пришла бедной девчонкой, на которую смотрели как на дурочку или одержимую. Тогда ее не хотели принимать, над ней издевались, ей не верили.

Сегодня она явилась овеванная славой, боготворимая всюю страной, доказавшая на деле правоту своих планов. Сегодня она – народная героиня, непобедимый полководец, спасительница отчизны. Попробуй-ка теперь посмейся над ней, попробуй усомнись в ее словах! То-то все они нынче поразевали рты, то-то ломают шапки и кланяются так низко, как самой знатной особе!

И правда, такой было не грех поклониться.

В ней вряд ли сейчас узнал бы кто маленького усталого пажа в вылинялом черном камзоле и рваных сапогах, явившегося на прием в

Шиноне.

Перед смущенными придворными легким и грациозным шагом проходил загорелый юноша, одетый с изысканным вкусом.

Черное шелковое трико плотно облегло стройную фигуру Жанны. Ее бархатные полусапожки, зашнурованные с наружной стороны ноги, были самого модного покроя. Короткий парчовый камзол, голубой с золотым шитьем, был стянут у талии узким поясом, на котором висел небольшой кинжал в малиновых ножнах. Плащ золотистого сукна падал свободными складками, обнаруживая голубую, под цвет камзола, переливающуюся атласную подкладку. Да, было отчего разинуть рот!

Но при всех этих невероятных переменах, при всем потрясающем внешнем контрасте нового со старым было одно, что оставалось абсолютно неизменным.

Это была чистая душа девушки с ее высокими и светлыми стремлениями, с ее любовью к справедливости, с ее верой в победу.

И пришла она сюда не за тем, чтобы упиваться своим триумфом или хлопотать о награде, не с целью получить выгодную придворную должность или добиться расположения монарха.

Она пришла лишь для того, чтобы напомнить королю, что ее миссия еще не закончена.

Она пришла поторопить своего Карла, ибо тяжелые предчувствия камнем давили ее сердце.

Король обнял девушку и сказал ей:

– Я печалюсь, Жанна, об испытанных вами страданиях. Но, Боже, каким тоном были произнесены эти слова!

Сколько недоверия и холода было в них!

Острая боль пронзила душу Жанны. Непрошенные слезы затуманили ее взор.

Но она не дала воли своим чувствам. Она помнила о том главном, ради чего пришла сюда. И опустившись на колени перед Карлом, она сказала:

– О мой дофин! Вы не должны больше медлить. Теперь вам нужно идти в Реймс, чтобы короноваться и стать законным монархом.

Девушка вздохнула и тихо прибавила:

– Поспешите, мой милый дофин, ибо время уходит и никогда больше не будет столь благоприятного момента. Поспешите, ибо жить мне осталось недолго, а впереди еще так много дела!

Глава 9

СВЕТ И ТЕНИ

События мая – июня 1429 года привели к маленькой революции при дворе Карла VII.

Когда первый шок миновал, советники престола крепко призадумались. А думать было над чем. Надлежало решить, как расценивать настоящее и что предпринимать в ближайшем будущем.

Все происшедшее у Орлеана и на Средней Луаре казалось невероятным.

Как? Несмотря на подробные инструкции свыше, несмотря на решимость старого де Гокура и тождество мнений капитанов, девчонка из Домреми всетаки всех оттеснила, овладела волей солдат и рыцарей, стала победительницей, народной героиней! И в какие сроки!

Господа советники не могли понять, то ли все капитаны потеряли головы, то ли Жанна действительно оказалась Божьей посланницей. В первом они сомневались, во второе не верили. Но что же тогда?..

По-видимому, несмотря на все предосторожности, случилось самое худшее. Пешка, став во главе других пешек, превратилась в ферзя. Единство Девы с чернью оказалось сильнее, чем единство благородных. Хотели придворные или нет, а победу всетаки одержали низы.

Необходимы срочные меры. Но какие? Решить это казалось нелегко.

Как обычно, наиболее здравые мысли высказал его высокопреосвященство, монсеньор архиепископ Реймский.

В прежнее время находили целесообразным устранить крестьянку или, во всяком случае, не предавать широкой огласке ее дела и успехи. Теперь – это должен был понять даже непримиримый де Тремуйль – о подобном помышлять не приходилось. Нельзя было дольше замалчивать Деву, ибо о ней складывались легенды, о ней говорили и писали уже не только во Франции, но и в других странах.

И пусть говорят. Пусть пишут. Это даже хорошо.

Важно лишь, как будут говорить и писать.

Раз уж всему свету известно, что победы одержаны благодаря Деве, значит, нужно изо всей мочи доказывать, что Дева действительно послана Богом, ибо Бог благоволит к Франции.

Все исходит из мудрости Божьей, ибо Господь избрал Деву исполнительницей своей воли. И поэтому во всех ее действиях проявляется

лишь божественная эманация, божественная благодать.

Все дело в чуде. А чудо совершено Богом.

Значит, голытьба, мужики, горожане – все должны пасть ниц перед Богом и его волеизъявительницей – святой матерью церковью.

Это неизбежно отвлечет от опасных мудрствований, смирит и успокоит.

И еще одно.

Раз все зло в союзе Девы с чернью, с той средой, из которой она вышла, значит, необходимо этот союз нарушить, значит, ее нужно во что бы то ни стало из этой среды извлечь.

Господь благоволит к Франции.

К Франции – но какой?

Конечно, благородной, дворянской.

Это все должны чувствовать и понимать.

А для этого Божью посланницу, неграмотную крестьянку Жанну, нужно возвысить, облагородить, довести до уровня той среды, ради которой Господь Бог посылает победы.

Разумеется, достойные сеньоры никогда не примут мужичку в свой круг. Конечно, среди дворянства она останется белой вороной. Но так и должно быть. Важно лишь, что подобная мера раз и навсегда оторвет «святую» от людей, опасных для спокойствия государства.

Двор и церковь обладали достаточными средствами для реализации этого плана. К их услугам были королевская канцелярия и многочисленная духовная братия. Попы и монахи, странствующие проповедники, компиляторы старых хроник и сказители, питавшиеся от щедрот клира, – все они были верными слугами и старательными исполнителями.

И вот, как по мановению волшебного жезла, рассказы о подвигах Жанны стали обрастать невероятными, чудесными подробностями. Оказалось, что об орлеанской эпопее, о спасении Франции Девой пророчествовали в далеком прошлом. Старинный хронист Бэда, волшебник Мерлин и множество других авторитетов уже несколько веков назад якобы все определили и предсказали!..

Всевозможные фальшивки, устные и письменные, грубые и сфабрикованные со знанием дела, наводнили Францию.

Взялись за перья и прославленные столпы схоластической «науки». Эмбренский архиепископ, монсеньор Жак Желю, еще недавно сомневавшийся в Деве, и знаменитый парижский богослов Жан Жерсон, поддерживавший арманьяков, составили обстоятельные ученые трактаты в

духе, навеянном пожеланиями двора.

Эти и многие другие «труды», вне зависимости от их объема, авторитетности и формы, были пронизаны одной и той же идеей. Они устанавливали, что ни народ, ни солдаты, ни Дева не были повинны в чудесных победах. Все это было исключительно делом рук Божьих.

Одновременно Жанной занялись и по другой линии.

Для того чтобы оторвать девушку от простонародья и внешне поднять до уровня знати, было необходимо наделить ее определенными атрибутами, отвечающими ее новому положению.

Теперь Жанна имела свой постоянный штат, несколько комплектов вооружения и конюшню. Ее одевали придворные портные.

Вскоре после орлеанской победы король присвоил Жанне герб, что означало возведение в личное дворянство. Герб носил символический характер. На щите был изображен меч с пятью крестами, сопровождаемый двумя цветками лилии и поддерживающий корону. Всякому, кто смотрел на эту эмблему, становилось ясно, что обладательница ее является опорой трона: мечом Карла Мартелла она укрепляла власть Карла Валуа!

Жанна с удовольствием пользовалась услугами придворных мастеров. Она сама выбирала материи и покрой костюма – девушка любила изящное и красивое. Что же касается герба, то, ко всеобщему изумлению, Жанна от него отказалась. Ей были слишком дороги ее старые эмблемы, изображенные на знамени. Это знамя стало известным всему народу, с ним она одерживала победы и с ним не хотела расставаться. Личное же дворянство ее не трогало.

С этим пришлось пока примириться. Новый герб взяли для себя братья Жанны, а вопрос об анноблировании был отложен.^[12]

Главное все же было сделано.

И теперь его высокопреосвященство мог испытывать чувство полного удовлетворения.

Да, он претерпел много тяжелых минут, многое был вынужден передумать и переоценить, но в конечном итоге оказался прав, не ступив на путь, предложенный де Тремуyleм! При правильном подходе девчонка окупит все причиненные ею беспокойства и принесет политический барыш. И не только политический...

Досужие наблюдатели, видевшие в эти дни юного царедворца в нарядном костюме и с уверенными манерами, могли о многом задуматься.

Какой сказочный взлет! Почти невероятный!

Даже самый богатый буржуа не смел и мечтать о том, чтобы занять подобное место при особе монарха. Для податных столь блестящий путь

был заказан. А эта бедная крестьянка, вчера еще пасшая коров на далекой окраине, – подумать только, как она вознеслась сегодня!

Воистину пути Господни неисповедимы!

Как счастлива она, должно быть!

Никогда еще не складывалось более ошибочного предположения.

Девушка была глубоко несчастной. Именно теперь к ней впервые начали приходить мысли о смерти, к ней, семнадцатилетней, полной сил и здоровья!

Свет часто мерк перед ее глазами. Сумрачные тени обволакивали рассудок. И мрачные предчувствия появлялись именно в те часы, когда внешне все обстояло более чем благополучно.

Среди тяжелых и полных лишений лагерных будней, в час штурма или кровопролитной атаки, раненая или безмерно уставшая, Жанна никогда не впадала в уныние. Напротив, она умела воодушевить и подбодрить каждого. Бесстрашие девушки, презрение к опасности и непоколебимая вера в удачу были главным ее оружием, источником силы, которой она подчиняла сердца и волю товарищей по борьбе.

Но как только она попадала в общество знатных капитанов или ко двору, в обстановку суетной праздности, в сферу действия светской и духовной знати, положение резко менялось.

Жанна чувствовала себя покинутой и бесконечно одинокой маленькой девочкой, заплутавшейся в густом и темном лесу. Все было чужим, неприятным, колючим. Она видела здесь чванливость и лицемерие, оспаривающие первенство друг у друга. Она понимала, что ее презирают и ненавидят, что ей завидуют и желают всяческого зла.

Девушку не могли обмануть признаки показного внимания и вежливые поклоны, так же как придворных не обманывал ее дорогой и изящный костюм.

Как часто надменные вельможи обращались к ней с ехидными вопросами, рассчитанными на то, чтобы высмеять и ослабить! Как часто лукавые служители церкви упрекали ее в самонадеянности и гордыне, в идолопоклонстве, к которому она якобы приучала боготворивший ее народ! Все они приставали, чтобы Жанна явила «чудо», как будто было мало чудесной победы при Орлеане! Все они лезли в ее душу, требуя, чтобы она познакомила их со своими святыми, как будто эти стяжатели и развратники могли понять ее светлые чувства и помыслы!

При этом – девушка не сомневалась – многие попрежнему считали ее еретичкой и колдуньей.

Нет, они не могли простить ей ни ее происхождения, ни ее славы! Они

были ненавидящими и ненавистными. Ей было душно с ними.

Правда, внешне Жанна старалась ничем себя не выдать. Она всегда держалась просто и непринужденно, с уверенностью высказывала свои мысли, не проявляла и тени робости.

Это было необходимо. Этого требовала ее миссия.

И для полного завершения этой миссии надлежало привести дофина Карла в Реймс и сделать его законным монархом.

Коронация закрепит победу. Почва уйдет из-под ног захватчиков.

А потом?..

Потом... Если бы она могла ответить на этот вопрос! Если бы она знала!..

Тени сгущались. Будущее молчало.

Ясно было одно: ближайшая дорога ведет в Реймс, и свернуть с этой дороги она не может.

Глава 10

ДОРОГА НА СЕВЕР

Идея немедленного движения на Реймс и коронации Карла VII была встречена при дворе весьма прохладно.

Главный кредитор и советник короля господин де Тремуиль был прямо враждебен этому плану. Северный поход не приумножил бы его богатств и поместий: все его владения сосредоточивались на юго-западе страны, в Пуату. Зато возвращение Шампани и Иль-де-Франса резко увеличило бы престиж и богатства других господ, в настоящем зависимых от шамбеллана. Да и сам монарх, почувствовав свою силу после миропомазания, вряд ли остался бы робким и послушным.

И еще одно обстоятельство личного свойства леденило душу Тремуиля.

Согласно регламенту во время коронации меч короля должен был держать коннетабль. Если бы произошло примирение Карла VII со страшным де Ришмоном, песенка доблестного шамбеллана была бы спета. Он прекрасно понимал, что мстительный и жестокий бретонец не простил и никогда не простит ему того, что было в прошлом.

С де Тремуилем отчасти был солидарен герцог Алансонский. Юный принц вовсе не стремился к увеличению власти своего царственного кузена. Его в гораздо большей мере волновала судьба собственного герцогства, которое все еще оставалось неотвоеванным. Поэтому герцог Алансонский возглавил тех сеньоров, которые предлагали идти не на северо-восток, а на северо-запад, в Нормандию и прилегающие к ней районы.

Не были заинтересованы в реймской экспедиции и такие вельможи, как Дюнуа или де Гокур.

Нерешительный Карл VII вопреки явным преимуществам, которые принесла бы ему коронация, также продолжал колебаться.

Двор в целом не отказывался от войны, но предпочитал такую войну, при которой каждый из сеньоров мог бы реализовать свои притязания, монарх не слишком усилился, а народ не слишком себя проявил.

Лишь один из числа ведущих царедворцев, а именно монсеньор Реньо де Шартр, в этом вопросе не соглашался с большинством.

Реймский поход давно был его золотой мечтой – золотой в прямом смысле слова. Богатейший землевладелец, господин канцлер выглядел

бедным как церковная крыса. Могущественный советник престола, он оказывался вынужденным на многое смотреть глазами невежественного временщика, которого глубоко презирал.

И все это лишь потому, что Реймс был отрезан англичанами, потому что он, архиепископ, в течение пятнадцати лет не получил ни гроша со своей епархии.

Как человек рассудительный и осторожный, монсеньор Реньо обычно не был склонен к поспешным действиям – в этом он не отличался от многих придворных.

Но именно теперь он вдруг с поразительной отчетливостью понял, что вопрос стоит так: сейчас или никогда!

Он давно уже предвидел то, над чем не задумывались другие. Английские регенты, крайне расстроенные ходом войны, могли в целях усиления своего престижа переправить во Францию ребенка-короля, Генриха VI, и короновать его в Реймсе французской короной.

Если бы это им удалось, Карл VII получил бы тяжелый моральный удар, а он, архиепископ, навсегда должен был бы расстаться с надеждой на богатство и верховную власть.

Монсеньор Реньо ясно видел все это и готов был пойти на многое, лишь бы обеспечить и ускорить спасительный поход. Он юлил перед де Тремуйлем, соблазняя его материальными выгодами и обещая устранить коннетабля. Он нажимал на робкого монарха и уговаривал порознь членов государственного совета.

И однако, все это повисло бы в воздухе, если бы господин канцлер не имел союзника более сильного, чем придворные клики и королевский любимец.

Этим союзником была Дева.

За Девой стоял народ.

После Жаржо и Патэ освободительная армия не рассеялась. Напротив, она росла с каждым днем, подобно ручью, превращающемуся в бурную реку.

На сборном пункте в городе Жьене к концу июня оказалось до тридцати тысяч человек.

Эти люди знали, на что идут.

Они видели впереди утомительный и опасный путь, много сотен лье по стране, опустошенной врагом, сквозь голод, пожары и засады, преодолевая коварство и ложь.

Они не надеялись на высокое жалованье и военные награды.

Но они горели желанием довершить то, что было так успешно начато. В их представлении освобожденная родина была немыслима без законного монарха.

Их чаяния совпадали с мыслями Девы. Миссия Девы была их миссией. И этот мощный поток своей неудержимой лавиной должен был захлестнуть все стоявшее на его пути.

Разве мог устоять перед ним господин де Тремуиль или герцог Алансонский?..

Так единство Девы с народом, единство, которое лукавый прелат столь упорно и тщетно пытался разрушить, на этот раз волею истории было призвано сыграть ему на руку.

Реймский поход должен был стать одной из наиболее важных операций в ходе войны. Помимо того, что он бил англичан самим фактом коронации Карла VII, его правильное проведение сулило победителям серьезные стратегические выгоды.

После кампании на Луаре во Франции оставались лишь небольшие английские силы, группировавшиеся преимущественно в Нормандии. Двигаясь вдоль Шампани, французы в случае успеха могли отсечь Нормандию от владений герцога Бургундского. Изолировав Бургундца и быстро перегруппировав войска у Реймса, можно было идти прямо на Париж почти с полной гарантией победы. Возвращение же столицы предопределило бы исход войны.

Конечно, поход был связан со многими трудностями. Некогда цветущая и богатая Шампань в ходе войны была обескровлена. Грозил постоянный недостаток продовольствия и фуража. В городах, через которые лежал путь французов, сидели гарнизоны врага.

Но имелись и факты – о них хорошо знали при дворе, – которые сулили успех.

Население Шампани не испытывало приверженности ни к англичанам, ни к бургундцам. Крестьяне и горожане ждали освободительную армию с нетерпением и готовы были оказать ей поддержку. Среди патрициев, богатых предпринимателей и купцов, экономически связанных с Южной Францией, имелось также много тайных приверженцев Карла VII. Правда, все они, опасаясь за свои доходные места и богатства, сильно колебались, боясь дразнить каждую из воюющих сторон. Однако превосходящие силы французов и обещания сохранить в неприкосновенности все их привилегии должны были подействовать вразумляюще на этих господ и заставить их нарушить клятвы, данные некогда английскому регенту и бургундскому

герцогу.

В конце концов король, уступая силе обстоятельств, согласился начать поход. Чтобы парализовать упорство де Тремулья, его поставили во главе армии. По предписанию Жанны в города Шампани были разсланы письма, объявлявшие о цели похода.

27 июня передовые отряды покинули Жьен и двинулись в направлении на северо-восток.

Путь от Жьена до Реймса занял всего двадцать дней.

Первая непредвиденная задержка произошла у Оксерра. Городские старшины, остававшиеся верными герцогу Бургундскому, не желали впустить королевскую армию в пределы крепостных стен. Жанна предложила штурмовать город. Но господин де Тремуль нашел другой способ уладить дело. Он договорился с «отцами города» о «перемирии», согласно которому французы обязались не заходить в Оксерр. Эта сделка встала горожанам в десять тысяч золотых экю, которые тут же утонули в бездонном кармане находчивого шамбеллана.

Армия освобождения продолжала идти вперед.

У Труа пришлось снова остановиться. На этот раз стоянка грозила затянуться надолго.

Город Труа был памятен арманьякам. Именно здесь когда-то заключили позорный договор с англичанами, лишивший престола нынешнего короля. Именно здесь подлая королева Изабо отреклась от сына...

С тех пор Труа неизменно оставался в руках врагов. Это был большой ремесленный центр, создавший свои богатства на производстве шерстяных тканей. Могущественная корпорация суконщиков крепко держала руку английских и бургундских хозяев. Без английского сырья и бургундских ярмарок туго пришлось бы предпринимателям и купцам Труа. Поэтому неожиданный приход Карла VII поставил их перед весьма сложной проблемой.

Между тем миновать Труа французы не могли. Они не рисковали обойти город и оставить его в тылу своих войск.

Утром 5 июля, находясь на подступах к Труа, король отправил письма к членам городского совета. Было отослано и письмо Жанны, в котором она уговаривала магистрат изъясить покорность законному монарху и открыть ворота.

В большом зале ратуши было душно. Сегодня вопреки обычному здесь собрались все городские старшины. Почтенные патриции соперничали друг с другом роскошью массивных перстней и парчовых шуб, подбитых дорогими мехами.

Один за другим выступали мэтр Жиль Легюизе, брат местного епископа, господа Геннекен, Жувенен и многие другие.

Мнения старшин не расходились. Дело было ясное. С 1420 года они хранят верность бургундцам и англичанам. Если они ее нарушат, их ожидает жестокая месть и, главное, полный финансовый крах. И что, собственно, нужно этому так называемому «дофину»? Разве он не может пройти стороной? Пусть себе убирается подобру-поздорову. Город силен своими укреплениями, полон продовольствия и готов выдержать многомесячную осаду. Следует лишь немедленно просить солдат у герцога Бургундского и отписать другим городам Шампани, чтобы добиться единства действий. А дофину надо ответить дипломатично – сослаться на то, что им, горожанам, нет выбора:

«...Несмотря на все наши желания и добрую волю, мы вынуждены считаться с воинами, находящимися в городе, которые гораздо сильнее нас...»

Тут кто-то из советников обратил внимание на письмо Девы. Письмо было прочтено и вызвало дружный хохот.

– В этом письме, – заметил мэтр Геннекен, – нет ни смысла, ни склада. Это просто насмешка над нами.

– Что вы хотите, – возразил пожилой патриций, – всему свету известно, что безумная девка одержима бесами.

Мэтр Легюизе смачно хихикнул:

– Дело здесь не в безумии. Просто глупая курица вздумала разыгрывать петуха.

Все снова покатались со смеху.

Письмо Жанны решили не удостаивать ответом. Его порвали и бросили в огонь.

В пятницу, 8 июля, король созвал экстренное заседание. Были приглашены принцы крови, постоянные советники и военные вожди. Господа были настроены мрачно. Они нарисовали весьма безотрадную картину.

Вот уже четыре дня, как они болтаются перед Труа. Их встретили пулями и ядрами. О том, чтобы взять город миром, нечего и думать. Штурмовать? Но это безумие. Городские стены с ходу не преодолеешь.

Осаждать? Но при своих ресурсах город выстоит не одну неделю. Кроме того, Труа завязал переписку с Шалоном и Реймсом – составила настоящая коалиция. Если эти города будут действовать в содружестве, если годоны или бургундцы подтянут свежие силы, тогда арманьяков ждет гибель. А пока армия голодает, надеяться не на что. Надо, смилив гордыню, заворачивать обратно в Жьен. Не согласятся с этим сейчас – станут каяться после, да будет поздно...

Вдруг раздался стук в дверь.

На пороге появилась Жанна, бледная и спокойная. Она пришла сюда, повинувшись внутреннему голосу. Сердце подсказало девушке, что здесь решается судьба похода. И она одна, зная настроения воинов, могла дать достойный ответ господам тихоходам.

Подойдя к королю, Жанна преклонила колени:

– Милый дофин, не поддавайтесь печали. Вы вступите в город не позднее чем по истечении трех дней.

Советники были поражены. Камень спал с души Реймского архиепископа. Вот она, неожиданная спасительница! Вот слова, которые нужно было произнести!

– Жанна, – ласково сказал он, – мы подождали бы и дольше, ну, допустим, неделю, если бы могли верить, что произойдет так, как вы говорите!

Девушка посмотрела прямо в глаза прелату:

– Неделю?.. Вы будете там завтра!..

Когда капитан де Планси, явившись в ратушу, сообщил старшинам о последних событиях, они не поверили.

Господин Легюизе и еще несколько человек поднялись на городскую стену, чтобы своими глазами убедиться в происходящем.

Увы, капитан не обманул их. Арманьяки решили штурмовать Труа. Вот они носятся туда и сюда, тащат фашины и бревна, готовят артиллерию. Безумцы!..

Но сколько их, однако! Все темным-темно от лат и кольчуг! Их тысячи!

А это кто, впереди у рва, под белым знаменем? Ба, это и есть их пресловутая Дева! Смотрите, она распоряжается, указывает командирам на слабые места стен, сама сбрасывает в ров фашины!

Вот вам и курица!..

Теперь мэтру Легюизе уже совсем не до смеха. Он косится на своих спутников. Они стоят понурые и молча поглядывают друг на друга. Все думают об одном и том же...

...Штурма города господ старшины допустить не могли. Они были очень храбрыми, пока надеялись, что арманьяков можно образумить. Но они прекрасно знали, что вся городская чернь, все ремесленники, подмастерья и наемные чесальщики шерсти не на их стороне. Со дня на день они ожидали восстания. Если городская беднота объединится со штурмующими, то не спасет никакой гарнизон. Тогда всем им конец, тем более что разъяренные арманьяки после взятия города обязательно вспомнят старую измену.

Нет уж, лучше пожертвовать выгодой, чем расстаться с жизнью. К черту герцога Бургундского, если он не присылает помощи! К черту регента Бедфорда, если он молчит и выжидает! Они-то, патриции Труа, больше выжидать не могут.

Спустившись со стены, мэтр Легюизе приказал, чтобы капитаны срочно явились в ратушу.

Жанне не пришлось штурмовать город.

Он был сдан королю на условиях свободного выхода гарнизона и сохранения за богатыми буржуа всех их привилегий.

В своем предсказании девушка ошиблась всего лишь на несколько часов: рано утром в воскресенье, 10 июля, сопровождаемая стрелками и крестьянами, она первой вошла в освобожденный город.

Жанна скакала по улицам Труа. Она только что расставила караулы у застав и вдоль главных улиц, по которым должен был шествовать королевский кортеж. Вдруг ее внимание привлекли громкие крики и вопли. Шум несся со стороны Шалонских ворот, где перед уходом из города собирались отряды англичан и бургундцев. По договору о капитуляции они получили разрешение взять с собой оружие и имущество. Каково же было удивление девушки, когда она увидела большую толпу связанных французов, которых вражеские солдаты палками и алебардами гнали к воротам. Оказалось, что офицеры гарнизона решили забрать с собой пленных французских воинов, рассматривая их как свою собственность...

При виде Жанны пленники, простирая к ней руки, умоляли спасти их.

В великом гневе Жанна потребовала от капитанов, чтобы те оставили свою добычу.

Но годоны и бургундцы не желали ее слушать.

– Это коварство и хитрость! – кричали они. – Мы не допустим нарушения договора!

Девушка схватилась за меч:

– Наши люди останутся здесь, а вы или откажетесь от них, или также

не выйдете отсюда!

Она приказала закрыть ворота и немедленно отправить гонца к королю.

Карл VII только вздохнул. Он не хотел нарушения «рыцарского» договора, но и опасался перечесть Жанне. С тоскою в сердце он приказал казначею уплатить выкуп за пленных французов.

Девчонка становилась невыносимой!

Она вмешивалась не в свои дела, проявляла излишнюю сердобольность и понапрасну растрясала тощий королевский бюджет!

Но пока она все еще была необходима, и эти неприятности приходилось терпеть.

Мужественное поведение Жанны под Труа и капитуляция города оказались решающими для судьбы всего реймского похода.

До этого городские старшины Шалона думали сопротивляться освободительной армии. Готовясь к длительной осаде, они написали в Реймс, приглашая его магистрат последовать их примеру.

После падения Труа шалонцы изменили намерения. Бороться было бессмысленно и опасно. Видя настроение народа и чувствуя, что им все равно не устоять, старшины преподнесли королю Карлу ключи от города, а вместе с ними и свою полную покорность.

14 июля армия вступила в Шалон.

16 июля утром она была уже всего в четырех лье от Реймса.

Здесь, в старом замке Сеп-Со, Карл VII принял депутацию реймских горожан, которая пригласила его войти в пределы города.

На исходе дня Жанна, находившаяся в передовом отряде, увидела силуэт красивого готического собора.

Путь был окончен.

По спущенному мосту, через Южные ворота, армия освобождения, приветствуемая толпами народа, вошла в церковную столицу Франции.

Глава 11

СВЕРШЕНИЕ

Всю ночь жители Реймса готовили город к торжественной церемонии: тщательно убирали мостовую, чистили фасады домов, украшали окна гирляндами из цветов и листьев.

Улица Парвис, ведущая к собору, приняла праздничный вид.

Архиепископ Реймский и главные советники короля также почти не спали: слишком много надо было продумать и предусмотреть. Регламент коронации включал в себя целый ряд процедур, выполнение которых в данных условиях было крайне затруднено.

Французские монархи из поколения в поколение венчались драгоценной «коронай Карла Великого». Эта корона, равно как знаменитый каролингский меч и золотой скипетр, хранившиеся в сокровищнице Сен-Дени, была у англичан.

Пришлось довольствоваться тем, что оказалось под руками.

В ризнице Реймского собора нашли золоченый венец, могущий сойти за корону. Подобрали и другие регалии, которым при известной фантазии и мастерстве удалось придать нужный облик.

Рано утром в воскресенье, 17 июля, четверо вельмож во главе с маршалом де Буссаком отправились в аббатство Сен-Реми. Их встретил настоятель в парадном облачении, несший ковчежец в виде голубки с заключенной в нем ампулой. В ампуле находилось миро.^[13] Этим миром согласно преданию был некогда помазан Хлодвиг – первый франкский король.

Ампулу доставили архиепископу Реймскому.

Ровно в девять приступили к исполнению обряда.

Процессия медленно двигалась по улице Парвис. Навстречу ей плыли мягкие и сильные звуки органа. Жанна, широко раскрыв глаза, смотрела на чудо архитектуры, представившееся ее взору. Издали собор казался кружевным и невесомым. Только теперь девушка поняла, до чего он огромен. Но эта громада не подавляла. Стрельчатые арки порталов, мощные башни и острый шпиль, увенчанный ангелом, стремились ввысь, в самое небо, словно отрывая зрителя от земли.

Душа Жанны пела.

Подхваченная невидимыми крыльями, неслась она вслед за ангелом шпиля туда, в необъятную голубизну, к солнцу...

Давно не испытывала девушка такого подъема.

Словно в далеком детстве, всходила она на дозорную башню старого замка Бурлемон, становилась королевой лучезарной страны грез, маленькой феей волшебной сказки...

Но это была не сказка. Грезы сбылись.

И сегодня Жанна явилась подлинной героиней народного торжества.

Ради нее люди надели праздничные одежды. Ради нее звучит музыка. Все сердца тянутся к ней. Ее великая миссия близка к завершению.

Если девушку поразили внешний вид собора, то, оказавшись внутри, она забыла обо всем остальном.

Такой величественной красоты ей никогда не приходилось видеть.

Высокие своды храма поддерживали пучки стройных колонн. Мягкий свет струился сквозь многочисленные окна с цветными стеклами. Одни эти стекла можно было рассматривать несколько часов. Среди причудливых орнаментов и арабесок Жанна различала знакомые ей с детства образы. Вот он, святой Михаил, ее главный покровитель... Вот святые Екатерина и Маргарита... А сколько их здесь еще! Всех не сочтешь...

Подойдя к помосту главного алтаря, девушка поняла, откуда шла основная масса света. Прямо против алтаря, наверху, было огромное круглое окно в раме из сложно переплетенных узоров. Это окно, много превосходившее размерами все другие, напоминало чудесный цветок, фантастическую ромашку с разноцветными лепестками. Естественный свет дополнялся бесчисленными золотыми точками восковых свечей, помещенных в больших ажурных канделябрах, стоявших на полу и привешенных к каменным сводам.

Приподнятое настроение Жанны не оставляло ее. Этому содействовало все: странная, сказочная обстановка, необычное освещение, торжественная музыка, многотысячная толпа, заполнявшая пространство храма.

Жанна думала о чуде.

О чуде, которое совершила она, простая, неграмотная девчонка.

Она вспоминала весь свой путь, всю свою маленькую жизнь. Как трудно ей было! Какие невероятные усилия пришлось затратить, чтобы преодолеть злую волю сильных мира сего! Ей казалось, что, если бы все предстояло начинать снова, она бы не смогла. Любые силы, любое напряжение имеют предел.

А может, и смогла бы.

Потому что ее чудо – в любви к родине, любви к своему народу.

Потому что ее чудо – весь народ, борющийся за свою независимость.

Потому что любовь к родине и народ непобедимы.

Карл Валуа подошел к главному алтарю. Вопреки обычному колени его не дрожали и спина не горбилась. Король был преисполнен достоинства: он понимал значение всего происходившего.

Громким голосом назвал он имена и титулы двенадцати пэров Франции.

Из шести светских пэров на призыв не ответил ни один. Из шести духовных откликнулись трое.

Отсутствующие были заменены принцами крови и главными советниками престола.

Вместо коннетабля королевский меч поручили держать сиру Шарлю д'Альбрэ, сводному брату господина де Тремуйля.

Стоя перед алтарем, король четко произнес формулу присяги. Он торжественно клялся охранять привилегии церкви, не перегружать народ поборами и налогами, править справедливо и милосердно.

Затем принесли золоченое рыцарское вооружение, и герцог Алансонский облачил монарха. Поверх доспехов он набросил мантию ярко-синего цвета, подбитую горностаем и усыпанную золотыми лилиями.

Карл VII преклонил колени, и архиепископ помазал ему лоб миром.

Вновь заиграл орган. Хор невидимых певчих подхватил мелодию.

Монсеньор Реньо де Шартр священнодействовал медленно, со знанием дела. Стоя на помосте перед склоненным королем, он был хорошо виден тысячам зрителей, заполнивших храм. Его драгоценная ряса сверкала в косых лучах света. Его высокая митра подчеркивала спокойное благообразие застывшей маски лица.

Уверенным движением архиепископ снял с парчовой подушки венец и поднял его над головой короля.

Одиннадцать пэров, окружавших алтарь, как по команде скрестили руки, чтобы поддержать корону. Громче и громче звучало пение.

Бледные губы прелата беззвучно шевелились, повторяя слова молитвы.

Он был упоен. Он переживал момент величайшего торжества. Самый важный момент в своей жизни.

Сейчас он наденет корону на голову этого ублюдка, и ублюдок станет законным повелителем Франции. Повелителем? Разве он способен повелевать! Карл Валуа как был, так и останется жалким статистом.

Истинным государем окажется он, монсеньор Реньо, первый канцлер королевства, первый архиепископ, герцог и пэр. Кто сможет теперь с ним тягаться? Уж не надутый ли временщик? Нет, господину де Тремуйлю скоро придется читать отходную. Кто же?.. Де Гокур?.. Дюнуа?.. Де Трев?.. Нет, господа, всем вам отныне плясать под одну дудку. Единственный опасный соперник – де Ришмон – в опале. А все эти мелкие сошки, беззубые советники, придворные льстецы, разумеется, в счет не идут.

Архиепископ придерживает корону. Глаза его скользят по лицам вельмож, стоящих близ алтаря. Тонкая улыбка прорезает чуть заметными морщинами углы губ.

Нет, у него не будет соперника. Нет ему равного. И недаром здесь, в этом храме, лишь он один стоит, гордо подняв голову. Все остальные, в том числе и монарх, поникли, склонились перед его фортуной.

Но вдруг улыбка сбегает с лица прелата. Его взгляд останавливается на молодом рыцаре, держащем белое знамя. Голова рыцаря высоко поднята.

Это Дева.

Вот он, соперник!

Что соперник. Враг!

Враг страшный, непримиримый, враг постоянный.

На какую-то долю секунды мысль архиепископа замирает. Потом он чувствует, как со дна души поднимается глухая волна злобы.

Когда-то он, архиепископ, сделал ставку на Жанну. Ставка оказалась верной. Но, Боже, скольких мучений, скольких тяжелых потерь она стоила! Какой это был страшный риск! Буквально хождение по острию ножа!

И теперь девчонка мнит себя героиней.

Она рвется вперед, хочет затмить его, первого человека в королевстве!

И самое страшное – за ней стоит сила.

На нее смотрит весь народ.

Нет, не он, пэр и герцог, сегодня в центре всеобщего внимания. Он, как Дюнуа, де Гокур и прочие господа, фигура второго плана. А первым при его поддержке завладела она.

Но довольно. Теперь конец! Она сделала все, что могла сделать. Он выжал ее до предела. Теперь ей пора оставить сцену. Пускай убирается к черту! И чем скорей, тем лучше. Он обеспечит ей дорогу. Ему поможет весь двор. Его союзником будет королевский любимец. Нет, отходную де Тремуйлю читать пока рано. Он пригодится для важного дела.

Жанна чувствует, что на нее кто-то упорно смотрит. Ее глаза встречаются с ненавидящим взглядом прелата.

Вся церемония заняла около пяти часов.

К концу ее зрители устали и едва держались на ногах. Свечи в канделябрах догорели. Одурающий аромат ладана, смешанный с запахом сгоревшего воска, туманил головы.

Жанна давно рассталась со знаменем. Передав его пажу, она спустилась с помоста. От ее душевного подъема не осталось и следа.

Вдруг зазвучали фанфары.

Хор грянул здравицу в честь короля.

Карл Валуа выпрямился, поднял голову, увенчанную короной, и, подметая пол горностаевой мантией, отошел от алтаря.

Тогда Жанна опустилась перед ним на колени.

– Милый король, – сказала она, – теперь я исполнила свою миссию. Во славу родины я сняла осаду с Орлеана и привела вас сюда для совершения таинства миропомазания. Отныне вы будете законно владеть Французским королевством.

Она сочла своим долгом это сказать. Голос ее звучал неровно и глухо. Ее глаза были полны слез.

Сразу после коронации монарх занялся награждением своих верных вассалов.

Монсеньор архиепископ Реймский был отмечен величайшими почестями и утвержден во владении обширными землями.

Господин де Тремуиль был возведен в графское достоинство.

Господин де Ре был назначен маршалом Франции.

Поместья, должности, титулы сыпались из монарших уст как из рога изобилия. Правда, многие должности пока нельзя было реализовать, а поместья нужно было отвоевывать, но теперь всякий знал, что за этим дело не станет.

Счастливый венценосец не забыл никого из придворных.

Вспомнил он и о Деве.

Желая быть милостивым и благодарным, король спросил у Жанны, что бы она хотела получить в награду за свои труды. Если у нее есть несколько просьб, она может все их высказать.

Но у девушки оказалась только одна просьба.

Она хотела, чтобы король освободил от податей ее родные места, многократно разоренные врагом деревни Гре и Домреми.

Желание Девы было исполнено.

Ну и пировали же в этот день в городе Реймсе! Монсеньор

архиепископ дал королю и его свите торжественный обед в своем дворце. А что творилось на улице!

Повсюду были расставлены столы, скамейки, чурбаны, ящики. Под навесами и под открытым небом, в кухнях и на кострах, на противнях, сковородах и вертелах жарились дюжины быков, сотни баранов, тысячи кур и кроликов.

Городская казна, несмотря на тяжкие охи и вздохи старшин и богатых буржуа, оказалась вынужденной отпустить средства на всю эту снедь.

По освященному веками обычаю, день коронации был днем дарового стола.

В этот день голодные бедняки Реймса имели возможность наесться до отвала. Они хорошо знали, что все не съеденное сегодня завтра будет отобрано городской стражей – и это удесятряло их старания.

Однако что за еда без питья?

Это было также предусмотрено. Отовсюду катили бочки и бочонки, несли кувшины и кружки. Из архиепископского дворца выволокли большого бронзового оленя, доверху наполненного бургундским. На груди оленя был приделан кран, и каждый мог цедить благородный напиток в потребных количествах.

Веселье длилось до позднего вечера. Мало кто из горожан в эту ночь спал в своей постели. Наевшиеся и упившиеся до полного изнеможения, люди сваливались тут же под скамейками и столами.

Да, надолго должны были запомнить граждане Реймса славный день коронации, 17 июля 1429 года!..

Во время обеда у архиепископа Жанна старалась держаться весело и непринужденно. Это ей плохо удавалось. Она не могла забыть взгляд, случайно пойманный в церкви. Он точно подтвердил все прежние наблюдения и догадки. И сейчас, за столом, Жанна снова видела эти глаза, но изменившиеся, холодные и сладкие – как обычно.

Впрочем, захмелевшие придворные не обращали внимания на девушку. Поэтому, когда герольд тихо сказал, что ее ожидает отец, она смогла незаметно покинуть трапезу.

Отец!.. В первый момент Жанна не поверила ушам. Он так был зол, чуть ли ее не проклял. Она уехала из дому вопреки его воле. И вот всетаки он здесь...

Жанна старалась представить суровый облик отца, его тихий, глухой голос. Он был неразговорчив, бедный Жак Дарк. Он был очень строг и часто учил своих детей уму-разуму с помощью тумака или веревки. Но его

молчаливую любовь и скрытую заботу девушка ощущала неизменно.

Как ей недоставало этого сегодня!..

Недаром почти весь день, в церкви, и потом, во дворце, Жанна думала о прошлом, о своей деревне, о лесе Шеню, о дереве фей. Недаром, когда король спросил о ее желании, она снова вспомнила родные места. Как ей хотелось сейчас бросить все и уйти с отцом туда, к себе, к ласковой матери, к друзьям и подругам детства!..

Девушка не чуяла ног под собой.

Долго искать не пришлось. Жак Дарк остановился тут же, на улице Парвис, в старой гостинице «Полосатый осел». К великой радости, Жанна увидела рядом с ним своего неутомимого наперсника, «дядю» Дюрана Лаксара.

Медленно тянулась беседа. Торопиться было некуда: впереди ждала целая ночь. Постепенно Жанна вытянула из отца все, что хотела услышать: о матери, о подругах, о деревне.

Жак Дарк был очень обрадован, узнав, что благодаря заботам дочки с его односельчан снимут подати. Как это кстати! Восстановление деревни влетело в копеечку, и задолженность перед королевским приказчиком была очень велика – крестьяне не представляли, чем будут ее погашать.

Старик разговорился. Он рассказал, как все кругом были поражены подвигами Жанны. Земляки гордились ею. Гордился своей дочкой и он, Жак Дарк, хотя мало кому признавался в этом.

Отец не скрывал, что, когда увидел девушку на коронации в блестящих латах и нарядном одеянии, стоявшей рядом с королем и самыми знатными господами, он слегка приуныл. Он испугался, не зазналась ли его Жаннетта и захочет ли она разговаривать с ним. Он очень рад, что девушка осталась той же, что была когда-то: простой, честной и скромной. И об этом он намеревался рассказать по возвращении в деревню.

Дюран Лаксар во все глаза смотрел на героиню и о чемто думал. Наконец, уже под утро, когда беседа стала замирать, он не выдержал и задал вопрос, давно вертевшийся на языке:

– Жаннетта, детка, скажи мне по совести, неужели же ты ничего не боишься?

Жанна долго молчала.

Потом ответила тихо, но внятно:

– Я не боюсь ничего, кроме предательства.

В предрассветной мгле девушка еще раз отчетливо увидела глаза монсеньора архиепископа Реймского.

КНИГА ТРЕТЬЯ

НАГРАДА

...Я не боюсь ничего, кроме предательства...

Жанна д'Арк

Глава 1

КАРДИНАЛ ВИНЧЕСТЕРСКИЙ

Большие часы на башне Кентерберийского аббатства ударили десять раз.

Чуть заметным движением руки кардинал отпустил придворных, удержав лишь двух секретарей. Его высокопреосвященство чувствовал себя необычно утомленным. Сегодняшний день принес много неприятностей и суеты, а впереди ждала бессонная ночь: нужно было осмыслить все происшедшее, обдумать, продиктовать и отослать письма во Францию.

Известия последних дней сильно взволновали могущественного прелата. По существу, это был крах политики многих десятилетий. Если бы король Генрих V вдруг встал из могилы, он бы пришел в ужас. Но кардинал смотрел на все иными глазами, чем покойный монарх. Наряду с огорчением где-то в тайнике души он испытывал злобную радость. Волею обстоятельств он еще на шаг приблизился к цели. Неудачи на континенте били в первую очередь по его соперникам. Теперь-то они, конечно, без него не обойдутся. Теперь просьбы сменятся мольбами – в этом у него не было сомнений. А раз так, он сможет более твердо ставить свои условия.

Взвешивая беспристрастно события минувших лет, Винчестер не мог не признать, что время работало на удовлетворение его честолюбивых замыслов.

В тот день, когда Генрих V закрыл глаза, оставив оба королевства девятимесячному ребенку, у кормила правления оказались трое ближайших родственников прямой линии царствующего Ланкастерского дома.

Один из них был Винчестер, тогда еще только епископ.

Винчестер приходился дядей умершему королю.

Двое других – герцоги Глостерский и Бедфордский – были младшими братьями Генриха V.

Будущий кардинал слыл богатейшим человеком Англии. Он занял главное место в королевском совете. Глостер был назначен лордом-протектором, а Бедфорд, получивший титул регента, отправился во Францию руководить военными операциями.

И вот началась игра...

Медленно, но верно вел свою партию хитрый прелат. Он использовал каждый шанс, каждый промах партнеров. Ставкой была верховная власть.

Игра казалась не слишком трудной, ибо партнеры делали неверные

ходы.

Лорд-протектор, человек легкомысленный и развращенный, сразу увяз в политических и любовных интригах. Его попытки снискать расположение народа и восстановить против дяди парламент не увенчались успехом.

Бедфорд в отличие от Глостера обладал умом и способностями. Он был талантливым дипломатом и опытным полководцем. Но он не сумел закрепить своих первых побед на континенте. Появление Жанны д'Арк остановило его успехи, а поражения на Луаре и при Патэ уничтожили его армию.

Между тем Винчестер получил кардинальскую мантию. Это повысило его влияние и доходы. Опираясь на сановное духовенство, он захватил власть в совете, прижал Глостера и свел почти на нет его роль в управлении государством.

Очередь была за Бедфордом.

Последний не заставил себя ждать. После Патэ канцелярия кардинала наводнилась жалобными письмами из Франции. Обескураженный регент просил денег и солдат, обращаясь к прелату как к единоличному правителю.

Кардинал Винчестерский торжествовал. Оставалось еще несколько верно рассчитанных ходов, и он получил бы то, к чему так долго и упорно стремился.

Нужно было немедленно собрать большое войско и двинуть во Францию. Во главе войска должны были находиться маленький Генрих VI и он, Винчестер. Быстрыми маршами, опережая врага, следовало идти на Реймс и короновать Генриха французской короной.

Удайся это, и кардинал, окончательно отодвинув в тень своих партнеров, сделался бы единственным регентом и верховным правителем обоих королевств.

В это время папа готовил крестовый поход против «еретиков» – гуситов. Английский кардинал – ревностный сын католической церкви – неоднократно громил еретиков в своих проповедях, и папа, доверив именно ему организацию похода, прислал деньги, собранные от продажи индульгенций, на переброску «воинов Христовых» в мятежную Чехию. Винчестер нанял несколько тысяч стрелков. Однако по договоренности с советом, который, в свою очередь, отпустил ему крупную сумму на ведение войны, кардинал решил переправить «крестоносцев» не в Чехию, а во... Францию! Таким образом, дважды выпросив средства и продав солдат, не затратив копейки из своих доходов и соблюдая личину благочестия, ловкий

прелат сколотил армию, которая должна была возвести его на вершину власти.

Казалось, все шло как надо. Но именно теперь, в разгар приготовлений, Винчестер вдруг получил новое письмо, вызвавшее его гнев. В послании Бедфорда сообщалось, что французы предупредили англичан и с помощью легендарной Девы дофин Карл короновался в Реймсе, соблюдая весь законный ритуал.

Это был жестокий удар. До сих пор Винчестер не придавал значения рассказам о Деве. Мало того, он смотрел на нее чуть ли не как на союзника: ослабляя Бедфорда, она косвенно помогала его планам. Теперь все менялось. Кардинал впервые понял истинное положение дел и почувствовал острую неприязнь к «проклятой ведьме».

Впрочем, он был далек от отчаяния. В течение всего дня, беседуя с придворными о незначительных делах, он думал об одном и том же, думал напряженно, до головной боли. И чем больше размышлял прелат, тем легче ему становилось.

Поздно вечером, всех отправив и оставшись с безмолвными исполнителями своей воли, он почувствовал себя совершенно спокойным.

Большими шагами ходил он взад и вперед по тускло освещенному залу.

Он диктовал.

Один секретарь фиксировал мысли, которые кардинал хотел сохранить для себя, другой записывал то, что предназначалось Бедфорду.

По существу, ничего страшного не случилось. Ведь Париж – столица Франции – оставался у англичан! Нужно лишь изменить маршрут и вести Генриха VI напрямик в Париж, а там в прекрасном соборе Нотр-Дам его можно будет короновать не хуже, чем в Реймсе, тем более что главные регалии покоятся в Сен-Дени!

Для того чтобы не произошло нового просчета, необходимо лишь соблюсти некоторые меры предосторожности.

Необходимо немедленно бросить войска во Францию, дабы прикрыть и предохранить Париж.

Необходимо любыми средствами удержать герцога Бургундского как союзника. Всем известно, что Бургундец зол, что он считает себя обойденным. Нужно бросить ему самый жирный кусок, нужно любыми средствами заткнуть его глотку, лишь бы в этот острый момент он не изменил и не предал.

И еще одно...

Кардинал опустился в кресло и стиснул голову руками.

Вот оно, главное, что он чуть было не упустил!.. Для полного успеха задуманного необходимо скомпрометировать реймскую коронацию. Нужно во что бы то ни стало доказать, что помазание Карла VII незаконно, ибо оно совершено против правил. Как это сделать? Ничего нет проще! Здесь поможет святая мать церковь, причем не иначе чем руками французских попов!..

Оба секретаря одновременно вздрогнули и с удивлением посмотрели друг на друга. Что это с его высокопреосвященством? Уж не спятил он с ума от груза беспокойных мыслей?

Кардинал Винчестерский хохотал, хохотал, как в истерическом припадке. Он схватился руками за стол и едва не стащил парчовую скатерть.

Ей-богу, это гениально придумано! Мысль простая, но убийственная в своей простоте. Если удастся претворить ее в жизнь, то беспокоиться больше не о чем.

Последние месяцы ему все уши прожужжали об этой Деве. Многие капитаны считают, что она ведьма и имеет успех благодаря помощи сатаны.

Вот отсюда и нужно исходить!

Он, кардинал, не мешкая обратится к помощи святой инквизиции. Его люди возбудят процесс о ведовстве. Ему поможет богословский факультет Парижского университета. Он найдет много желающих принять участие в этой забаве.

Осудить Деву будет нетрудно.

Ковырни поглубже – и, вероятно, ереси найдется сколько угодно. А ковырнуть-то уж господа инквизиторы умеют, они набили руку на подобных делах. И когда ее уличат, будет доказано, что коронацию Карла VII организовала чертовка. Значит, и коронации грош цена!

Но этого мало. Дискредитация Девы должна будет перевернуть вверх дном общественное мнение и настроения в войсках. Французы неминуемо падут духом, английские же воины, напротив, воодушевятся, узнав, что их неудачи были лишь делом рук ведьмы.

После устранения этой ведьмы ход войны неминуемо изменится.

Англичане вновь начнут одерживать победы, выгонят из Франции «дофина» и его приспешников, а все лавры побед пожнет он, Винчестер! Тогда уж действительно он, и только он будет вершителем судеб обоих королевств, а может быть – кто знает! – и всей Европы...

Кардинал давно уже не смеялся. Он был целиком во власти новой идеи.

Правда, пока кое-чего недоставало: не было Девы.

Пока она оставалась во главе французов, затевать процесс было бессмысленно.

Но кардинал Винчестерский был уверен, что, если он мобилизует все усилия, Дева окажется в его руках. Прелат был прекрасным знатоком человеческих душ. Он не сомневался, что найдутся люди, которые ему помогут. Он угадывал, что в самом французском лагере среди власть имущих есть многие и многие враги Девы, которые при надлежащих условиях могут стать его союзниками.

Кардинал продиктовал последние фразы и потребовал, чтобы готовые свитки были оставлены для просмотра. Неслышно ступая, секретари удалились.

Часы на башне аббатства ударили четыре раза. Глаза прелата рассеянно остановились на мутном стекле.

Новая бледная заря вставала над туманной Британией.

Глава 2

СТРАННАЯ ВОЙНА

Королевский кортеж продвигался шагом. В первом ряду были Карл VII, Жанна и монсеньор архиепископ Реймский.

Рев приветствий не смолкал. Люди провозглашали «многая лета» монарху, славили Орлеанскую деву и ее победы.

На душе у Жанны было светло. Она чувствовала горячую любовь ко всем этим людям. Она не могла сдержать охвативший ее порыв.

– Добрый народ, – сказала она, обращаясь к соседям, – как он велик в своей простоте и какой глубокий смысл вкладывает в эту встречу! О, как бы я хотела жить и умереть среди таких людей, как бы желала окончить свои дни в этой благословенной земле!..

Архиепископ удивленно взглянул на девушку:

– Неужели, Жанна, вы знаете время и место вашей смерти?

Что-то в вопросе прелата покорило Жанну. Но ей не хотелось этого показать.

Она ответила, глядя в глаза канцлеру и отдельно произнося каждое слово:

– Я знаю об этом не больше вашего, монсеньор. Потом тихо, как бы про себя, добавила:

– Теперь я исполнила свой долг. И я буду молить Господа, чтобы он позволил мне отложить в сторону оружие и вернуться к моим родителям.

Жанне никто не возразил.

В продолжение всего пути спутники молчали. Каждый был занят своими мыслями.

Карл VII пребывал в упоении от своего триумфа. Как все изменилось в результате коронации! Как его встречают и приветствуют добрые города, как стремятся вновь вступить к нему в подданство! Теперь, казалось бы, он может взять у англичан без боя всю их добычу!..

Впрочем, Карл уже начал уставать от торжеств и походов. Он чаще и чаще вспоминал свои веселые замки Луары. Ему, как никогда, хотелось тишины, покоя, размеренной жизни.

Жанна размышляла над словами, которые только что произнесла.

Правду ли сказала она? Или, быть может, ей просто хотелось ответить нечто в пику архиепископу? Нет, это была правда. Это была ее заветная мечта.

Родная деревня, тихий Маас, густой, так хорошо знакомый, но всегда таинственный лес Шеню, милые сердцу люди... Это был предел ее стремлений. И однако она знала, что мечта не станет явью. Почему?

На этот вопрос девушка могла ответить без затруднений.

Да, она выполнила свой долг, завершила ту миссию, которую сама для себя избрала. Она сняла осаду с Орлеана и привела Карла VII в Реймс.

Но оказалось, это не конец.

Впереди предстоит трудная и упорная борьба.

Нужно освободить от англичан и бургундцев столицу.

Нужно полностью изгнать врага из пределов родимой земли.

Может ли она уйти, пока борьба не кончена? Это было бы непростительным малодушием. Что малодушием! Просто изменой!

Нет, ее великая жалость и великая любовь сильнее, чем мысль о личном покое в кругу близких.

Ее судьба – бороться до конца! Она или победит, или падет в неравной борьбе, но не отступит, пока битва не кончена.

Монсеньор Реньо де Шартр также думал над словами Жанны. И думал почти о том же самом, только немного в ином направлении.

Она хочет вернуться к деревенской жизни? Чепуха, маскировка! Кто добровольно уходит от своего счастья, от успеха и славы? Он-то, архиепископ, давно наблюдает и делает для себя вполне определенные выводы. Девчонка непрерывно лезет вперед, будет лезть и дальше, коли ей не помешают.

Впрочем, если даже предположить, что она действительно хотела бы уйти в деревню, то этого также допускать нельзя. Теперь она слишком опасна. Теперь она – знамя. Это знамя ни под каким видом нельзя отдавать низам.

Да, милая девушка, вы слишком многое сделали и слишком прославились. Вас невозможно ни оставить, ни отпустить. Вас ждет отныне один лишь путь – в могилу. И с этого пути вас не сведут никакие ухищрения и уловки.

Королевский кортеж объехал город и вернулся к главным воротам. А толпа была все такой же густой, и восторженные крики попрежнему сотрясали воздух.

Сразу после коронации Жанна думала идти на Париж.

Все сулило успех задуманному делу.

Сломленный под Орлеаном, почти уничтоженный при Патэ, враг после Реймса, казалось, растаял в воздухе. Англичан нигде не было видно.

Бургундские капитаны спешно отходили на восток. Города Шампани и Иль-де-Франса один за другим присылали ключи Карлу Валуа. По полученным сведениям, позиции годонов под Парижем были полностью оголены. Бедфорд отчаянно взывал к Винчестеру и Бургундцу, требуя войск. Но до Англии было далеко, а Филипп Добрый, хотя и явился в Париж, солдат не привел.

При таких обстоятельствах овладеть столицей было нетрудно, ее можно было взять буквально с ходу.

Имелось лишь одно обязательное условие: быстрота.

Ни для кого не было секретом, что кардинал Винчестерский готовил большую армию, которую собирался со дня на день перебросить на континент.

Нужно было опередить англичан.

Эту мысль девушка всячески старалась внушить королю.

Сначала Карл VII как будто согласился с Жанной. На следующий же день после коронации он приказал готовиться к походу.

Но затем вдруг все изменилось. Королевский приказ был отменен.

Де Тремуиль распустил часть армии. При дворе упорно заговорили о мире.

Мир!..

Как чудесно звучало это слово! Как оно было дорого Жанне! Не для того ли, чтобы воплотить его в жизнь, девушка подняла над страной свое белое знамя? Мир – это просторы лесов и полей, это хороводы у Смородинного ручья, это цветущие виноградники, тучные стада, засеянное поле и радостный труд землепашца.

Мир – это счастье.

Но в представлении Жанны слово «мир» неразрывно сливалось с двумя другими словами: свобода и независимость.

Без них оно меркло и рассыпалось. Без них оно не имело смысла.

Мир и труд могли лишь тогда утвердиться во Франции, когда последний вражеский солдат покинул бы ее пределы. Но враг не уйдет добровольно.

Давно уже прошло время, когда девушка наивно верила, что годонов можно уговорить. Жизнь научила ее правде. А правда заключалась в том, что мир, свободу, независимость приходилось отвоевывать в жестоких битвах.

Теперь меч Жанны хорошо работал во славу ее знамени. На защиту родины по ее клику несокрушимой стеной вставал весь французский народ.

И девушка не раз повторяла трусам и маловеерам: «Мы несем врагу мир на остриях наших копий».

Так о каком же мире сейчас, когда нужно собрать последние силы, чтобы добить врага, могут толковать господа придворные?

Триумф продолжался.

После четырех дней пребывания в Реймсе Карл VII выехал в соседние районы. Король продолжал принимать в подданство свои верные города. Он мог позволить себе такую роскошь, пока его уполномоченные разговаривали о мире.

Поездку король начал с Вайи, где получил ключи от Суассона и Лана. 23 июля он прибыл в Суассон; оттуда, повернув на юг, двинулся к Шато-Тьерри и Провену. Как приятно было брать то, что само шло в руки!

Между тем англичане не теряли времени. 25 июля Бедфорд получил от Винчестера долгожданное войско. Новая армия насчитывала пять тысяч человек. Эту цифру регент увеличил вдвое, призвав к оружию феодалов Нормандии и Иль-де-Франса. Теперь Париж имел прочный заслон. Все худшие опасения Жанны оправдались.

Однако что за дело до всего этого было французскому двору, если монсеньор архиепископ Реймский в эти самые дни успешно завершал переговоры с герцогом Филиппом!

Строго рассуждая, переговоры шли не так уж успешно. Всякому со стороны было видно, что Бургундец хитрит, и хитрит крепко. Стало ясно также, что англичане на мир не пойдут. Они сумели выиграть время и теперь чувствовали себя достаточно сильными, чтобы вести собственную игру.

Пришлось ограничиться перемирием, заключенным только с герцогом Бургундским и всего лишь... на пятнадцать (!) дней.

Правда, уполномоченные герцога заверяли, что это предварительное перемирие, что переговоры будут продолжаться до тех пор, пока стороны не придут к более серьезному соглашению, и самое главное – сделали большие посулы: Бургундец обещал отдать Карлу Париж!

Это вызвало бурную радость при дворе. Ай да канцлер! Добился своего! Без войны, без затраты средств получить столицу из рук герцога Бургундского! Советники престола полагали, что теперь можно со спокойной совестью возвращаться за Луару.

Но большинство французов этих восторгов не разделяло. Бойцы народной армии давно тяготились бездействием. Мысль об уходе в «Буржское королевство» была им не по сердцу. Что же касается

«бургундской приманки», то ей просто не верили.

Не верила ей и Жанна, попрежнему лелеявшая мечту о походе на Париж.

Несмотря на всеобщее недовольство, король всетаки ушел бы за Луару, если бы ему не помешали англичане.

Герцог Бедфордский, располагавший отныне значительными силами, вышел из Парижа и двинулся наперерез французской армии.

5 августа после стычки с передовыми отрядами англичан при попытке переправиться через Сену королевская армия повернула резко на север, потом на северо-запад.

Военные действия возобновились.

Это была поистине странная война. В ходе ее не произошло ни одного серьезного сражения, хотя было исхожено много десятков лье. Здесь все старались перехитрить друг друга, предпочитая сражаться не оружием, но казуистикой фраз и провокационными демаршами.

В то время как монсеньор Реньо тянул канитель с бургундскими дипломатами, Бедфорд посылал Карлу VII письма, в которых, лицемерно вздыхая о «несчастном народе» и обкладывая монарха изысканнейшей руганью, пытался вызвать его на генеральную битву, раз и навсегда решившую бы бесконечный спор.

Французы были согласны сражаться. Но всякий раз оказывалось, что англичане готовят искусную ловушку, рассчитывая погубить врага старыми тактическими средствами, испытанными при Кресси, Азенкуре и Руврэ. Французские капитаны эти средства хорошо усвоили и на приманку не поддавались. Поэтому дело ограничивалось легкой перестрелкой или незначительными стычками, после которых годоны уходили, чтобы строить капкан на новом месте.

Подобная тактика изматывала армию без всякой пользы. Настроение во французском лагере неуклонно падало.

А Жанна между тем все время думала о Париже...

Герольды, посланные Карлом VII в крупные города севера – Бове и Компьень, – встретили радушный прием. Правда, епископ Бове – Пьер Кошон был ставленником Винчестера. Но народ вышел из-под власти епископа и заставил его покинуть город.

17 августа, находясь в Крепи, король получил ключи от Компьеня.

Город Компьень был важным стратегическим пунктом на границе бургундских и французских владений. Ключевая крепость севера, он

несколько раз переходил из рук в руки. Но жители Компьеня считали себя прирожденными французами и не желали иной власти, кроме власти своего короля.

Капитаном Компьеня Карл VII назначил своего фаворита.

Но горожане, бывшие постоянно под угрозой нападения, нуждались в дееспособном и сильном руководителе. Прекрасно понимая, что де Тремуйль – фигура дутая, зная, что новый чин ему нужен лишь для вытягивания денег, они стали просить короля, чтобы тот сохранил им прежнего капитана, проверенного на деле.

Это был местный уроженец, сир Гильом Флави, человек жадный и жестокий, но известный своей храбростью и военным мастерством. Оказалось, что Флави – родственник архиепископа Реймского и уже служил под начальством де Тремуйля. Учитывая все это, нашли компромисс, против которого временщик не стал возражать. Де Тремуйль удовольствовался званием капитана и частью материальных выгод, а Флави сохранил свои обязанности и власть.

Шамбеллан хорошо присмотрелся к своему заместителю и остался им доволен. Он решил, что в будущем этот человек способен оказать ему не одну услугу.

Вскоре в Компьень прибыли послы во главе с монсеньором Реньо, ранее отправленные в Аррас для переговоров с герцогом Бургундским. Прибыли и бургундские уполномоченные. Так как срок пятнадцатидневного перемирия уже истек, а в движении Карла на Компьень Бургундец почувствовал угрозу, переговоры были возобновлены. Роль посредника взял на себя герцог Савойский.

Жанна все видела и понимала. Она была уверена, что обещание «добротого герцога» отдать Париж не более чем сказка. Так и оказалось. И вот теперь все начинали сызнова. Что могут принести новые переговоры? Девушка ничего добротого не ждала. С тоской в сердце провожала она уходившие дни. Она не могла переносить более этой странной войны. Сейчас, конечно, Париж взять труднее, чем месяц назад, но пока всетаки это еще возможно. Между тем без Парижа все победы, одержанные на севере, не будут иметь цены. Какой толк в том, что короля признало так много городов, если самый главный из них, исторический центр страны, остается в руках врага?!

23 августа Жанна решила. Не сказав ни слова королю, не испросив разрешения у совета, она прямо обратилась к военачальнику, который не мог ей отказать. Вызвав герцога Алансонского, девушка потребовала

самым решительным тоном:

– Мой прекрасный герцог, готовьте ваших людей и людей других капитанов. Я хочу наконец увидеть Париж.

Жанна хорошо знала, как настроена армия. Много уговаривать воинов не пришлось. В этот же день Дева и королевский кузен в сопровождении большого войска выехали из Компьеня. Через два дня они были в Сен-Дени.

Менее чем в двух лье от Сен-Дени лежал заветный Париж.

Глава 3

ЗАПАДНЯ

Момент для нападения на Париж был выбран удачно. За несколько дней до этого английский регент, встревоженный слухами о делах в Нормандии, собрал большую часть своих войск и выехал в Руан. В Париже осталось около двух тысяч годонов и бургундцев. По сравнению с армией Жанны это были незначительные силы. Сложнее обстояло с симпатиями и антипатиями самого населения столицы.

В течение последних лет в Париже преобладала бургундская партия. Зажиточные мастера и купцы, чиновники и феодалы, члены парламента и доктора университета, как правило, относились к арманьякам резко враждебно. Официальные власти сделали все возможное, чтобы эти настроения раздуть.

И все же полного единодушия среди парижан не было. В городе существовала партия арманьяков, достаточно многочисленная, но скрывавшая свои настроения от большинства. В случае успеха штурма эта партия могла оказать надежную помощь войскам Девы.

28 августа хмурым, ненастным утром Жанна обзревала с высоты Монмартра величественную картину. Герцог Алансонский давал объяснения и называл главные ориентиры.

Девушка никогда не думала, что Париж столь велик. Такого большого города она не видела ни разу в жизни.

Двумя громадными массивами раскинулась столица по обе стороны Сены. Левобережная часть утопала в тумане и казалась игрушечной. Посередине лежал остров, подпиравший небо высокими башнями собора. Это Нотр-Дам. Лучше всего была видна правая сторона. Сколько здесь высоких домов, сколько дворцов и храмов! Вот церковь Сент-Эсташ, вот Сен-Жермен д'Оксерруа, а вот знаменитый Лувр! А как велики и массивны стены, укрепленные множеством башен!

Особенное внимание Жанна обратила на городские ворота и предмостные форты.

Прямо перед ней находились ворота Монмартр, слева – Сен-Дени, справа – Сент-Оноре.

Девушка пристально рассматривала ворота Сент-Оноре. Ей показалось, что они расположены в месте, наилучшем для штурма. С

Монмартра спускался густой кустарник, который шел почти до самой стены. Прямо у холмов тянулись жилые здания предместья. Если эти здания взять, к воротам можно будет подойти без потерь.

Но как зато были укреплены сами ворота! Большой трехбашенный форт, врезанный в стену, потом – подъемный настил, потом – мост, потом – две квадратные башни, опять настил и опять мост!

Каждая башня располагает множеством бойниц, в каждой бойнице – пушка.

Нет, о том, чтобы взять ворота, нечего и думать.

Следует, преодолев широкий ров, штурмовать стену в каком-либо месте, наиболее удаленном от башен. Это будет трудно, но не невозможно.

Прежде чем начать военные действия, Жанна попыталась договориться миром.

Париж ответил залпами.

В течение нескольких дней шла перестрелка у ворот Сен-Дени и Сент-Оноре. Жанна участвовала во всех предварительных операциях. Ее мысль о месте, удобном для штурма, укрепилась. Однако чтобы обеспечить резервы, нужно было собрать всю армию. Значительную часть войск продолжал удерживать король. Пришлось добиваться его приезда.

Когда Карл VII узнал о самовольном отъезде Жанны, его охватил гнев.

В этот момент король совершенно забыл, чем обязан Жанне. Он твердо решил не давать ей солдат и поклялся не ездить к Парижу.

Монсеньор Реньо всячески успокаивал короля. Надо во всем положиться на волю Божию. Главное – договор о новом перемирии уже готов к подписи. А после его утверждения все сделается само собой. Нет, его величество не может отказываться от поездки в Сен-Дени. Напротив, он обязательно должен быть там. Это необходимо для успешного проведения плана, составленного советом.

Подписав договор, Карл сразу же переехал в Санлис, а 7 сентября уже обедал в Сен-Дени. Вместе с королем прибыла оставшаяся армия.

В этот день перестрелка была особенно жестокой. Бургундские пушкари выбились из сил. У всех северных ворот английские капитаны держали большие отряды, готовые к внезапной вылазке. С городских стен раздавались проклятия и угрозы по адресу «арманьякской блудницы». Всем было ясно, что штурм близок.

Штурм Жанна назначила на следующее утро.

8 сентября по календарю был большой христианский праздник. Многие капитаны сомневались, следует ли в такой день братья за оружие. Но Дева рассеяла сомнения. Разве их победа не была угодна Богу? И разве годоны были изгнаны из-под Орлеана не в воскресенье? Дело не в дне, а в подготовленности. Если люди, оружие и осадные приспособления в полном порядке, если силы достаточны, а настроение боевое – значит, следует начинать и все пройдет успешно.

Войско покинуло лагерь на рассвете. Жанна разделила армию надвое. Первый корпус должен был овладеть частью стены у ворот Сент-Оноре. Его возглавила сама Дева. Второй корпус, подчиненный герцогу

Алансонскому, был оставлен в резерве. Эту часть войска Жанна расположила на Монмартре под надежным прикрытием. В задачу второго корпуса входило наблюдать за действиями врага и в нужный момент поддержать атаку.

Войско Девы благополучно прошло через предместье и добралось до рва. Ров был сухим. Несмотря на огонь бургундских батарей, Жанна и ее солдаты спустились в ров и выбрались на большую двухскатную насыпь. Здесь Деву ожидал страшный удар.

За насыпью оказался второй широкий ров, доверху наполненный водой.

Жанна знала, что за ней наблюдают воины. Не подав и виду, что она поражена случившимся, девушка измерила древком знамени глубину воды и отдала приказ нести все возможное для обеспечения переправы.

Потянулись бесконечно тяжелые часы.

Так как водной преграды никто не учитывал, средства переправы заранее подготовлены не были. Началась беготня. Отряды бойцов метались туда и сюда, тащили бревна, доски, поваленные деревья. И все это под непрерывным жестоким огнем. Особенно удобную мишень представляли люди, трудившиеся на двухскатной насыпи. По ним били почти без промаха. Сколько тут полегло народу, и сказать трудно...

В этих приготовлениях прошел весь день. Люди превратились в тени. Бесстрашные и безропотные, они подчинялись четким приказам Девы. Медленно, но точно, теряя силы, но не теряя мужества, они завершали свою работу.

Англичан и бургундцев, дежуривших на стене, охватил панический страх. Они били из пушек, кулеврин и арбалетов, они видели, как падают враги, но армия нападавших не уменьшалась. Да это, право, какие-то черти! Недаром во главе их ведьма! Вот уже тащат осадные лестницы! Все пропало!..

Некоторые капитаны и стрелки бросали стены и спешили в церковь. Парижские купцы срочно закрывали лавки. Кое-где ползли слухи, что арманьяки уже в городе...

В первый момент Жанна не почувствовала боли. Стрела угодила в бедро, пробив кольчугу в месте, свободном от лат. Ерунда! Царапина. Она уже имеет опыт в этом деле...

Девушка зажмурила глаза, вырвала стрелу и, подняв кольчугу, сдавила края раны рукой. От страшной боли присела на землю. Кровь сочилась по

пальцам...

Нет, только не падать духом! Только не прерывать...

К ней подошли несколько бойцов. Лишь тут Жанна заметила, что уже совсем темно. В сентябре сумерки наступают быстро...

Девушка знала, как тогда, под Турелью, что еще немного, еще небольшая выдержка, несколько усилий и победа будет одержана. Наведение переправы заканчивали, уже несли первые лестницы. Защитники города прекратили грязную ругань, которой весь день осыпали Жанну. Они устали и стихли. Они и стреляют через силу, без прежней уверенности.

Совсем как тогда, под Турелью...

И рог в вечерней мгле прозвучал точно так же, как тогда.

Рог? Жанна встрепенулась, как подстреленная птица.

Кто смеет трубить отход? По какому праву?

Но рог беспощаден. Он трубит и трубит. Ему уже вторят несколько других в разных местах.

Усталые бойцы в недоумении смотрят друг на друга. Многие, бросая лестницы и спрыгивая с насыпи в сухой ров, бегут по направлению призыва глашатаев.

– Стойте! Ведь поле боя ваше! Еще несколько усилий, и стена будет взята!

Крик Девы почти не слышен. Она слишком много кричала сегодня...

Но вот ее окружают. Ей что-то говорят. Ее хватают под руки и хотят поднять. Она сопротивляется, как бешеная. Но их много, а она ранена. Вот она замечает ехидное лицо де Гокура. Он улыбается. Наверное, он сейчас чувствует, что отыгрался за свой позор в Орлеане.

Девушка умоляет подождать, подождать всего несколько минут, она клянется закончить дело.

Герцог Алансонский отворачивается. Ее поднимают, чтобы перенести через ров и посадить на коня.

«...В эту ночь, – записал летописец, – велика была радость как в совете французского короля, так и в совете английского регента...»

Герцог Алансонский ничего не рассказал Жанне. Он не признался ей, что вчера, простояв на Монмартре десять часов подряд, испытал приступ малодушия. Не сообщил он и о том, как хитрый Гокур, подобно коварному змею, напевал ему о необходимости прекратить операцию, нечестиво начатую в Божий праздник, напевал до тех пор, пока не добился своего. Юный герцог был легковерен и слаб, и теперь ему было безумно стыдно

перед Девой.

Поэтому, когда, ранним утром войдя к нему в палатку, Жанна властно потребовала собирать войска, он не стал спорить и тут же пошел отыскивать капитанов.

Девушка была тверда как камень. Что не удалось вчера, удастся сегодня. Так было и с Турелью. Главное – настойчивость и упорство. Людей достаточно, вчерашний опыт многому научил, сегодня дело пойдет быстрее.

И правда, все пошло быстро. Герцог собрал бойцов буквально за полчаса, люди были бодры и полны решимости. Жанна забыла о своей ране. Легко вскочив на лошадь, она обернулась, махнула рукой и громко сказала:

– Я вернусь не иначе, как взяв город.

Эти слова были признаны за хорошее предзнаменование.

Под самым Парижем наступающих ждал приятный сюрприз.

Навстречу шла большая группа людей во главе со стариком, закованным в железо. Кто это? Парламентеры?

Старик подошел к Жанне и герцогу Алансонскому. Это был барон де Монморанси, один из крупных феодалов Ильде-Франса. Барон привел с собой отряд воинов, желавших сражаться под французскими знаменами. Он сообщил, что в Париже у них много сторонников, которые посылают армии освобождения привет и горячее пожелание удачи.

Жанна со слезами на глазах крепко обняла старого воина. Она не ошиблась в расчетах. Сегодня они вернутся победителями!

Командиры строили полки. Все было готово к наступлению.

И вдруг снова, как вчера, прозвучал рог. Кто-то закричал:

– Именем короля!

К осаждавшим спешили двое всадников.

Запыхавшийся граф Клермон приблизился к герцогу Алансонскому.

Из раструба железной перчатки он вытащил бумагу и громко ее прочел.

...Его величество Карл VII своим именем приказывал, чтобы все командиры и солдаты немедленно возвращались в Сен-Дени...

Небо померкло перед глазами Жанны. Она хотела что-то сказать – и не смогла. Она оцепенела.

Герцог Алансонский, бледный, растерянный, отдавал распоряжения капитанам. Старик Монморанси, ничего не понимая, смотрел на Клермона...

Не повиноваться королевскому приказу было нельзя.

Все рушилось. Плоды невероятных усилий, гибель многих сотен людей, горение дней и недель – все было брошено, растоптано, развеяно в прах...

Королевские советники действовали со знанием дела, не оставляя ни малейших сомнений.

За несколько дней до этого у Сен-Дени по приказу Жанны был сооружен мост. Девушка оставляла его как последнюю надежду: если бы штурм правобережья не удался, можно было попытаться перейти на левый берег и быстро нанести удар в месте, где французов не ожидали.

Теперь оказалось, что моста больше не существует. Королевские люди трудились целую ночь для того, чтобы его разобрать и уничтожить.

Все было ясно. Слова и жалобы не имели значения. Жанна ничего не стала говорить, а ее никто ни о чем не спрашивал.

Карл VII пробыл в Сен-Дени до 13 сентября. В этот день, разослав по главным городам севера циркуляры, в которых он объяснял свой внезапный отъезд желанием собрать за Луарой большое войско, король двинул на юг.

21 сентября армия освобождения после трехмесячного похода снова вступила в город Жьен.

Архиепископ Реймский глубоко сидел в мягком уютном кресле, вытянув ноги к решетке камина. В комнате был полумрак. В этот холодный осенний вечер, когда вихрь рвал крыши с домов, а ливень хлестал мостовую, прикорнуть здесь, у камина, было особенно приятно.

Да, он сильно постарел. Кровь не так быстро, как прежде, текла по жилам. Подагрические ноги требовали тепла. Ему все труднее выполнять государевы поручения, все тяжелее неделями трястись в дороге.

Но эту, последнюю, миссию он провел от начала до конца, не чувствуя усталости. Это было его детище...

Сейчас никто, в том числе и король, не понимает в полной мере того, что произошло.

Об этом когда-нибудь расскажет история.

Архиепископ беззвучно рассмеялся.

Это была превосходная западня, талантливо и ловко расставленная. Конечно, такое не могло пройти без потерь. Потери уже есть, в дальнейшем они увеличатся. Война, которая была близка к концу, теперь затянется еще на некоторое время... Впрочем, в данных условиях это даже к лучшему.

Сделано самое главное.

Будущее знати и всех благородных обеспечено.

Подлая чернь притихнет на долгое время. Как же он добился этого?

Все было просто до предела. Прежде всего он сумел добиться перемирия – перемирия, текст которого сам и состряпал.

Пока что многие статьи этого перемирия хранятся в тайне. Именно сохранение их в тайне и дало возможность устроить западню...

Согласно тайным условиям договора на весь его срок, от 28 августа до Рождества текущего года, король Франции брал на себя обязательство не делать попыток взять Париж силой. Мало того, в договоре указывалось, что любой город в районе Сены и к северу от этой реки, в случае его захвата во время перемирия, подлежал отдаче прежнему владельцу.

Если учесть, что договор был подписан как раз в день, когда армия Жанны прибыла под Париж, станет ясно, какой смысл имели эти статьи.

Недаром архиепископ не препятствовал Жанне в ее планах.

Недаром он заставил короля последовать за ней.

Дева позволили начать штурм, затратить много усилий и потерять сотни людей.

Ее спровоцировали на обещание взять столицу.

А затем, когда ценою всех этих усилий и потерь штурм должен был увенчаться успехом, его во исполнение тайных статей договора не дали довести до конца.

Западня захлопнулась.

На поверхности теперь все выглядело так: Дева зарвалась, слишком много о себе возомнила; она не слушала опытных людей и ни с кем не советовалась; она кощунственно начала штурм в святой праздник, загубила массу людей, надавала массу обещаний и ничего не выполнила.

Это значит, что Бог отвернулся от Жанны.

Это значит, что престиж ее пал.

Остальное докончит время...

Архиепископ зевнул и поправил плед на ногах. Его веки сомкнулись. Его благообразное лицо выражало одухотворенность и покой.

Глава 4

ПРЕДАНА И ПРОДАНА

И пошли один за одним мрачные, безрадостные дни.

Серые будни осени 1429 года.

Казалось, удача покинула Францию.

Сразу по возвращении в Жьен королевские советники распустили армию. Двор, переезжая из замка в замок, прочно осел на Средней Луаре. Жанна, печальная и подавленная, следовала за королем.

В эти дни с ней навсегда расстался спутник ее многих походов герцог Алансонский. После провала операции под Парижем юный принц, чувствуя подоплеку всей игры, не пожелал более оставаться при дворе. Он уехал в свое виконтство Бомон. В дальнейшем герцог рассчитывал организовать давно задуманный им поход в Нормандию в целях вызволения своих земель и доходов.

К этому времени королевский кузен значительно поостыл к Деве. Неудача под Парижем навела суеверного принца на мысль, что Божественные силы отвернулись от Жанны; а если так, то и в его глазах она уже теряла прежнюю цену.

Все же перед началом похода он письменно пригласил Деву принять в нем участие. Но королевские советники господы Реньо де Шартр, де Тремуиль и де Гокур отказали принцу. У них были иные планы. Не желая выпускать девушку из своего поля зрения, эти сеньоры решили бросить ее на мелкие операции в пределах «Буржского королевства».

Если благодаря энергичным ударам мая – июня Средняя Луара была полностью освобождена от врага, то верхнее течение реки до сих пор удерживалось бургундцами. В их руках находились укрепленные пункты Кон, Сен-Пьер-ле-Мутье, сильная крепость Ля-Шарите. Это обстоятельство не то чтобы уж очень сильно смущало советников Карла VII, однако теперь, когда двор прочно утвердился к югу от Луары, было все же неплохо избавиться от непрошенных соседей, постоянно угрожавших тылу.

В дождливый октябрьский день Жанна переехала в Бурж, где должна была готовиться армия. Значительного войска собрать не удалось. С ничтожными силами в начале ноября Дева оказалась под Сен-Пьер-ле-Мутье. Здесь она сотворила еще одно «чудо».

...Штурм был в полном разгаре. Люди валились, как снопы. Многие,

считая, что все потеряно, ударились в бегство. Д'Олон, раненный в ногу, тоже собирался покинуть поле боя. Оглянувшись, он замер от ужаса: перед крепостной стеной орудовала Жанна, окруженная жалкой горсткой солдат.

Превозмогая боль, воин направил коня к отчаянной девушке:

– Немедленно трубите отход! Разве вы не видите, что с вами никого не осталось?

Жанна сняла каску и вытерла пот с лица:

– Никого не осталось? Неправда! За мною армия в пятьдесят тысяч человек! Мы не отступим, пока не войдем в крепость!

Сила бесстрашного примера еще раз сделала свое дело. Боевой клич Девы проник в трепещущие сердца. Беглецы остановились. И крепость была взята.

Но под Ля-Шарите все обернулось иначе. Жанна, видя, что у нее нет войска, обратилась за подмогой к Риому, Буржу и Орлеану. Магистраты откликнулись на призыв девушки, но большой помощи оказать не смогли.

Маленькая армия, лишенная провианта и осадных приспособлений, расстреливаемая врагом, томимая голодом и холодом, буквально таяла на глазах, и в конце ноября Дева, несмотря на всю свою решимость, оказалась вынужденной снять осаду.

Это была ее вторая неудача после Парижа.

Между тем внимание всей Франции вновь оказалось прикованным к северу. Героем дня на этот раз был город Компьень.

Когда французские войска покидали районы Иль-де-Франса и Шампани, они оставили в бассейнах Сены и Уазы линию крепостей, прикрывавших освобожденную территорию. Это были города, принесшие в августе присягу на верность французскому королю: Крей и Санлис, Пон-Сент-Максанс, Компьень и Суассон.

Герцог Бургундский был серьезно обеспокоен. И правда, что дала бы ему должность правителя Иль-де-Франса и Шампани, которую он намеревался вырвать у Бедфорда, если он не мог осуществить реальных прав, связанных с этой должностью? В своей гордой мечте создать монолитное государство от Северного моря до Савойи герцог Филипп натолкнулся на клин, вбитый Жанной в самое сердце его будущей державы. Этот клин представлялось необходимым исторгнуть, не останавливаясь ни перед чем.

Из числа городов-крепостей, вызывавших у Филиппа наибольшие опасения, главными были Суассон и Компьень.

Вскоре оказалось, правда, что с Суассоном дело обойдется. Капитан

этого города, человек двуличный и жадный, охотно вступил в переговоры с агентами герцога Бургундского. Было ясно, что ради денег он не остановится перед изменой.

Хуже обстояло с Компьенем.

Герцог знал, что его население, присягнувшее Карлу VII, единодушно в своей ненависти к бургундцам, а капитан не рискнет пойти против воли горожан.

Между тем овладеть Компьенем было особенно важно. Этот сильный город господствовал над главными дорогами Северной Франции, и до тех пор, пока он сохранялся в руках арманьяков, антибургундский клин оставался непоколебимым.

Английские регенты были готовы оказать Бургундцу всемерную поддержку. Крепости на Эне и Уазе беспокоили их не меньше, чем его: пока существовала эта угроза, кардинал Винчестерский не мог доставить малолетнего Генриха VI в Париж.

В то время как бургундцы и англичане строили планы и ломали головы в поисках нужного решения, помощь подоспела с неожиданной стороны: от французского королевского совета.

Это было злосчастное для Франции перемирие 28 августа.

Не подлежавшие огласке статьи перемирия содержали обязательство «временно» передать герцогу Бургундскому некоторые крепости в районе Сены и Уазы, в том числе и Компьень.

Так было совершено черное предательство. Первым его объектом стал Париж, вторым – Компьень.

«Добрый герцог» мог торжествовать победу. Тайные замыслы господина архиепископа Реймского вполне отвечали его интересам. Оставалось пожинать плоды.

Однако это оказалось нелегким. Предавая Компьень, господа советники не согласовали своих действий с мнением компьенцев. А те не имели желаний стать разменной монетой в грязной игре честолюбий и алчности. В результате получился неожиданный просчет.

Граждане Компьеня обнаружили редкое мужество и упорство. Их уговаривали, им угрожали, но ничто не могло поколебать их решимость. Преданные, они отказались стать предателями; истинные патриоты, они были готовы умереть, но не допустить вражеской опеки.

«Добрый герцог» негодовал и требовал. Господин Реньо шел на ухищрения. По его совету граф Клермон, уполномоченный короля, предложил компьенцам ввести в город, якобы для его защиты, сильный гарнизон. После этого Клермон рассчитывал с легкостью передать город

бургундцам. Но горожане догадались о подвохе и категорически отказались от «помощи». Пробовали действовать и через их любимого капитана, Гильома Флави. Капитан в осторожной форме попытался образумить непокорных. Но когда он понял, что не будет иметь успеха, оставил эту затею. Капитан Флави был столь же хитер, сколь и мужествен. Ставленник архиепископа и временщика, он готов был выполнить любое предписание двора, но не за счет подрыва своей популярности и авторитета.

Тогда Клермон, отчаявшись в «мирных» средствах, решил умыть руки. Он отправил герцогу Бургундскому депешу, смысл которой сводился к нехитрой идее: «Приди и возьми». Компьенцы были предоставлены самим себе. Официальные уполномоченные французского короля становились в позу сторонних наблюдателей.

Этого только и ждал хищный Бургундец. Теперь ничто не удерживало его от прямых военных действий. Быстро известив англичан, он начал готовить войска к осаде Компьеня.

Так на грани 1429 и 1430 годов Компьень должен был стать для Франции вторым Орлеаном. Крепость на Уазе заняла место крепости на Луаре. Конечно, судьба Компьеня не могла решить исхода войны. Однако она в какой-то мере определяла будущее как англо-, так и франко-бургундских отношений. А это будущее, в свою очередь, могло ускорить или замедлить окончательную развязку. Говоря иными словами, на долю Компьеня выпал жребий ослабить или усилить плачевные для Франции последствия предательских махинаций, проведенных в августе – сентябре 1429 года и имевших своим главным следствием катастрофу под Парижем. Подобное положение было вполне ясно и для сторонников, и для врагов окончательной победы. Могла ли не понимать его Дева? Могла ли она при этих условиях оставаться бездеятельной и равнодушной?!

Наступала новая весна. Солнце светило ярче, продолжительнее становились дни. Во время частых переездов Жанна, отделившись от остальных, без усталости скакала по лугам, жадно вдыхая пьянящий весенний воздух. Всегда разговорчивая и общительная, в эти дни она замкнулась, ушла в себя. Соглядатаи, которые каждый вечер должны были делать доклады де Гокуру, только разводили руками.

Картины ранней весны невольно вызвали воспоминания. Что было год назад в это же время?

...Башня Кудрэ. Это – март.

Запомнилась поездка с королем и герцогом Алансонским, который подарил ей красивого коня. Потом чистилище...

Потом Тур, Блуа и Орлеан... Это – апрель.

И сейчас на пороге апрель. И то же томление испытывает душа. Тот же страстный порыв увлекает вперед, навстречу опасности, туда, где тяжелее всего, где она больше всего необходима.

Все точно так же.

И не так.

Теперь она в подробностях знает то, о чем раньше только догадывалась. Они ненавидят ее. Они ее преследуют. Они стараются непроходимой стеной отделить ее от народа. От народа, который дает ей силу и мужество, неустранимость и удачу в сражениях. Они устраняют всех, кто искренне ей верит и кому верит она. Где ее храбрые лотарингцы?.. А седовласый Ла Гир?.. А брат Паскерель?.. А герцог Алансонский?.. Господа следят за каждым ее шагом, стерегут каждый помысел. Их сговор она поняла уже тогда, под Орлеаном; но тогда они только мешали, а теперь не успокоятся, пока не погубят.

С ней поступили так же, как с Компьенем.

Ее место только в Компьене!

...Жанна покинула двор солнечным весенним утром. Она хитро обманула соглядатаев, ничего не доложила совету и не простилась с королем. Ей удалось увлечь за собой несколько сотен солдат. Из капитанов за ней пошли старые знакомцы – Амбруаз Лоре и Потон Сентрайль. В последнюю минуту присоединилась рота итальянских стрелков, возглавляемая капитаном Баретта.

Маленький отряд двигался в направлении на север.

Весть о том, что Дева вернулась на поле брани, быстро облетала города и села. Добровольные гонцы не жалели подметок, славные новости передавались из уст в уста.

Вот она в Мелене... Вот в Ланьи... Победа!..

Небольшое войско Жанны разгромило у Ланьи лихую банду англичан, много недель опустошавшую окрестные районы. Победительница захватила в плен главаря шайки, жестокого злодея Франке из Арраса, и передала его в руки правосудия.

Простые люди Иль-де-Франса и Шампани ликовали.

Дева не обманула их, она снова с ними!

Города предлагали ей помощь и поддержку. Со всех сторон стекались толпы добровольцев, и вскоре маленький отряд Жанны превратился в двухтысячную армию.

Враги всполошились.

Кардинал Винчестерский, успокоенный письмом Бургундца, уверявшего, что падение Компьеня вопрос дней, приступил было к осуществлению своих замыслов. 23 апреля в Кале высадились большая английская армия во главе с Генрихом VI, которого прелат намеревался доставить в Париж. Тщетно! Новое выступление Жанны ставило преграду этим планам. Путь на Париж был закрыт. Компьень готовился к длительной обороне, в восточной Нормандии вновь оживилась партизанская война, Бедфорд не гарантировал безопасный проезд юному монарху. Да и солдаты не обнаруживали желания встретиться с «арманьякской ведьмой». Взбешенный Винчестер издал указ «против тех, кто боится волшебства Девы». Однако ни попытки воззвать к самолюбию воинов, ни угроза тюрьмы не производили должного впечатления. Необстрелянные новички, наслушавшиеся о «чудесах» Орлеана и Патэ и знавшие, что никто из их старших товарищей не вернулся домой, трепетали при каждой новой вести с востока.

Генрих VI прочно застрял в Кале.

Единственно, что мог предпринять кардинал, – послать подкрепление Филиппу Доброму. Это он и сделал. Герцог нуждался в больших силах. Теперь уже все понимали, что дело под Компьенем не разрешится в несколько дней. Речь могла идти лишь о правильной осаде.

14 мая Жанна вступила в Компьень.

Первым знакомым лицом, которое она увидела в городе, была благообразная физиономия монсеньора архиепископа Реймского.

...Архиепископ прибыл в Компьень на семь дней раньше Жанны. Ожидая ее, он не тратил времени даром...

Компьенцы встретили Деву как спасительницу. Ей отвели лучшую в городе квартиру, в честь ее отслужили благодарственный молебен. Но Жанна не задержалась в городе. Она спешила проверить положение дел на дальних подступах к Компьеню и установить связь с соседними гарнизонами. В течение десяти дней девушка во главе небольшого войска носилась по долинам Уазы и Эны.

Ее ждало разочарование.

Главным союзником, который мог помешать окружению Компьеня, был Суассон. Но Суассон отказался впустить в свои стены французскую армию. Капитан города Гишар Бурнель давно уже вел тайные переговоры с герцогом Филиппом и теперь открыто перешел на сторону врага. Это был серьезный удар. Одновременно англичане и бургундцы взяли ряд

укрепленных мест, расположенных к северо-востоку от Компьеня, и быстро двигались на юг. Круг замыкался.

Видя, что помешать обложению города она не в силах, Жанна изменила свои намерения. Утром 23 мая буквально под носом осаждавших летучий отряд Девы вновь прорвался в Компьень.

На этот раз архиепископ Реймский не вышел ей навстречу. Монсеньор Реньо, сделав свое дело, успел покинуть пределы опасной зоны.

Капитан Флави объяснил Жанне обстановку, сложившуюся во время ее отступления.

Враг занимал противоположный, северный берег Уазы, имея военные силы в четырех основных пунктах.

Герцог Бургундский держал штаб-квартиру в Кудуне на Аронде, в одном лье от Компьеня.

Жан де Люксембург, главный капитан герцога, стоял к северо-востоку, в Клеруа, на слиянии Аронды с Уазой.

На западе, у Венетта, расположились лагерем англичане.

В непосредственной близости от Компьеня, невдалеке от предместных укреплений правого берега, у Марньи находился особый бургундский корпус, возглавляемый капитаном Нуалем.

Жанна сразу разглядела слабое место врага. Нужно было, не дожидаясь, пока герцог и англичане переменяют позиции, нанести удар по корпусу у Марньи. В случае успеха – а в успехе, учитывая малочисленность отряда Нуаля, почти не было сомнений – следовало, развивая удар, бить по бургундцам, находившимся в Клеруа. Если бы и эта операция прошла удачно, англичане оказались бы в мешке между городом, рекой и зашедшей с их тыла армией победителей.

План был рассчитан на внезапность нападения. Главный залог успеха заключался в том, чтобы не дать возможности союзникам опомниться и скоординировать свои действия.

Капитан Флави одобрил замысел Девы. Жанна хотела приступить к действиям немедленно. Капитан, мотивируя необходимостью подготовить людей, попросил несколько часов отсрочки.

Вылазка была назначена на пять часов пополудни.

Это произошло во время дневной службы в приходской церкви Сен-Жак.

Несколько десятков молящихся склонились перед алтарем. Жанна стояла в глубине церкви, прислонясь к колонне. Она едва внимала монотонному голосу священника. Внезапно девушку охватила страшная, безысходная тоска. Болезненно сжалось сердце. Черная пелена повисла перед глазами...

Такие приступы у Жанны случались и раньше. Но сейчас она почувствовала себя особенно плохо. Что это было? Боязнь поражения? Неверие в успех и в свои силы? Подобные помыслы были чужды бесстрашной. Не это ее тревожило. Но что же? Она не могла бы с уверенностью ответить. Быть может, виною всему был злой и холодный

взгляд капитана Флави, чем-то удивительно напомнивший лживые глаза монсеньора архиепископа...

...Служба окончилась. Прихожане, заметившие свою избранницу, столпились вокруг нее. Необычное состояние девушки передалось другим. Все молчали. И тогда Жанна, отдаваясь бессознательному порыву, громко произнесла то, в чем до сих пор не хотела признаваться даже себе:

– Мои дорогие друзья... Я должна с уверенностью сказать вам, что меня предали и продали. Я знаю людей, которые сделали это. Я не смогу больше служить моей родине, ибо вскоре буду отдана в руки смерти...

В следующий момент Жанна пожалела о своем поступке. Зачем было говорить об этом? Для чего потревожила она души бедных людей, которым и своего горя хватало? Кто может облегчить ее жребий?

Нет! Надо гнать прочь гнетущие мысли. Сейчас не время раскисать. Нужно сделать все, что в ее силах. И прежде всего необходимо удачно провести намеченную операцию.

Вылазка началась, как и было задумано, ровно в пять часов.

Впереди на сером в яблоках коне скакала Жанна. На ней были белые доспехи и развевавшаяся по ветру белая шелковая накидка. Деву сопровождали ее брат Пьер, д'Олон, итальянец Баретта и капитан Гильом Флави. Всего в вылазке участвовало до шестисот человек.

Сначала все шло хорошо. Миновав большой подъемный мост, лавина французских воинов устремилась к Марньи. Завязалась схватка, и враг начал отступать. Но вдруг капитан Флави отдал короткий приказ своим людям и повернул обратно к городу.

Что произошло? Напрягая зрение, Дева разглядела справа большое облако пыли. Это могли быть только бургундцы из Клеруа. Почему вдруг они снялись с лагеря? Кто предупредил их? Во всяком случае, теперь о прежнем плане нечего было и думать. Следовало тотчас же, не помышляя об ином, возвращаться в город. В случае недостаточно быстрого отступления французское войско само рисковало попасть в мешок, который готовило противнику.

На какое-то время Дева растерялась. Молнией вспыхнул вопрос: почему Флави ничего не сказал ей? Теперь его отряд уже на мосту, почти в крепости!

Враги приближались. Медлить было нельзя ни секунды. В рядах французов началась паника, и воины, только что храбро рубившие бургундцев, теперь в беспорядке бежали, подставляя спины мечам и стрелам.

Жанна поняла, в чем состоит ее задача: предотвратить разгром, превратить паническое бегство в планомерный отход с боем. Понимали это и ее ближайшие соратники. Они бились как черти и вскоре приостановили стремительный натиск нападавших. Жанна с надеждой обернулась к крепости. Слава Богу! Основная масса французов успела достигнуть моста. Потери будут невелики.

И вдруг девушка увидела такое, что кровь остановилась в ее жилах...

Запыхавшийся Флави, сопровождаемый несколькими рыцарями, поднялся на стену. Отсюда поле боя раскрывалось как на ладони. Гильом Флави прекрасно видел, что произошло. Зорким глазом следил он за маленькой белой фигуркой. Она, как обычно, готова зарваться. Но кто-то, видимо д'Олон, не дает ей этого сделать. Оруженосец схватил под уздцы коня Девы и тащит его за собой. Вот они, отбиваясь от бургундцев, медленно отходят к мосту. Вот она обернулась. Пора!..

Губы капитана дрогнули. Наклонившись к одному из своих подчиненных, он что-то сказал. Рыцарь недоуменно моргнул и отшатнулся. Тогда Флави прямо по стене подбежал к башне главных ворот и громко отдал приказ дежурной страже. В следующую секунду ржаво заскрипели цепи. Мост начал подниматься...

Это была страшная картина. Воины, успевшие вскочить на мост, посыпались как горох. Другие, не добежавшие вовремя, под напором задних рядов прыгали в волны Уазы, где их ждала гибель.

Но капитан не видел всего этого. Его взгляд попрежнему был прикован к белой фигурке.

О, теперь ей не уйти! Ее окружили. Она отбивается, смешно крутит над головой своим бесполезным мечом. Вот кто-то изловчился и схватил ее за накидку... Молодец!.. Он тащит ее с лошади... Ага!.. Все кончено!..

Гильом Флави глубоко вздохнул и, не глядя на приближенных, быстро спустился со стены. Хотя он сумел мастерски выполнить порученное, на душе у него было скверно.

Когда король узнал, что Дева захвачена бургундцами, ему стало не по себе. Нечто похожее на угрызение совести шевельнулось в монаршей груди.

– Может, следовало бы начать переговоры о выкупе? – робко спросил он шамбеллана.

О выкупе?

Жирное лицо сира де Тремуиля выражало крайнюю степень

изумления. Его рот сначала открылся, а затем скривился в ехидной улыбке.

– Что, государь, никак вы разбогатели? Уж не получили ли вы новых поместий? Может быть, в таком случае стоило бы отдать процентишки по долгу?

Король поперхнулся и замолчал. Он хотел было сказать еще кое-что. Он хотел заметить, что у французов есть знатные пленники и можно было бы попытаться организовать размен, не тратя денег. Но ему вдруг стало все глубоко безразлично. В конце концов, что ему до Девы? Она давно уже стала ему неприятной. Она делала все посвоему. Пусть теперь расплачивается за свое упрямство. Если он начнет волноваться о каждом из своих крестьян, у него не хватит здоровья.

Монсеньор Реньо, внимательно следивший за королем и точно читавший нехитрые мысли, ласково взял его под руку:

– Не беспокойтесь, ваше величество. Жанна погибла лишь потому, что не хотела подчиняться опытным людям. В этом перст Божий. Вашей вины здесь нет. К тому же я подыскал ей хорошую замену: к нам пришел молодой крестьянин из Жеводана, явивший чудесные знамения. Я уверен, что этот пастух быстро вытеснит из умов ваших подданных память о строптивой пастушке.

Монсеньор Реньо говорил о Жанне как о мертвой. Но она была жива. Ее душа была полна любви и отваги. Она верила в победу и не сомневалась в своих силах. Ей еще предстояло совершить свой последний подвиг.

Глава 5

БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА

Полгода прошло, прежде чем определилась судьба бургундской пленницы. Шесть долгих месяцев перебрасывали ее из замка в замок, из темницы в темницу, оставляя неясным: будет ли она освобождена, удержана в качестве заложницы, передана инквизиции или продана англичанам.

В течение этого срока Жанна находилась в центре острых противоречий. Она стала яблоком раздора и точкой притяжения для всех темных сил, желавших зла ее родине и бедствий ее народу.

И только те, кого она во имя любви к милой Франции спасла от гибели и утвердила у власти, остались равнодушными.

Впрочем, равнодушными ли?.. Воистину это была «большая политика»!..

Стрелок, захвативший Жанну, передал ее своему начальнику, батару Вандонну. Вандонн, в свою очередь, уступил девушку Жану Люксембургскому, капитану, возглавлявшему армию. Жан де Люксембург был непосредственным вассалом герцога Филиппа Доброго. Герцог согласно феодальному обычаю мог затребовать пленницу и взять ее под свою охрану. Он не сделал этого. Он предпочел оставить Жанну во власти подчиненного, с тем чтобы выиграть время и, имея руки развязанными, как следует оценить обстановку.

Однако любопытство «доброе герцога» было возбуждено. Желая взглянуть на Деву, он поспешил в Марньи тотчас же, как узнал о случившемся.

Мрачный серый зал с низкими сводами и обшарканным каменным полом. Слева от узкой двери – камин, покрытый растрескавшимися барельефами. У камина – грубый стол и складной табурет. Резкий контраст с тоскливой однотонностью комнаты составляют люди. Люди одеты в яркий бархат и шелк. Они оживлены, громко говорят, смеются. Они ждут интересного зрелища. Кто устроился на столе, кто прислонился к камину или сидит прямо на каменных плитах пола. Это наглые и чванливые прихлебатели одного из самых блестящих дворов Европы.

А вот и их властитель.

Он стоит особняком от других. Его левая рука царственно согнута в локте, правая опирается на массивную трость. Он, как обычно, позирует. Его костюм подчеркнуто прост и изыскан. Широкая цепь ордена Золотого руна красиво поблескивает на алой ткани длинной бархатной мантии. С белой пушистой шляпы спадает вуаль. Его лицо напоминает античный портрет стареющего Цезаря: те же резкие и глубокие морщины у узких губ, тот же прямой нос, подпирающий складки тяжелого лба, такие же запавшие глаза. И так же отсутствует всякая растительность на голове и лице: ее вырвала дурная болезнь, подхваченная невзначай на ложе Венериных усад... Впрочем, Филипп Бургундский не поддается недугам. Он строен и молод, как десять лет назад. Он и сейчас может кутить всю ночь напролет, а утром скакать на лихом коне или метко стрелять в цель из лука.

Его называли «добрым герцогом». Он был особенно «добр» по отношению к женщинам: говорили, что в каждой бургундской деревне растут его дети. Он имел многих наложниц и пережил двух законных жен. Совсем недавно закончился блестящий свадебный обряд, своей пышностью и богатством потрясший всех соседей: его светлость вступил в третий брак, взяв себе в супруги принцессу из далекой Португалии, связанную родственными узами с английским Ланкастерским домом. Его «доброта» проявлялась в чувствительности. Сентиментальный актер, он щедро лил слезы. И не менее щедро – кровь.

Его считали совершенным рыцарем и образцовым католиком. И правда, он покровительствовал старинному рыцарству, в обрядах которого тщетно искал исчезающую верность своих вассалов. Отдавая дань клерикальному ханжеству, он носился с идеей крестового похода и даже метил в святые. Но от неба он был далек. Хищный стяжатель, ценивший больше всего на свете роскошь и мирские блага, лукавый дипломат, морочивший головы союзнику и врагу, он ставил конечной целью своих домогательств королевский, а то и императорский венец, который должен был прикрыть его завоевания и спаять воедино разрозненные куски его непрочного государства.

Судьба герцога странным образом переплеталась с судьбой Девы. Впервые он услышал о Деве под Орлеаном. Тогда приход Жанны вырвал из рук Бургундца «пуп Франции» и едва не рассорил его с англичанами. Второй раз Филипп Добрый столкнулся с «арманьякской ведьмой» во время реймского похода, который чуть не стал для него катастрофой. Правда, благодаря неожиданной помощи монсеньора Реньо он обратил эту катастрофу в удачу. Но тут Дева в третий раз напомнила о себе под Компьенем. И кто знает, что было бы, не окажись во французском лагере

тайных друзей герцога!

И вот она в его власти.

Железо гулко стучит о камень. На пороге появляется рыцарь, затем – другой. Поклонившись герцогу, они толкают вперед девушку. Руки девушки связаны за спиной. Ее темные короткие волосы всклокочены. Из-под разорванного полукафтання видны помятые доспехи.

Мгновенно водворяется тишина.

Герцог пристально смотрит на пленницу.

Так вот она, пресловутая Дева! Дева? Девчонка! Ребенок, одетый в латы! Дурацкий маскарад! И это она и течение стольких месяцев устрашала старых рубак и опытных полководцев? Право, какая-то чепуха!

Герцог не знает, негодовать ему или смеяться.

Его губы невольно складываются в улыбку.

Раздается дружный хохот. Кто-то выплескивает сальную шутку, кто-то строит рожу...

Герцог делает знак, и вновь становится тихо.

Говорили, что она красива. Он этого не находит. Он не видит в ней женской прелести. Она чумаза, вся в подтеках и ссадинах. Это какой-то полумальчишка, взъерошенный, как воробей! Она просто жалка!

Но тут он встречает ее взгляд.

Он удивлен.

Он чувствует, как по телу вдруг пробегает неприятная дрожь.

Что за взгляд! Он проникает в самые глубины души!

Герцог теряется. Он испытывает желание отвернуться или уйти. Ну нет! Шалишь!.. Он заставит опустить эти глаза!

Вначале он говорит тихо. Потом громче. Потом начинает кричать. Он грязно ругается. Он произносит такие слова, что даже привыкшие ко всему царедворцы краснеют...

Горбатый карлик с бубенцами на колпаке толкает локтем сеньора в темной накидке:

– Сир Монстреле, внимательно вслушивайтесь в то, что изволит говорить его рыцарственная светлость! Вам, как придворному историографу, предстоит поведать об этом потомству!

Монстреле брезгливо отворачивается от шута. Нет, ему лучше забыть, что он услышал. И всем лучше забыть...

...На губах у герцога пена. Он дошел до предела. Он близок к припадку.

Испытывая ярость отчаяния, герцог крепко сжимает трость. Сейчас он

поднимет ее и ударит по этим проклятым глазам.

Но вдруг ярость ослабевает. Что-то оборвалось внутри. Где-то глубоко щемит и ноет. Хочется исчезнуть, сделаться невидимым. Нет, не ему выйти победителем из этого поединка!..

Опустив голову, он тихо обращается к придворным:

– Идемте, господа.

События развивались быстро. Уже через день после пленения Жанны на нее, как заподозренную в ереси, заявил притязание главный инквизитор из Руана. Почти одновременно с аналогичным требованием к герцогу обратился Парижский университет. Наконец, в эти же дни о своих правах на «еретичку» торжественно заявил и Пьер Кошон, епископ Бове, утверждавший, что Жанна схвачена в пределах его диоцеза.^[14]

Герцог Бургундский размышлял.

Казалось вполне вероятным, что все эти требования исходили из одних уст. Владельца этих уст угадать было нетрудно: им мог оказаться только всемогущий кардинал. А если так, то спешить некуда. «Добрый герцог» знал, насколько Винчестер нуждается в Деве. Здесь надо было торговаться, пока не удалось бы вырвать максимум. Кроме того, Бургундец не хотел решать вопрос о Деве, пока не разрешится судьба Компьеня. Жанна явилась драгоценным залогом, с помощью которого можно было влиять на волю упрямых горожан; пока город оставался непокоренным, с таким залогом нельзя было расставаться.

Вследствие всего этого первые запросы были оставлены без ответов.

Считая, что за спинами французских церковников стоит глава английского правительства, Филипп Добрый не совсем ошибался. Однако этим не исчерпывалась суть дела. Истина была сложнее. Каждая из претендующих сторон имела свои мотивы.

Инквизиция давно уже с тайной боязнью присматривалась к тому, что творилось во Франции. Оснований для этого было более чем достаточно.

Шел беспокойный XV век.

Трое пап на соблазн верующим проклинали и предавали анафеме друг друга. Повсюду распространялись плевелы новых антикатолических идей. После английских лоллардов поднялись чешские гуситы. Магистр Ян Гус выступил с отрицанием церковных таинств и авторитета Рима. Магистру аплодировали не только в Праге... С превеликими трудностями, объединив силы духовных и светских властей, католическому миру удалось отразить первые удары. Констанцкий собор осудил Гуса и провозгласил единого

папу. Но этим дело не кончилось. Мятежная Чехия стала очагом революционной заразы. Ученики сожженного магистра широко распространяли свои идеи. Германия... Польша... Венгрия... Русь... До далекого Пиренейского полуострова доходили гуситские памфлеты. Они угрожали собственности попов и монахов.

Они ставили под сомнение весь существующий строй. Католическая церковь – жадный зверь, тайными средствами похитивший народное достояние! Вся земля принадлежит бедным! Следует переделить не только церковные, но и светские земли! Вот к чему вели крайние выводы, которые народ делал из учения гуситов.

Когда во Франции вдруг объявилась «святая» Дева, церковные власти не смогли скрыть своей тревоги. Тревога оказалась не напрасной: на допросе в Пуатье Жанна во всеуслышание заявила, что она познает Божью волю, минуя церковь!..

«В книгах Господа нашего написано больше, чем в ваших писаниях!»

Недаром, услышав эти слова, так смутились почтенные отцы: откровение Божие против догматов церкви – да ведь это основной тезис еретиков! Если каждый верующий начнет сноситься непосредственно с Богом, католическая церковь окажется лишней и будет обречена на гибель! Разумеется, сама Дева не доходила до подобных выводов. Ей были чужды церковные споры.^[15] Она думала не о богословских тонкостях, а о своей великой миссии. Однако выводы напрашивались сами собой.

В тот момент французские богословы, проверявшие Жанну, прикинулись слепыми и глухими.

Но инквизиция не была ни слепой, ни глухой.

Шаг за шагом следила она за поступками девушки. Первоначальные подозрения подтверждались. Девчонка пренебрегала опекой духовенства! Она заявляла, что действует от лица Бога! Она стала идолом, которому поклонялись как Богу!..

Нет ничего удивительного, что при первой возможности инквизиция заявила о своих правах на «еретичку».

Богословы Парижского университета казались вполне солидарными с отцом-инквизитором. Однако у них были свои счета с Девой, и они не собирались уступать кому бы то ни было расправу над ней.

В течение многих лет университетская братия жила и жирела благодаря щедротам англо-бургундской партии. Доктора и магистры получали хорошее жалованье, имели многочисленные бенефиции и пребенды. И какого страху нагнало на них появление Жанны под Парижем!..

Забуть это было невозможно. В душах теологов возникла лютая ненависть к той, которая заставила их трепетать. Покусившаяся на их благополучие должна была погибнуть только по их приговору.

Не менее земными мотивами руководствовался и епископ Кошон. Этим летом он оказался вынужденным покинуть сначала Реймс, а затем и Бове. Он потерял свою епархию только потому, что его прихожане стали на сторону арманьякской Девы. Его, епископа, выгнали, как жалкого проходимца, лишив имущества и дохода. Можно ли было с этим примириться? Пьер Кошон отнюдь не жил по заповедям Христа и, когда его били по правой щеке, не подставлял левую. Какова же была его радость, когда он узнал, что Жанна схвачена на границе его диоцеза! Для него не было сомнений, что он, и только он вправе судить свою разорительницу, благо она оказалась и еретичкой.

Впрочем, к этим соображениям присоединились и другие, не менее веские, и вскоре Кошон стал одной из центральных фигур «большой политики».

В то время, когда кардинал Винчестерский еще находился в Лондоне, он обратил особое внимание на одного из членов своей свиты.

Это был человек лет шестидесяти, крепкий и подвижный. Француз, он хорошо говорил по-английски. Прелат, он не отказывался от светских поручений. Кардинал своим тонким нюхом учуял некоторые особые свойства этого придворного, всегда столь обходительного и угодливого. Наведя справки, он понял, что не ошибся и имеет дело с лицом, вполне подходящим для главной роли в задуманной мистерии.

Пьер Кошон был деловым человеком. Ради успеха и денег он был готов пожертвовать всем, в том числе совестью и честью, если таковые когда-либо у него имелись.

Сын виноградаря из Шампани, учившийся на горькие гроши, он с ранней юности познал искусство лицемерия и обмана. Расчетливый и холодный, он уверенно делал карьеру, пресмыкаясь перед сильными и давя слабым. В тридцать два года он стал ректором Парижского университета, в сорок – владел добрым десятком доходных должностей и бенефициев, в сорок девять – получил митру епископа.

Богатства его были сколочены в смутные годы первых десятилетий XV века. Примкнув к бургундской группировке, он успешно подвизался в Париже, возглавив «судебную» комиссию, расправлявшуюся с арманьяками. По его «приговорам» под топор палача легли сотни людей, значительная часть имущества которых сделалась достоянием самого

господина судьи.

В дальнейшем Кошон продолжал оставаться верным слугой врагов своей родины. Он участвовал в редактировании предательского договора в Труа, он неоднократно выступал от лица бургундского герцога в роковых для Франции переговорах лета и осени 1429 года.

В ходе этих переговоров Кошон постоянно встречался с архиепископом Реймским. Монсеньор Реньо в качестве духовного администратора был его непосредственным начальником: диоцез Бове входил в состав Реймской церковной провинции. Несмотря на то что они представляли враждующие стороны, оба дипломата – люди, родственные по духу, – вскоре сблизились и нашли общий язык. Это намного облегчило и одному и другому их хитрую и нечистую игру.

Потеря Бове бросила Кошона в объятия Винчестера. Последний ободрил его и поддержал его рвение. Епископ вошел в английский королевский совет и получил большую пенсию. Всемогущий кардинал намекнул, что утраченный диоцез может быть компенсирован Руанской провинцией... Конечно, столь щедрый подарок нужно было заработать. Но «работа» не пугала Кошона. Он знал, чего от него могут потребовать. Не менее хорошо знал он, что желание его господина совпадает с его собственным желанием.

Время шло. Страсти разгорались. Инквизитор и университет снова и снова зывали к тюремщикам Жанны. В весьма энергичных выражениях «святые отцы» требовали, чтобы герцог Бургундский и его вассал исполнили свой долг и выдали наконец обвиняемую.

Чего они ждут? Разве они не понимают, что с таким делом тянуть нельзя? Разве они не хотят поддержать свою репутацию добрых католиков?

Но подобные аргументы, видимо, не трогали Бургундца. Требования попрежнему оставались без ответов.

Тогда Винчестер открыто взял дело в свои руки. Прежде всего он постарался примирить конкурентов.

Чудаки! О чем они спорят? Кто будет судить колдунью? Да ведь это не так уж и важно. Главное, чтобы было кого судить и чтобы виновная была осуждена. Обо всем остальном они смогут легко договориться.

На Деву претендует инквизиция? Хорошо!

Ее хочет получить университет? Прекрасно!

На нее имеет права епископ Кошон? Тем лучше!

Но не следует забывать и того, кто содержит и обеспечивает их всех, – его величество короля Англии и Франции. Без короля, то есть, проще

говоря, без Винчестера, все они ничего не добьются. И герцог Бургундский и его вассал не зря играют в молчанку. Даром свою добычу они не уступят. Дева прежде всего военнопленная. Значит, как таковую ее и следует выкупать. Выкупить может только английское правительство: духовные власти подобной компетенцией не обладают. Против денег «добрый герцог», разумеется, не устоит. Когда же пленница окажется в руках англичан, ее можно будет передать духовным властям.

Судить ее должен специальный церковный суд.

В его состав войдет представитель инквизиции.

Членами суда будут крупнейшие богословы, профессора университета.

А председателем следует назначить епископа Кошона.

При подобном раскладе все, включая и герцога Бургундского, будут по справедливости удовлетворены, а обвиняемая предстанет перед образцовым судом.

Что можно было возразить против этого?

Недавние соперники быстро пришли к соглашению.

Морщинистый старик в черной сутане легко спрыгнул с коня. Стражник провел его в резиденцию герцога. Филипп Добрый встретил епископа со всеми знаками внешнего почета, принял от него благословение и указал на место возле себя.

Два политика изучающе смотрели друг на друга.

Каждый не мог удержаться от улыбки.

Они были старыми партнерами. Кошон стал епископом по милости Бургундца, а Бургундец много лет пользовался им как своим доверенным агентом. Как они изучили за это время один другого! Им не надо много говорить и притворяться. Все было ясно без слов. Герцог знал, зачем приехал прелат, а прелат догадывался, что ему ответит герцог.

Тем не менее церемония торга шла по всем правилам искусства, не спеша, с соблюдением полного и обоюдного достоинства.

Кошон пустился в долгие витийствования по поводу веры и благочестия. Он делал реверансы в сторону герцога, восхищался его заботами о церкви, его богобоязненностью и святостью. Вот и в вопросе с этой колдуньей его светлость, конечно, правильно понимает свой долг и, без сомнения, исполнит его.

Герцог не торопился с ответом. Он заговорил о тяжелых временах, о страшном бремени расходов, которые он непрерывно несет в пользу английского союзника... Что же касается Девы, то здесь он бессилен. Разве епископ не знает, что она военная добыча сира де Люксембурга?

Да, епископ прекрасно знает это. Что ж, все это предусмотрено. Правительство его величества не постоит перед расходами. Оно решило оценить рвение своих союзников и уплатить за пленницу шесть тысяч...

Герцог молчит. Его лицо непроницаемо. Епископ, также помолчав, продолжает.

Шесть тысяч ливров – это огромные деньги. Целое состояние! И за кого же? За девку-мужичку! Пусть задумается над этим его светлость. Если бы не особые виды английского правительства, никто никогда не предложил бы подобной суммы...

Герцог улыбается. Да, конечно, деньги есть деньги. Ему, герцогу, известны «особые виды» высококочтимого кардинала. При создавшихся обстоятельствах эта девчонка приобретает особый вес. Она стоит не меньше принца крови...

Кошон парирует. Теперь он открывает свой последний козырь. Но этот козырь должен обязательно взять.

Правительство его величества согласно пойти на очень большую жертву. Ему поручено в качестве крайней суммы назвать десять тысяч ливров. Десять тысяч!.. Это более, чем цена принца крови. Это цена короля! Для того чтобы собрать такую сумму, его величеству придется снять последнюю одежонку с нормандских мужиков...

Герцог и бровью не ведет. Судьба нормандских мужиков его, видимо, не беспокоит. Но Кошон слишком хорошо знает его светлость. По едва уловимым признакам, по легкому дрожанию руки, по тому, что партнер молчит дольше обычного, епископ чувствует: клюнуло! Он продолжает как ни в чем не бывало.

Десять тысяч – бешеные деньги. Бешеная удача для тех, кто деньги получит. Но это предел. Ни ливра больше. Если герцог будет упорствовать, его величество предпочтет скорее отказаться от своих планов, нежели продолжать эти переговоры.

Герцог встает. Визит окончен. Предложение, конечно, заманчивое, но он повторяет, что здесь от него мало что зависит. Он не единственный хозяин крестьянки. Пусть епископ переговорит с сиром Люксембургом.

И уже прощаясь, вдруг добавляет:

– Передайте его высокопреосвященству, чтобы он подумал о деньгах. Разумеется, может ничего и не выйти, но деньги нужно иметь всегда наготове. Собрать десять тысяч в разоренной стране – дело далеко не простое.

Жанна проснулась поздно. И долго не могла понять, где она находится

и что с нею. Комната была просторной и светлой. Солнечный луч чуть дрожал на стене. Чистое постельное белье приятно ласкало тело. Руки были свободны.

Руки!..

Мгновенно вернулась память. Жанна подняла руки и опять увидела так хорошо знакомые шрамы, глубокие борозды, выдавленные веревкой. Теперь шрамы из красных стали черными, они больше не болят. Как давно это было! Кажется, прошла вечность...

...После нескольких дней пребывания в Марньи девушка была переведена в замок Болье, принадлежавший сиру Люксембургу. Однако владелец Жанны продолжал беспокоиться за свою пленницу: Болье находился невдалеке от района военных действий и был слабо укреплен.

Приходилось опасаться не только врагов, но и союзников: англичанам ничего не стоило тайно похитить девушку. Один раз Жанна чуть не ушла из замка. Ей удалось покинуть свое жилище и пробраться через внутренний двор. В последний момент ее заметил и вернул привратник. Все это заставило сира Люксембурга подыскивать более безопасное убежище. В конце концов он остановился на своей постоянной резиденции – замке Бореуар, куда и перевел Жанну в начале августа.

Бореуар, расположенный на границе Пикардии и Камбрези, в глубине бургундских земель, был надежной твердыней. За высокими и прочными стенами находился мощный донжон – прямоугольная каменная башня в несколько этажей. Здесь жила семья сира Люксембурга – его жена, Жанна Бетюнская, и престарелая тетка, тоже Жанна. Здесь квартировала многочисленная челядь. В качестве тюрьмы для Девы была отведена комната в самом верхнем этаже донжона.

Впрочем, режим содержания Жанны в Бореуаре едва ли можно было назвать тюремным. Впервые за долгие дни неволи девушка почувствовала относительную свободу и человеческое обращение. Впервые неясный проблеск надежды вспыхнул в ее сознании.

Женщины Бореуара отнеслись к пленнице с известным вниманием. Обе сеньоры ненавидели англичан и были тайными сторонницами арманьякской партии. Они хорошо знали о подвигах Девы. Они искренне желали ей удачи. Жанна Бетюнская набросилась на своего супруга: он должен немедленно вступить в переговоры с французской стороной! Пленницу требуют попы и англичане. Но ведь она француженка, она спасительница престола Валуа! Арманьяки имеют на нее гораздо больше прав, чем инквизиторы и чужеземцы! Сир Люксембург, как рыцарь и дворянин, не может пройти мимо этого. Он должен немедленно установить

контакт с французскими властями, а старая госпожа де Люксембург, бывшая в родстве с Карлом VII, готова стать посредницей.

...Переговоры успехом не увенчались. Правда, французское правительство кое-что предприняло. Были выкуплены некоторые воины, попавшие в плен вместе с Жанной, в том числе ее брат Пьер и д'Олон. Но о Деве царедворцы Карла VII даже слышать не пожелали. Вместо этого архиепископ Реймский отправил на север Франции письмо, в котором извещал «добрых граждан» о том, что Дева, совершившая ряд тяжких проступков и отказавшаяся повиноваться более опытным людям, отвратила от себя Господа Бога.

В Бореуаре бывало много народу. Здесь останавливались проезжие купцы и герольды, а иногда неделями жили друзья радушных хозяев.

Жанна искала встреч с гостями, жадно ловя всякую новость с воли. Частым собеседником девушки был молодой рыцарь, сир Эймон де Маси, входивший в свиту хозяина замка.

Сир Эймон имел владения в окрестностях Бореуара. Увидев Жанну впервые, рыцарь был приятно удивлен: вместо «кровожадной ведьмы» перед ним оказалась красивая приветливая девушка с ясными глазами и нежным голосом.

Де Маси разговорился с Жанной, охотно отвечая на все ее вопросы.

А потом они стали встречаться почти ежедневно.

Девушка испытывала новый прилив энергии. Она уловила сочувствие и понимание, ей казалось, что она может рассчитывать на помощь. В сире Эймоне она уже видела чуть ли не своего сообщника и спасителя...

Иллюзия оказалась недолгой. Юный повеса, уверенный в беззащитности красивой пленницы, быстро обнаружил цель своих визитов...

Он встретил столь сокрушительный отпор, что был обескуражен и сбит с толку. Что за гордячка! Право, какая-то сумасшедшая! В подобном положении разыгрывать из себя недотрогу да еще оскорблять действием его, благородного рыцаря!..

После этого сир Эймон де Маси в Бореуаре больше не появлялся.

Надежды Жанны угасали. Она чувствовала, к чему все шло. Однажды, в то время как она завтракала, в комнату ввалился полный человек в духовном облачении. Незнакомец долго и упорно разглядывал девушку. У него было морщинистое лицо и неприятный холодный взгляд. Когда он ушел, Жанне объяснили, что это епископ Бове, приехавший для каких-то

переговоров к хозяину Бореуара.

Последнее время общая атмосфера в замке изменилась. Девушка замечала, что с ней не так откровенны, как прежде. Жанна Бетюнская смотрела на нее с грустью и, казалось, стала ее избегать. Как будто все ждали неотвратимо надвигавшихся ужасных событий...

Дева решила. Она часто и подолгу сидела у открытого окна своей комнаты. Несколько дней назад она обнаружила, что на одном участке двора рабочие, видимо для починки, наполовину разобрали стену. Если бы только удалось проникнуть во двор!..

Поздно ночью, когда замок спал, Жанна поручила себя Богу и... выпрыгнула из окна...

...Полумертвую, ее подобрали утром на каменных плитах двора.

Женщины старательно выхаживали незадачливую беглянку. Несколько дней она никого не узнавала и отказывалась от пищи. А потом стала повторять одну и ту же фразу:

– Лучше умереть, чем попасть в руки к англичанам...

Кардинал Винчестерский терял терпение. Июль, август, сентябрь... Сколько же можно ждать? У него все уже давно рассчитано и согласовано. Он хотел, чтобы процесс Девы и коронация Генриха VI быстро следовали друг за другом: двойной удар подобной силы должен был иметь особенный эффект. Теперь все было готово к осуществлению второго из этих актов. Юный король наконец покинул Кале и благополучно добрался до Руана. Через Руан по безопасной дороге кардинал думал переправить его в Париж. Однако проклятый Бургундец тормозил все дело. Он все еще отказывался продать колдунью. Точнее, он не говорил ни «да» ни «нет» и, видимо, чего-то ждал. Чего?.. С превеликим трудом, мобилизуя весь штат своих комиссаров и заплечных дел мастеров, кардинал выбил подать из непокорных нормандцев. Денежки – десять тысяч ливров – лежали и ждали. Но герцог не брал денег. Он намекал на политические гарантии и территориальные уступки. Кардинал согласился и на это. Однако Филипп продолжал свою странную игру.

Тогда Винчестер решил действовать иначе. Хватит просьб и расшаркиваний! Он проучит бургундского медведя и даст ему почувствовать свою силу!..

По приказанию кардинала английские порты закрылись для нидерландских судов. Английским купцам было запрещено продавать шерстяное сырье во Фландрию и покупать голландские полотна. Это должно было подорвать производство страны и, следовательно, нанести

существенный урон материальным интересам герцога.

Но Винчестер напрасно старался. Дева и так была уже в его руках. С конца октября герцог почувствовал, что удерживать пленницу больше не имеет смысла.

В конечном итоге участь Жанны решил Компьень. Город-герой, полгода отбивавший атаки страшного врага, полгода сопротивлявшийся тяжелой осаде, выстоял наперекор всему и своей стойкостью нанес последний удар той, с именем которой связал свою победу.

Франция была спасена, а Дева погибла.

Действительно, то обстоятельство, что он не смог взять ключевой крепости севера, заставило «доброе герцога» призадуматься. Тщетно англичане приманивали его земельными подачками и громкими титулами. Он начинал понимать, что Франция ему не по плечу. Именно с этого момента Филипп Бургундский все дальше стал отходить от своего непрочного союзника и искать мира с Карлом VII.

Вместе с тем освобождение Компьеня делало ненужным дальнейшее удержание Жанны в руках Бургундца. И он выбросил ее, как последнюю подачку, союзнику, с которым собирался порвать, подачку, за которую получил все, что смог получить. Разумеется, делая этот шаг, он знал, что французский король не будет на него в претензии.

26 октября с Компьеня была снята осада. В тот же день герцог затребовал Деву у своего вассала. Все понимали, что это значит...

Жанна Бетюнская, подавив гордость, рухнула на колени перед Люксембургом. Она умоляла его не делать бесчестного поступка. Напрасный труд! Если бы даже ее супруг и пожелал, он был не в силах спасти девушку. Всесильный сеньор, не терпевший возражений, мог с легкостью разорить его и уничтожить.

Переданная герцогу Бургундскому, Жанна в начале ноября под надежной охраной была доставлена в Аррас – северную резиденцию Филиппа Доброго. Отсюда ее перевезли в замок Кротуа, лежавший в устье Соммы, на самом берегу моря. Здесь офицер герцога отдал девушку в руки уполномоченных английского правительства.

Все было кончено.

Дальнейший путь Жанна совершала в оковах, сопровождаемая целым войском англичан. Ее жизнь была в постоянной опасности: некоторые из английских капитанов предлагали, не дожидаясь суда, зашить колдунью в мешок и утопить в ближайшей речке. Правительственные комиссары, отвечавшие головой за свою подопечную, с трудом предотвратили расправу.

В холодный декабрьский день мрачная процессия вступила в столицу Нормандии. Девушка была поражена тишиной и запустением, царившими в городе. Ни единого человека. Только виселицы и позорные столбы...

И крик отчаяния вырвался из ее страдающей груди:

– О Руан, Руан! Неужели тебе суждено стать моим последним пристанищем!..

Так завершилось это томительное полугодие. Сильные мира торжествовали. Были удовлетворены и честолюбие, и алчность, и высшие интересы «большой политики». Гордый чужеземец и жадный церковник получили возможность свести счеты с той, которая во имя родины дерзнула нарушить их планы.

Но где же была родина?

Почему «милая Франция» молчала, пока терзали ее спасительницу?

Неужели народ-победитель, народ, восставший от векового сна, был равнодушен к разбудившей его?

Так на первый взгляд могло показаться. Франция точно оцепенела. Люди были потрясены самим фактом пленения Жанны. Они ждали чуда. Они молились за нее. Разве Господь мог допустить падение своей избранницы?..

Двор попытался использовать религиозные чувства народа. Архиепископ Реймский и сам лично, и через легионы своих явных и тайных агентов внушал всем и каждому, что Бог отвернулся от Девы.

Тщетно! Оцепенение было недолгим. В последние месяцы 1430 года, в те дни, когда Компьень показал пример беззаветного героизма, по всей стране начала подниматься новая могучая волна.

Повсюду собирались народные отряды. Вопреки воле правительства единомышленники и соратники Жанны надеялись ее спасти или отомстить за нее. Два старых капитана, наиболее близких к орлеанской героине, приняли участие в этом деле. Седовласый Ла Гир орудовал в Нормандии. Мужественный Потон Сентрайль планировал наступление с юга.

Враги предвидели это. Они не были застигнуты врасплох. Винчестер привел из Англии новые тысячи «крестоносцев». Нормандия превратилась в военный лагерь. Начиналась полоса диких репрессий. Никогда еще в ходе этой войны годоны так не свирепствовали. Оккупационные власти издали специальные декреты против «разбойников и бродяг». Сотни людей пошли на виселицу или под топор палача. Огнем и железом ответил завоеватель на все попытки спасения Девы.

Как раз в это время и начался «образцовый процесс».

Глава 6

«ОБРАЗЦОВЫЙ ПРОЦЕСС»

Внешне все выглядело так.

Епископ Кошон возбуждал перед королем Генрихом VI процесс о колдовстве. Король по ходатайству епископа передавал обвиняемую духовным судьям, но с оговоркой: если последние не «вразумят» ее, она должна быть возвращена англичанам. Практически это означало: если попы не возведут Жанну на костер, она все равно будет убита годонами. По суду или без суда ее ждала неизбежная гибель.

Впрочем, Кошон не собирался выпускать добычу из своих цепких рук. В ожидании, что его сделают руанским архиепископом, он готов был превзойти себя, лишь бы заслужить милостивое одобрение хозяев.

Он постарался организовать «образцовый процесс».

В состав суда вошли кардинал и два будущих кардинала, несколько епископов, десяток аббатов, тридцать два доктора и семнадцать бакалавров богословия, семь докторов права и множество других лиц, ученых и неученых.

Из их числа судьями в строгом смысле слова были лишь двое: сам Кошон и инквизитор Нормандии Жак Леметр, получивший специальную санкцию великого инквизитора Франции. Обвинителем Кошон поставил своего ближайшего подчиненного, бежавшего вместе с ним из Бове каноника Жана Эстиве но прозвищу «Бенедисите»,^[16] обязанности следователя возложил на руанского священника Жана де Лафонтена. Все остальные духовные особы: доктора, магистры и лиценциаты, епископы, аббаты и кюре – должны были выступать на процессе в качестве ассессоров или ассистентов; они участвовали в допросах и совещаниях, наблюдали за ходом судопроизводства и давали свои рекомендации судьям.

Живейшее участие в работе трибунала принял Парижский университет, выделивший для этого шестерых профессоров богословия, в числе которых оказались такие авторитетные теологи, как Жан Бопер, Никола Миди и Тома де Курсель.

Всего в той или иной степени участвовали в «образцовом процессе» до трехсот человек.

Из этих трехсот по крайней мере двести девяносто были французами. Их рвение оплачивали англичане за счет средств, собранных с французских

крестьян.

Епископ Кошон не сомневался в надежности членов суда. Все они имели достаточный опыт. Все понимали задачу и старались выполнить ее наилучшим образом.

Епископа смущало другое.

Два обстоятельства затрудняли открытие процесса, затрудняли настолько, что он был фактически начат лишь спустя три месяца после выдачи обвиняемой.

Первое из этих обстоятельств касалось места суда. Университет настаивал, чтобы дело слушалось в Париже. Винчестер и Бендфорд отклонили требование столичных богословов. Париж не казался им достаточно безопасным. С их точки зрения наиболее подходил Руан, лежавший в сердце английской Нормандии и набитый до отказа английскими солдатами. Но епископ Боне не мог быть главным судьей в чужой провинции. По церковным законам он имел право возбудить процесс и руководить им только в пределах своего диоцеза, находившегося в то время в руках арманьяков. Правда, должность руанского архиепископа была вакантной, и Винчестер сулил ее Кошону. Однако руанский капитул держался независимо и не желал утверждать чужого кандидата. Дело кончилось тем, что епископу была временно уступлена территория Руанской епархии.

Второе затруднение представлялось еще более серьезным. Обвинение не располагало существенным материалом. Конечно, того, что знали руанские судьи, вполне хватало, чтобы отправить Жанну на костер. «Святые отцы» сожгли множество «ведьм» и «еретиков», руководствуясь куда меньшими «уликами». Но в данном случае дело обстояло иначе. Ведь это был «образцовый процесс»! Для того чтобы повлиять на умы верующих и добиться впечатления, которого ждал Винчестер, были необходимы факты, реальные факты. А ихто как раз в деле и не наблюдалось. Предварительные сведения были настолько смутными и противоречивыми, что судьи долгое время не знали, обвинять ли им подсудимую в колдовстве или в ереси.^[17]

Чтобы устранить это затруднение, Кошон использовал разные средства. Прежде всего он разослал своих людей по тем местам, где жила и действовала Жанна, – от Домреми и Вокулёра до Тура и Блуа.

Однако материалы, собранные агентами, не только не удовлетворили Кошона, но привели его в уныние: никто из опрошенных не дал компрометирующих Жанну показаний, напротив, все свидетельствовали в

ее пользу. Епископ прогнал нерасторопных чиновников, не оплатив даже их дорожных расходов, а данные предварительного следствия почти полностью уничтожил; с величайшим трудом из них выцедили лишь такие «веские факты», как игры девушки возле «дерева фей», ее неповиновение родителям или историю с «волшебным» мечом из Фьербуа.

Сознавая, что всего этого слишком мало, епископ пустил в ход более надежный способ дознания. Его подручный, каноник Никола Луазелер, согласился взять на себя гнусную роль шпиона. Проникнув в камеру Жанны и выдав себя за ее соотечественника, этот «отец» вкрался в доверие к девушке и, надавав ей тьму «советов», выпытал у нее ряд сведений, в то время как секретари Кошона, сидя в соседней комнате, записывали подслушанные разговоры.

Все это с грехом пополам дало возможность составить некоторые «статьи и мемуары», которые после долгих дебатов члены суда сочли достаточными для того, чтобы дать ход делу. Впрочем, «святым отцам» не приходилось себя особенно утруждать: инквизиционный процесс исходил из презумпции виновности подсудимой. Не судьям нужно было доказывать ее вину, а ей надлежало доказать свою невиновность.

Наконец во второй половине февраля было решено начать допросы.

К этому времени Жанна вполне познала ужас и горечь своего положения. Болье и Бореуар вспоминались как счастливый сон...

Девушку побоялись держать в городской тюрьме. Англичане слишком ценили свою добычу, чтобы рисковать ею. Нужно было найти такую темницу и такого тюремщика, которые исключили бы всякую надежду на избавление.

Среди укреплений Руана самым неприступным считался Буврейский замок, построенный в XIII веке королем Филиппом II Августом. В одну из башен этого замка и заключили Жанну. Комендант Буврея, суровый и жестокий граф Варвик, поклялся беречь свою пленницу пуще зеницы ока.

Первое время девушку держали в железной клетке. Клетка была устроена так, что Жанна могла в ней только стоять. Чтобы усилить мучения несчастной, ее приковали за шею, руки и ноги к прутьям одной из стенок.

Сколько простояла она так? Жанна не смогла бы ответить на этот вопрос. В ее затуманенном сознании все смешалось, исчез счет времени и не существовало ничего, кроме тупой боли и страшной усталости.

Когда ее наконец выпустили из клетки, положение мало улучшилось. Ее камера, находившаяся в среднем этаже башни, была настоящим каменным мешком, почти лишенным света. Девушка осталась скованной по рукам и ногам. Ее талия была стянута металлическим поясом с

приделанной к нему цепью. Цепь имела пять-шесть шагов длины, и второй ее конец с помощью замка прикреплялся к толстому деревянному брусу. Но теперь узница, по крайней мере, могла сидеть и лежать на жесткой кровати.

О эти страшные дни, эти кошмарные ночи!.. Спать ей почти не давали. Пятеро грубых солдат, имевших специальные инструкции, неотлучно дежурили при ней. Каждую ночь они будили девушку по несколько раз, громко крича ей в самые уши:

– Поднимайся, ведьма! Костер ждет тебя! Или:

– Вставай, ты свободна!

Все эти приемы были рассчитаны на то, чтобы обессилить заключенную, лишить ее воли и хорошо «подготовить» к допросу.

Однажды в камеру ввалилась пестрая смеющаяся толпа. То были знатные господа. Девушка сразу узнала одного из них: к ней подходил ее прежний хозяин, сир Жан де Люксембург. Он сказал:

– Жанна, я пришел с доброй вестью. Я готов выкупить тебя, если ты пообещаешь никогда не поднимать против нас оружия.

Девушка с сомнением посмотрела на говорившего и на его соседей. Конечно, они издеваются над ней! Она ответила:

– Я прекрасно вижу, что вы обманываете меня. У вас нет ни возможности, ни желания сделать то, что вы предлагаете. Я знаю, что англичане хотят меня убить, надеясь после моей смерти захватить все королевство. Но даже если бы их было в сто раз больше, чем теперь, – голос Жанны стал удивительно твердым, – то и тогда бы они не смогли завоевать Францию!

Смех прекратился. Все лица вытянулись. Сэр Хемфри Стаффорд, английский коннетабль, не отличавшийся выдержкой, схватился за меч, желая тут же заколоть дерзкую девчонку. Он бы и сделал это, не помешай ему граф Варвик. Комендант Руанского замка разделял злобу Стаффорда, но не хотел расплачиваться своей карьерой за чужие поступки.

В среду, 21 февраля, Жанна впервые шла на допрос.

Девушка не знала, что стала жертвой вопиющего беззакония даже в рамках весьма далекого от законности инквизиционного процесса.

Согласно каноническому праву, если подсудимый был моложе двадцати пяти лет, ему полагалось дать защитника (куратора) из числа лиц ученых, но не связанных непосредственно со святой службой. Куратор должен был исповедовать подсудимого и представлять его интересы на суде. Несоблюдение указанного правила, гласила одна из статей, делало

судопроизводство незаконным и подлежащим аннуляции. Однако блестящие знатоки канонического права, корифеи «образцового процесса», почему-то забыли об этом положении, и не нашлось никого, кто бы напомнил им о нем.

Зато на первых порах допросы решили проводить публично; делалось это, правда, не в интересах подсудимой, а с «воспитательной» целью: публика должна была своими глазами увидеть «ведьму» и устраситься изобличением ее...

21 февраля в церкви Буврея собрались сорок два члена суда, свидетели, солдаты, администраторы и горожане. Епископ Кошон занял председательское кресло. Рядом сел обвинитель Жан Эстиве. Вокруг расположились ассистенты.

Перед началом заседания пристав передал настоятельную просьбу подсудимой. Жанна добивалась, чтобы в состав суда наряду с проанглийским духовенством вошло равное количество представителей арманьякской группировки. Епископ со смехом отверг это требование.

Сорок два попа. Молодые и старые, толстые и тонкие, белые и черные, [18] но все одинаково отдохнувшие, сытые и полные сил.

Против них – маленькая девушка, почти девочка, в поношенной мужской одежде, измученная долгой неволей, обессиленная тяжелыми цепями, затравленная жестокими тюремщиками.

Они умудрены своей «наукой» и многолетней практикой; к их услугам опытные эксперты, прославленные законоведы, красноречивые проповедники. Они опираются на копья многотысячной армии и имеют в своем распоряжении богатую казну.

У нее нет ничего, кроме дыр на старом камзоле и кровоточащих шрамов от оков. Она не умеет читать и не знает тонкостей богословия. Ее никто не ободрит, никто не протянет ей руку и не даст доброго совета. Хуже того: советчиками будут шпионы, лютые враги, желающие ей смерти.

Они уверены, что при любых обстоятельствах им обеспечена победа.

Она догадывается, что при любом исходе ее ждет гибель. И тем не менее она сильнее их.

Она сильна правотой своего дела. Ее не могут сломить ни железная клетка, ни голод, ни издевательства. Она знает, что здесь, на суде, предстоит завершить то, что было сделано там, на воле.

«Для этого я рождена», – заявит она судьям.

И если там она не пожалела своей крови, то здесь не станет ценой отступничества судорожно вымаливать жизнь.

Правда, дешево взять эту жизнь попам не удастся. Их триумф будет отравлен. Их победа окажется пирровой победой.

– Обвиняемая, твое имя и возраст?

– В деревне меня называли Жаннеттой, во Франции – Жанной... Мне почти девятнадцать лет...

Епископ Кошон окинул девушку строгим взглядом:

– Прежде всего поклянись на Евангелии, что будешь отвечать только правду.

– Я не знаю, о чем вы пожелаете меня спросить. Об отце, матери, о самой себе и своих делах я охотно расскажу. Но есть вещи, которые касаются только Бога и моего короля. О них я буду молчать даже под угрозой смерти.

Поднялся шум. Доктора и заседатели возмутились: девчонка осмеливается ставить свои условия!.. Мало того что она явилась сюда в мужском костюме, она начинает с открытого неповиновения!

Действительно, это был первый вызов Жанны, обращенный к суду: она не признала компетентности «святых отцов» во всем, что касалось ее взаимоотношений с Богом и королем, то есть ее миссии. И она добилась своего. После бесполезных уговоров и угроз Кошон, не желавший прерывать заседания, согласился принять ее формулировку присяги.

Вслед за тем девушка бросила второй вызов.

Епископ под страхом отлучения от церкви запретил ей всякие попытки к бегству. Это наставление было излишним: из темницы Буврея спастись было невозможно. Но Жанна вместо изъявления покорности ответила так, что судьи разинули рты:

– Если бы мне и удалось скрыться, ни один человек не мог бы меня упрекнуть в том, что я нарушила слово, ибо я никому ничего не обещала.

В свою очередь, она обратилась к епископу с жалобой на тяжесть оков. Кошон ей заметил, что она уже дважды чуть не ушла от Люксембурга; этим якобы и объяснялись принятые меры предосторожности.

– Я не отрицаю, – сказала Жанна, – что хочу бежать. Подобное желание позволительно любому узнику.

Слова девушки утонули в страшном шуме. «Отцы» кричали и размахивали кулаками. Какая невероятная дерзость! Подумать только: обвиняемая заявляла о желании бежать от «Божьего суда», которому должна была бы безропотно подчиниться! Одно это уже было смертным грехом. А какой соблазн для маловеров!

Но процесс был образцовым, а посему приходилось терпеть.

Единственно, что сделал Кошон, – это сразу же прекратил всякую гласность заседаний. Отныне члены суда собирались по несколько человек и вели дело тайно.

Потекли бесконечные допросы. После 10 марта их стали проводить прямо в камере Жанны дважды и трижды в день. Девушка часто вспоминала Пуатье... Но если там было чистилище, то здесь – безусловный ад. Ее забрасывали тысячами вопросов, важное перемешивая со случайным, постоянно стараясь подловить на слове. Совершенно оставив в стороне политическую направленность процесса, судьи сосредоточивали все внимание на теологических и обрядовых тонкостях, рассчитывая, что здесь обвиняемая легче всего попадетсЯ.

Со второго заседания Кошон поручил ведение допроса опытному богослову, светилу Парижского университета Жану Боперу. Мэтру Боперу деятельно помогали его мудрые коллеги, и часто настолько рьяно, что подсудимая оказывалась вынужденной просить:

– Почтенные господа, пожалуйста, говорите не все сразу, а то я не могу вам отвечать!..

Теперь Жанна была уже не той, что в Пуатье. Прошедшие два года многому ее научили. Она знала, что борется не только за свою жизнь, но и за честь своей родины. Она была предельно осторожной, а ее здравый смысл помогал там, где не доставало познаний.

На одном из первых допросов мэтр Бопер задал ей хитрейшую задачу, которой думал наверняка поставить ее в тупик:

– Жанна, считаешь ли ты себя пребывающей в состоянии благодати?

Все замерли, ожидая ответ девушки. Как бы она ни ответила, она попадала в ловушку. Сказать «да» – значило проявить «гордыню», недостойную христианки, ибо никто не может точно знать, обладает ли он благодатью. Сказать «нет» – значило подтвердить, что она недостойна быть Божьей посланницей и является отверженной.

Жанна разрешила трудный вопрос с поразительной простотой и находчивостью:

– Если я вне благодати, молю Бога, чтобы Он ниспослал мне ее; если же пребываю в ней, да сохранит меня Господь в этом состоянии.

Судьи были поражены.

Не удалось ее поймать и на другом запутанном вопросе.

В то время католическую Европу раздирали «схизма». Несколько пап, избранных одновременно, боролись друг с другом. Констанцкий собор ликвидировал «троепапие», но вскоре пап вновь оказалось двое.

Жанну спросили:

– Которого из пап ты считаешь настоящим? Девушка казалась удивленной. Она была слишком далека от церковных распрей.

– А разве папа не один? Ей сказали, что нет.

– Тогда, разумеется, настоящий папа тот, который находится в Риме!

Против этого возразить было нечего... И о чем бы ее ни спрашивали, она каждый раз находила простой и точный ответ. Ее спрашивали:

– Ненавидит ли Бог англичан? Жанна отвечала:

– Любит ли Он их или ненавидит, об этом мне ничего не известно. Но я уверена, что все англичане будут изгнаны из Франции, за исключением тех, которые найдут здесь смерть.

Ее спрашивали:

– Разве не великий грех уйти из дому без разрешения отца и матери?

– К этому призывал меня долг, – отвечала Жанна. – И если бы у меня было сто отцов и сто матерей, я все равно ушла бы.

Ее спрашивали:

– Скажи, хорошо ли было вести атаку на Париж в день Рождества Богородицы?

– Соблюдать праздники Божьей Матери, без сомнения, хорошо, – ответила Жанна. – Но было бы еще лучше всегда хранить их в своей совести.

Ее спрашивали:

– Какими колдовскими приемами ты пользовалась, чтобы воодушевить воинов на битву?

И Жанна отвечала:

– Я говорила им: «Вперед!» – и первая показывала пример.

Ее спрашивали:

– Почему бедняки приходили к тебе и воздавали почести, словно святой?

И она отвечала:

– Бедняки любили меня потому, что я была добра к ним и помогала всем, чем могла.

Ее спрашивали:

– Почему во время коронации в Реймсе твоему знамени было отдано предпочтение перед знаменами других полководцев?

И гордо отвечала Жанна:

– Оно было в труде и подвиге, и ему надлежало быть в чести.

Один англичанин, присутствовавший при допросе, не смог удержаться от восклицания:

– Ей-богу, она добрая женщина! Жаль, что не англичанка!..

Епископ Кошон поздравил себя с тем, что перешел к тайным заседаниям: по крайней мере, удалось избежать серьезного соблазна для верующих.

Времени тратилось много, а улик было собрано поразительно мало. Второй месяц шел процесс, а «отцы» все еще топтались на месте.

Кардинал Винчестерский возмущался. Зря он, что ли, сорил деньгами? Подлые попы! Они морочат его, как раньше морочил Бургундец!

Кардинал поселился в Руане специально, чтобы своим хозяйским оком следить за ходом дела. Он нажимал, угрожал, не скупился на обещания.

Судьи предпринимали все возможное, чтобы ускорить течение процесса. Но что можно было поделаться с этой чертовой девкой, если она не желала лезть в расставленную сеть? Мало того, теперь вдруг начали обнаруживаться ее сторонники!

Еще в начале февраля Кошон привлек известного нормандского законоведа мэтра Жана Лойе. В этом человеке епископ рассчитывал найти серьезную опору. Каковы же были его удивление и гнев, когда мэтр Лойе дал всему судопроизводству убийственную характеристику!

По мнению нормандца, процесс никуда не годился. Следствие не располагало материалами и велось против правил. На судей и ассистентов оказывали постоянное давление. В ходе допросов была затронута честь французского короля, за которого подсудимая отвечать не могла и которого самого следовало бы привлечь к ответу. Наконец, мэтр Лойе считал, что ученые богословы не имели права ловить простую девушку на сложных теологических вопросах, в существовании которых она не могла разобраться.

С мэтром Лойе был вполне солидарен другой член суда, мэтр Никола де Гупвиль. Гупвиль утверждал, что Жанну не могут судить богословы антифранцузской партии. Она уже была на церковном обследовании в Пуатье. И если духовенство Пуатье, а сверх того и архиепископ Реймский – непосредственный начальник епископа Бове – в свое время ее испытали и оправдали, то, следовательно, больше и говорить не о чем.

Эти единичные выступления, впрочем, не принесли пользы Жанне. Мэтр Лойе, высказав свои суждения, поспешил покинуть Руан. Мэтр Гупвиль не успел уехать и был брошен в тюрьму.

Винчестер и Кошон не обнаруживали склонности щадить тех, кто мешал им расправиться с их жертвой.

Наконец-то судьи напали на верный след!

Жанну тщательно расспрашивали о ее видениях и голосах. Этот пункт допроса можно было заострить и повернуть в нужном направлении. Но Жанна была очень осторожной. Ее голоса были голосами ее сердца, ее миссии. Уже на первом заседании, давая присягу, она оговорила свое право молчать о самом сокровенном.

Однако опытные крючокторы, умело варьируя вопросы, перетасовывая их и спрашивая то внезапно, то как бы между прочим, сумели все же заставить ее рассказать кое-что...

14 марта в тюрьме ее допрашивал сам монсеньор Кошон с одним из своих ассистентов. Епископ начал издалека:

– Жанна, знаешь ли ты через откровение свыше, что тебе удастся спастись?

Девушка почувала недоброе:

– Это не относится к процессу. Неужели вы думаете, что я стану говорить против себя?

Епископ настаивал.

Жанна продолжала упорствовать:

– Я во всем полагаюсь на Господа Бога. Он сделает все, как Ему будет угодно.

Лицо епископа изобразило презрение.

– Значит, твои голоса вообще ничего не сказали тебе об этом?

Удар попал в цель. Девушку взяло за живое. Ах, эти попы думают, что ей ничего не известно! Что ее голоса не ободряют ее, не предрекают ей спасения! Так пусть же знают!

– Они сказали мне, чтобы я была бодрой и смелой. Они сказали мне, что я буду освобождена великой победой. За мои мучения они обещали мне большую награду...

Епископ переглянулся с ассистентом:

– И с тех пор, как они сказали тебе это, ты уверена, что будешь спасена и не попадешь в ад?

Вопрос был поставлен очень хитро и тонко. До сих пор разговор шел о спасении из тюрьмы. Епископ, используя запальчивость Жанны, незаметно подменил эту тему темой вечного спасения, спасения души. Согласно учению церкви, ни один человек не может знать, попадет ли его душа в рай или ад. Жанне следовало на подобный вопрос ответить так же осторожно, как раньше она ответила на вопрос о благодати. Но девушка была слишком утомлена, обессилена и раздражена. На какой-то момент она утратила ощущение опасности.

– Да, я верю в это так же твердо, как если бы уже была спасена.

Епископ снова посмотрел на ассистента. Его взор выражал торжество.

– Этими словами много сказано. Итак, ты полагаешь, что больше не можешь совершить смертного греха?

Жанна осеклась. Она поняла, что сказала лишнее.

– Об этом я ничего не знаю; я во всем полагаюсь на Бога.

Но было поздно. Слова были произнесены и записаны.

Кошон был более чем удовлетворен. Теперь он ясно видел, в каком направлении надо завершать следствие.

Перед подсудимой без обвиняков был поставлен главный вопрос, который должен был решить судьбу процесса:

– Желаешь ли ты представить все свои речи и поступки определению нашей матери, святой церкви?

Жанна интуитивно догадалась о подвохе, скрытом в этих словах. Она постаралась увернуться от прямого ответа:

– Я готова во всем положиться на суд пославшего меня Царя Небесного.

Но вопрос был повторен.

Тогда она заявила, что не видит разницы между Богом и церковью.

Ей объяснили, что это заблуждение. Католические богословы различали «церковь торжествующую» и «церковь воинствующую». Первая из них была небесной, вторая – земной. Первая включала в свой состав Бога, ангелов и святых, вторая – папу, кардиналов, епископов и прочее духовенство. Торжествующая церковь ведала спасенными душами, воинствующая – боролась за их спасение. В данном случае, говоря о матери-церкви, судья как раз и имел в виду земную церковь, представленную настоящим высоким судом.

– Ты не хочешь подчиниться церкви воинствующей?

Жанна поняла существо вопроса. В узком смысле он означал: «Ты не хочешь подчиниться данному суду?» Но именно потому, что вопрос был поставлен шире, ответить на него было непросто.

Девушка попыталась еще раз увернуться:

– Я пришла к королю Франции от Бога, Девы Марии, святых и небесной всепобеждающей церкви. Этой церкви я подчиняюсь сама и на ее суд передаю все мои дела, прошедшие и будущие.

– А церкви воинствующей?

– Я ничего больше не могу добавить к тому, что сказала. Все было ясно. Судьи и инквизиция узнали то, что хотели знать. 17 марта следствие объявили законченным.

Теперь принялся за работу обвинитель Жан Эстиве. С помощью ассистентов он произвел хирургическую операцию над протоколами допросов Жанны. Все, что в какойлибо степени говорило в пользу девушки, было исключено. Остальное распределили по рубрикам, заострили, фразам придали нужную форму, добавили то, что, по мнению Эстиве, могло усугубить вину «колдуньи»... Сначала обвинительный акт состоял из семидесяти статей. И чего здесь только не было! Нелепица на нелепице, ложь на лжи. Натяжки и подтасовки выглядели настолько грубо, что, когда документ был зачитан Жанне, она без труда разоблачила его несоответствие тому, что говорилось на допросах.

Судьи забраковали труд мэтра Эстиве. Слишком уж явно все здесь было сфальсифицировано, слишком много вылезало мелочей, в которых тонуло главное, и слишком проступала на первый план *политическая* направленность процесса. Нет, надо было сделать все тоньше и убедительнее.

Парижский теолог Никола Миди, которому поручили эту задачу, справился с ней блестяще. Семьдесят статей были сведены к двенадцати, в которых осталось лишь самое существенное с точки зрения ортодоксальной веры. Мысль о том, чтобы осудить девушку преимущественно как колдунью, была отвергнута. Главный удар обвинительный акт наносил Жанне-еретичке.

Да, она *хотела выглядеть* набожной. Но ее вера в Бога оказалась извращенной и противной католической церкви. Больше того, ее вера отрицала, ниспровергала эту церковь.

Тем, что обвиняемая отказывалась снять мужской костюм и принять одежду, соответствующую ее полу, она тяжело ранила церковь, нарушая одно из важнейших ее предписаний.

Когда обвиняемая говорила, что она убеждена в спасении своей души, она отказывалась от всякой помощи со стороны духовенства. Действительно, зачем ей месса, исповедь, причастие, к чему ей все церковные обряды и таинства, к чему ей, наконец, сама церковь, если душа ее может соединиться с Богом, минуя эту церковь?

Когда обвиняемая заявляла, что она подчинится Богу, но не воинствующей, земной церкви, она отвергала не только данный трибунал, но и всю католическую церковь, со всеми ее учреждениями, с папой, епископами и священниками.

Все это означало, что обвиняемая *впала в ересь*, отошла от заповедей католической веры и поддалась дьявольскому соблазну. Те голоса и видения, которые она считала исходящими от Бога и ангелов, в

действительности исходили от сатаны и его приспешников. Став орудием темных сил, исполняя волю «врага рода человеческого», обвиняемая вычеркнула себя из числа верных детей церкви и обрекла на уничтожение...

Обвинительный акт был послан на отзывы. Вскоре Кошон имел уже около сорока экспертных заключений, которые единодушно признали этот документ абсолютно правильным. Главный столп схоластической учености – Парижский университет – даже направил английскому королю специальное письмо, в котором просил «ускорить правосудие», ибо «промедление и оттяжка здесь очень опасны, а отменное наказание крайне необходимо для того, чтобы вернуть на путь истинного и святого учения народ, который сия женщина ввела в великий соблазн»...

«Добрые пастыри» буквально лезли из кожи вон, лишь бы угодить платившему им английскому правительству!

Но «образцовый процесс» еще далеко не был закончен. Теперь ему предстояло вступить в заключительную фазу.

Глава 7

«ТЫ ДОЛЖНА ОТРЕЧЬСЯ!..»

Обвинительный акт составили по всем правилам искусства; но было абсолютно необходимо, чтобы подсудимая *приняла* его. Хитроумный план Винчестера мог дать ощутимый результат, лишь если бы девушка *сама* признала себя еретичкой. Заявив, что ее миссия вдохновлялась дьяволом, Жанна нанесла бы французской стороне тот жестокий моральный удар, который являлся конечной целью всей затеянной процедуры.

Между тем подсудимая отнюдь не думала соглашаться с обвинениями. Следовало опасаться, что даже перед лицом смерти она будет упорствовать. В этом случае сама церемония казни, вместо того чтобы стать поучительным уроком, могла принести страшный вред англичанам: в глазах зрителей Дева осталась бы мученицей за правду.

Чтобы избежать этого, надо было направить все силы на «увещевание» подсудимой, добиться, чтобы она отреклась от своих «грехов» и этим опорочила все победы французов, а также сам факт коронации Карла VII.

Выполнению этой задачи была посвящена вторая половина процесса, начавшаяся 27 марта.

Положение Жанны ухудшалось. Тюремщики становились всё более невыносимыми. «Святые отцы», приходившие ежедневно в целях «увещевания», доводили до обмороков.

Жанна боролась с подлинным героизмом. Она продолжала упорствовать. Ее дух не был сломлен. Но в середине апреля она тяжело заболела.

...Узнав, что девушка не может подняться с постели, мэтр Жан Эстиве явился к ней в камеру. Он был крайне раздражен.

– Подлая тварь! Наверное, обожралась селедками! Обвинителю было известно, что за день до этого монсеньор Кошон по случаю христианского праздника прислал заключенной рыбу. Это была подозрительная щедрость: девушку морили голодом. Хотел ли епископ ее отравить? Он сильно устал от процесса и не видел ясных перспектив. Быть может, смерть подсудимой в тюрьме показалась ему легким и естественным выходом.

Англичане смотрели на это по-другому. Лорд Варвик, крайне обеспокоенный, затребовал двух докторов медицины:

– Ее надо вылечить во что бы то ни стало. Она слишком дорого стоила королю, чтобы умереть без приговора.

Жанну одолевала лихорадка. По временам девушка теряла сознание. Образы прошлого непрерывно посещали ее.

Она видела родителей: строгое лицо отца, печальное – матери. Мать пристально смотрела на нее и качала головой, будто сокрушаясь. Чем она озабочена? О чем скорбит? Ее дочь не изменит себе...

...Но что это шуршит вокруг? Кто так громко смеется?.. Они здесь не одни! И как она не заметила этого сразу? Здесь много людей. Они ползут и ползут из мрака. Это господа. Все они хорошо одеты и веселы. Лишь один во всем черном, и у его камзола надставленные рукава.

О, это, конечно, он, это «милый дофин»! Она узнала его! Теперь ей совсем не страшно. Она когда-то спасла его, а теперь он спасет ее!..

Она устремляется к нему, радостно смеется и протягивает руки:

– Здравствуйте, милый дофин! Да пошлет вам Бог счастливую и долгую жизнь!

Но он почему-то отворачивается. Она хочет отыскать взглядом его разноцветные глаза, посмотреть в них. Но нет, это невозможно: оказывается, у него нет глаз – одни черные ямы. В ужасе она хочет схватить его руку, но он отступает и прячется за спины придворных. И вот он совсем исчез.

Смех звучит все громче. Звериные морды скалят зубы. Как странно! Почему у этих господ звериные морды? Это страшные маски, но они хорошо знакомы: вот монсеньор Реймский архиепископ, вот сир де Тремуиль, вот «добрый герцог», а вот епископ Кошон и мэтр Эстиве... Ей нет спасенья! Они все обступают ее, хохочут и скалят свои страшные пасти. Ужас охватывает девушку.

...Жанна очнулась. У ее постели находились епископ Кошон, мэтр Эстиве и еще несколько человек.

«Святые отцы» решили использовать болезнь Жанны. 18 апреля в камере больной разыгралась настоящая мистерия.

Попы «кротко и милосердно» уговаривали девушку. К чему она упорствует? Что выиграет от этого? Она надеялась на своего короля, но король покинул ее. Она рассчитывала на великую победу, но победы не будет, вместо этого палач потащит ее на костер. Теперь она тяжело больна – это ли не знак Господа Бога? Пусть одумается. Если она согласится снять мужскую одежду и отречься от своих заблуждений, ее исповедуют и причастят. Тогда Господь помилует ее. Ее тело будет похоронено в освященной земле, а душа вкусит райское блаженство. Если же она умрет,

не раскаявшись, то ее останки выбросят на свалку, а душа прямиком отправится в огненную геенну.

Особенно витийствовал знаменитый парижский проповедник мэтр Никола Миди. Он пустил в ход все свое прославленное искусство. То повышая, то понижая голос, то поднимаясь к горным вершинам рая, то опускаясь в грозную пропасть ада, он старался внушить девушке, что ей надо сделать самую малость для того, чтобы спастись.

Казалось, он достиг цели. Жанна внимательно слушала его проповедь. Однако, когда он кончил, больная сказала слабым голосом:

– Я надеюсь, что вы похороните мое тело в освященной земле. Если же нет, то я во всем полагаюсь на Господа.

Никола Миди остолбенел. Потом закричал в ярости:

– Ну и подыхай как собака!

Из «милосердных увещаний» ничего не вышло. Тогда решили прибегнуть к последнему средству.

Во время очередного «увещевания» в камеру вошел странный человек. Он был одет в красный костюм и кожаный фартук. За ним следовал другой, несший какие-то предметы. Епископ подал знак. Тогда красный стал не спеша показывать Жанне мудреные инструменты и объяснять назначение каждого из них. Судьи наблюдали.

Что, поняла, проклятая еретичка? То-то, как побледнела! Вот когда палач пройдет по твоему непорочному телу этими шутовскими, когда тебе вырвут ногти, а в колени забьют эти колышки, тогда ты, вероятно, станешь поговорчивей!..

Палач долго объяснял.

Затем мэтр Эстиве «кратко» обратился к Жанне, советуя ей еще раз подумать... Девушка сказала:

– Делайте что хотите. Но знайте одно: если мне вывернут все члены, то и тогда я не скажу ничего другого. А в случае, если тело не вынесет мучений и с языка сорвется лишнее, я потом все равно откажусь от сказанного.

Мэтр Эстиве посмотрел на епископа. Епископ пожал плечами.

...От пытки все же решили отказаться. Жанна была очень слабой и могла не выдержать. Смерти больной англичане бы не простили. Кроме того, изуродованная девчонка не имела бы должного вида во время публичной казни. А главное, что толку было пытаться, если потом, на людях, она все равно отреклась бы от сказанного!

...Вопреки всему Жанна выздоровела. Помогли ли ей доктора,

присланные графом Варвиком, или просто взял верх молодой организм, но в начале мая она встала с постели.

Больше ожидать Винчестер не желал и не мог. Прошли все намеченные сроки. Силы французов поднимались со всех сторон. В Нормандии Ла Гир одерживал победу за победой и рвался к Руану. В Северной Франции партизаны начали новую кампанию. В Буврейском замке, в камерах, соседних с темницей Жанны, томилась сотня «разбойников», ожидавших смерти на плахе, но, как видно, проклятые французы не становились благоразумными.

Винчестер решил срочно кончать затянувшийся процесс и бросить все силы на войну в Нормандии. Только успокоив Нормандию, можно было думать о коронации Генриха VI.

Кошон уговаривал англичанина подождать еще самую малость. Самолюбие епископа было уязвлено. Он не хотел, чтобы хозяева считали его неспособным. Он все еще надеялся на Руанское архиепископство.

– Вставай, ведьма! Костер ждет тебя!

Жанна настолько привыкла к этому окрику, что не обратила внимания. Она даже не открыла глаз. Тогда последовал пинок.

– Тебе говорят, вставай!

Нет, это не обычное издевательство. По лицам стражников было видно, что они не склонны шутить.

Жанна уселась на кровати и сразу вспомнила все.

Вчера «святые отцы» особенно бесновались. Ей прочли снова двенадцать статей, утвержденных Парижским университетом. И опять – в который раз! – предложили отречься. Опять грозили костром. Она ответила решительно, чтобы раз навсегда покончить с этим:

– Когда я увижу палача и костер, даже когда буду в пламени, я не скажу ничего иного, кроме того, что уже сказала.

Монсеньор епископ заявил, что «увещевания» окончены.

Что же будет сегодня?..

Странно... С нее снимают оковы...

В дверях две фигуры в сутанах. Это господа Жан Бопер и Никола Луазелер.

Мэтр Бопер сообщил, что сейчас ее отвезут в назначенное место. Там ей будет дана последняя возможность раскаяться в своих преступлениях. А потом огласят приговор...

Мэтр Луазелер провожал ее до самой улицы, где ждала телега.

– Жанна, – шептал он, – поверь мне. Я забочусь лишь о твоём

благополучии. Прими женскую одежду и сделай, что от тебя потребуют. Тебе не желают зла. Если ты покоришься, то будешь передана в руки церкви. Ты спасешься от англичан. В противном случае ты погибнешь.

Кладбище Сент-Уэн было заполнено народом. Сегодня, 24 мая, здесь собрался чуть ли не весь Руан. Люди ждали зрелища: страшная ведьма, которой пугали детей, Жанна из Домреми, по прозванию Дева, должна была здесь покаяться в своих грехах и выслушать приговор церкви. О колдунье судачили много, но до сих пор ее никто не видел: ее процесс, объявленный сначала публичным, проходил при закрытых дверях. Кое-кто из жителей Руана знал, что Дева не ведьма и не колдунья. Говорили, что она спасла Францию, что она любит простой народ. Но такие вести передавали тихим голосом и с оглядкой: всем было памятно, как господа англичане сожгли в Париже одну добрую женщину только за то, что та хорошо отзывалась о Жанне.

Против готической церкви возвышались два эшафота. Большой из них занимали судьи. Рядом с кардиналом Винчестерским восседали епископ Кошон и инквизитор. По бокам расположились знатные прелаты, доктора и магистры, бакалавры и ассистенты.

Второй эшафот, тесно окруженный стражей, привлекал всеобщее внимание. На нем находились главные герои дня: подсудимая и человек, который должен был добиться ее раскаяния.

То был известный проповедник, доктор теологии, каноник церкви в Лангре и Бове мэтр Гийом Эрар. Его слава гремела повсюду. Его успех был настолько велик, что он едва успевал отвечать на приглашения. Вот и сейчас его с нетерпением ждали в богатой Фландрии.

Мэтр Эрар начал с того, что стал упрекать Жанну в многочисленных грехах. Она согрешила и против королевского величества, и против Бога, и против католической веры. Никогда еще Франция не видела подобного чудовища: она и ведьма, и еретичка, и схизматичка, и совратительница. Она нарушила все божеские и человеческие законы и подвела под страшный удар свою страну и своего короля. Впрочем, король-то тоже хорош...

– О благородная французская династия, – соловьем разливался Эрар, – ты, которая всегда была покровительницей христианской веры, как тебя обманули! Карл, называющий себя королем, связал свою судьбу с еретичкой и раскольницей! И не только он, все его духовенство себе на горе впало в заблуждение, ведущее к страшному злу и пагубе!..

Жанна не слушала проповеди. Она давно уже привыкла ко всем этим словам и угрозам, они приелись и опостытели. Она жадно вдыхала воздух,

смотрела в небо, прослеживая полет птиц. Она думала о том, как хорошо жить на воле, гулять по зеленой траве, нестись на коне среди полей и лесов. Неужели этого никогда уже больше не будет? Такому не хотелось верить. Она вырвется из рук годонов. В ушах все звучал шепот Луазелера: «Спасешься от англичан... будешь передана в руки церкви...»

Мэтр Эрар заметил, что подсудимая его не слушает. Он закричал:

– Я обращаюсь к тебе, Жанна! Я тебе говорю, что твой король еретик и схизматик!

Жанна вздрогнула. Этот гадкий поп, кажется, порочит ее короля. Нет, подобного она не допустит!..

Вынужденная перебить проповедника, девушка постаралась сделать это с возможной вежливостью:

– Мессир, при всем моем уважении к вам я готова поклясться жизнью, что мой король вовсе не такой, как вы утверждаете. Что же касается до моих слов и дел, то я одна за них в ответе.

Раздался одобрительный смех. Кто-то захлопал в ладоши.

– Прикажете ей замолчать! – взревел мэтр Эрар. Впечатление от проповеди было испорчено.

Жанна напряженно думала. Как, каким образом можно выиграть время? Как заставить их отложить вынесение приговора? Хоть бы какая-нибудь мельчайшая зацепка... И вдруг вспомнила. Во время процесса два монаха, пробравшиеся к ней в камеру, предложили ей апеллировать к римскому папе. Когда Кошон узнал об этом, он чуть не убил доброжелателей. В то время совет не принес пользы. Но почему бы им не воспользоваться теперь?

Жанна подняла руку:

– Я хочу что-то сказать... Я готова подчиниться святому отцу папе. Я прошу, чтобы мое дело было передано ему. Пусть он сам меня выслушает...

Прелаты были встревожены. Винчестер отрицательно покачал головой.

Все понимали, что обращение к папе – это отсрочка. А они боялись любой отсрочки в той же степени, в какой девушка ее желала.

Жанне было категорически отказано в ее просьбе.

Затем согласно установленной форме ей трижды предложили отречься.

Она отказалась.

Кошон поднялся со скамьи, достал свиток пергамента и развернул его. Это был приговор. Переглянувшись с мэтром Эرارом, епископ начал читать. Он читал медленно, отчетливо произнося каждое слово.

«...Именем сеньора нашего, Господа Бога. Все пастыри церкви, которые имеют в сердцах своих заботу о судьбе стада...»

Жанна видела, что свиток очень длинный. Вначале шли пустые, ничего не значившие слова. Но она хорошо знала, что будет в конце... Рядом с эшафотом стояла телега, на которую взобрался палач, поджидавший свою жертву...

Девушку окружили клирики. Среди них был и сочувствовавший ей пристав Масье, и человек, которому она верила, мэтр Луазелер. Все они уговаривали ее смириться. Что от нее требуют? Очень немного! Пусть она откажется от мужской одежды и подчинится церкви! После этого ее переведут в церковную тюрьму, под надзор женщин. Мэтр Эرار, внимательно наблюдавший за этой сценой, сказал:

– Сделай, как тебе советуют, и ты спасешься!

Жанна была словно в тумане. Она слышала два голоса, перебивающих друг друга. Один читал приговор. Другой говорил: «Подчинись!» Ей вдруг показалось, что все эти попы относятся к ней с сочувствием и жалостью. Даже взгляд Кошона, когда он отрывался от пергамента и останавливался на ней, казалось, упрасивал: «Бедная девочка, пожалей себя! Сделай, как тебе советуют, и ты спасешься!»

И вот два голоса слились в один. И этот один говорил ей:

– Подчинись! От тебя требуют совсем немного!

Жанна оглянулась. Внизу бушевала толпа. Англичане, занимавшие первые ряды, грозили ей кулаками. Их взгляды горели яростью и нетерпением.

А голос говорил:

– Подчинись, и ты избавишься от годонов! И она громко крикнула:

– Я желаю подчиниться церкви!

Епископ прервал чтение и облегченно вздохнул.

В толпе начиналась суматоха.

Английские солдаты и капитаны не понимали ни слова из происходившего, но им не нравилось, что с колдуньей вступили в переговоры. Многие стали догадываться, что не увидят сегодня казни. В клириков полетели камни. Мэтру Боперу едва не оборвали рясу. Послышались крики:

– Вы заплатите за это, подлые попы! Граф Варвик сокрушался:

– Дело плохо. Девчонка, кажется, избегнет своей участи.
– Не беспокойтесь, сэр, – тихо ответил ему Кошон. – Мы еще поймаем ее!

По требованию Жанны пристав Масье внятно прочитал текст, переданный мэтром Эраром. В нем не было ничего нового: подсудимой предписывалось подчиниться церкви, изменить костюм и обрить голову. Все это умещалось в шести коротких строчках.

Жанна выразила желание подписать бумагу. Среди общего шума и криков девушка не заметила, что секретарь Винчестера подсунул ей другой документ, состоявший из нескольких страниц.

Не умея писать, она поставила большой завиток. Тогда секретарь взял ее руку и начертил крест. Жанна улыбнулась.

– Смотри, – заметил один англичанин своему соседу, – ведьма насмеяется над нами.

Тотчас же епископ Кошон вынул из кармана второй заранее приготовленный свиток. В этот день все было заранее подготовлено.

То был приговор, рассчитанный на отречение еретички. Он гласил:

«...Хотя ты и тяжело согрешила по отношению к Богу и святой церкви, мы, судьи, учитывая твое добровольное покаяние, милосердно смягчаем приговор и осуждаем тебя окончательно и бесповоротно на вечное заключение, чтобы ты, оплакивая свои грехи, провела остаток дней своих в тюрьме, на воде скорби и хлебе горести...»

Воистину милосердие церкви было беспредельным...

Жанна продолжала машинально улыбаться. В этот момент ей все казалось безразличным. Она ждала только, чтобы ее отправили в церковную тюрьму, подальше от жестоких годонов.

Каковы же были ее удивление и ужас, когда она услышала громкое приказание епископа:

– Доставьте осужденную туда же, откуда ее привели! Если бы монсеньор Кошон и хотел поместить девушку в церковную тюрьму, он не мог этого сделать: по договору с Винчестером ее должны были «вернуть» англичанам.

Так закончился этот день великих обманов. Епископ Кошон с помощью своих коллег достойно исполнил доверенное ему дело.

Жанну обманули все: и могущественный кардинал, и многомудрый проповедник, и высокий судья. То, чего не удалось добиться убеждениями и силой, было сделано с помощью лжи и хитрости. Теперь, хотя Жанна и не отрекалась, можно было обнародовать ее отречение. Теперь, хотя она

считала себя спасенной, ее можно было убить.

У «милосердной матери-церкви» было в запасе простое средство, которое и имел в виду Кошон, когда старался успокоить графа Варвика.

Согласно положению «святой инквизиции» всякий «впавший в ересь» мог спасти свои тело и душу чистосердечным покаянием и отречением. Однако если бы он «снова впал» в прежний грех, его ничто не могло спасти. Такого «вторично впавшего» ждал неизбежный костер.

Обманув Жанну и снова бросив ее в темницу Буврейского замка, на издевательства грубой солдатни, Кошон не сомневался, что в скором времени девушка погубит себя. Для этого было вполне достаточно, чтобы она сказала или сделала нечто, могущее быть истолкованным как «обратное впадение» в ересь.

Епископ не ошибся: долго ждать ему не пришлось.

Глава 8

FAREWELL

В воскресенье, 27 мая, по городу разнеслась молва: «Осужденная вновь надела мужское платье...»

На следующий день, в понедельник, сам монсеньор Кошон, сопровождаемый инквизитором и эскортом из людей графа Варвика, проник в башню Жанны.

Там он пробыл довольно долго.

Граф Варвик с нетерпением ожидал епископа. Граф помнил обещание, данное ему 24 мая. Его крайне беспокоила судьба Жанны: он все еще боялся, как бы девушка не ушла от смерти. Сегодня он должен был уезжать из Руана. И вот, несмотря на то, что назначенный час отъезда давно прошел, граф все еще медлил, желая быть твердо уверенным, что епископ сдержал слово.

Наконец Кошон во главе своей свиты появился на пороге, и граф Варвик все понял по выражению его лица. Встретив взгляд графа, епископ улыбнулся и сказал всего лишь одно слово:

– Farewell. [\[19\]](#)

Это простое слово сейчас в его устах означало многое.

Оно говорило, что граф может спокойно уезжать.

Оно поясняло, что монсеньор епископ недаром получил свои сребреники, что его «честный труд» после всех опасений и проволочек завершился полной удачей.

Оно значило, что Дева погибла.

Это произошло так.

Сразу после «отречения» Жанну отвезли в ее ненавистную темницу. Цирюльник обрил ей голову, а портной доставил женское платье – подарок самой герцогини Бедфордской. Потом на девушку вновь надели оковы.

Жанна видела, что она подло обманута. Ей стало ясно, что от годонов теперь не уйти. Но, как ни странно, не это ее тревожило. Чем дальше шло время, тем чаще она себя спрашивала: правильно ли она поступила?

И голос ее чуткого сердца отвечал: «Нет, неправильно».

Голос говорил:

«Ты не отреклась? Допустим. Но ты согласилась подчиниться церкви. Ты признала правоту всех этих лжецов и негодяев. Ты смирилась перед

изменниками, поставившими целью унижить твою родину.

Значит, ты отступила.

Значит, ты замарала чистоту своей миссии.

Значит, ты повела себя как предательница».

Предательница! Какое страшное слово! Неужели она, посвятившая жизнь борьбе за освобождение своего народа, могла так кончить? Неужели страх перед костром ослабил ее волю настолько, что ей изменила ясность мысли, что она трусливо отдала врагу победу, завоеванную в жестокой многомесячной схватке?..

Нет, этого не может быть. Конечно, смерть на костре страшна. Но если она не побоялась пыток железом, она не должна была отступить и перед огнем...

Прошли сутки.

Прошли вторые.

На третье утро, очнувшись после короткого лихорадочного сна, Жанна хотела встать с постели и обнаружила исчезновение своего нового платья. Вместо него лежал истрепанный мужской костюм...

Девушка стала просить сторожей, чтобы ей дали женскую одежду.

Тюремщики только смеялись.

Жанна лежала и думала. Кто сделал это? По чьему приказу? И как ей теперь поступить? Конечно, следовало бы вызвать кого-нибудь из членов суда и рассказать о том, что произошло. Но девушке страшно не хотелось объясняться с этими обманщиками. Ей не о чем было с ними говорить. Да их бы и не позвали.

Но что же делать? Совсем не одеваться, пока кто-либо не придет? Так можно пролежать очень долго...

...И вдруг стало ясно: надо надеть этот костюм. Другого выхода нет и быть не может. Конечно, это ловушка. Но ей теперь все равно. Она не в силах больше переносить жестокую внутреннюю борьбу. Раз она знает, что поступила плохо, нужно исправить ошибку. Тот, кто желал ее погубить, облегчил ей трудную задачу.

И девушка надела мужское платье.

Войдя в камеру, епископ несколько секунд присматривался, прежде чем его глаза привыкли к окружающей темноте. Наконец он различил Жанну. Девушка сидела на краю постели.

Дав знак протоколисту, Кошон обратился к осужденной:

– Жанна, когда и почему ты надела этот костюм?

– Я надела его вчера утром, потому что мужская одежда мне больше

подходит, чем женская.

– Кто подбил тебя на это?

– Я сделала это по своей воле.

– Но ты же поклялась никогда не надевать его больше!

– Я дала свое обещание в ответ на ваше: с меня обещали снять цепи; меня обещали перевести в женскую тюрьму. Здесь же, находясь среди мужчин, я чувствую себя лучше в мужской одежде.

Все было логично. Епископ решил не вдаваться в детали, тем более что оправдать свой обман он все равно не мог, а подробности угрожали ненужными разоблачениями.

Он подошел к делу с другой стороны:

– Жанна, слышала ли ты после четверга голоса?

В четверг происходило «отречение». Поскольку «еретичка» подчинилась церкви, она должна была отказаться от своих видений и голосов. Жанна понимала это. Однако она смело ответила:

– Да, я слышала голоса.

– О чем они тебе говорили? Жанна встала с постели:

– Они сказали мне: Господь сожалеет, что я ради спасения жизни поддалась уговорам и проявила слабость. Они сказали мне, что, спасая жизнь, я изменила Богу и Бог отвернулся от меня. Они сказали мне, что тогда, на эшафоте, я должна была смело отвечать проповеднику – ведь это был обманщик, и то, в чем он меня упрекал, было ложью.

Так говорила Жанна, громко и уверенно... Епископ слушал ее, не перебивая.

Клерк, строчивший протокол, записал на полях листа: «*Responsio mortifera*», что значило: «Ответ, ведущий к смерти».

И правда, теперь не оставалось сомнений. Жанна «снова впала в ересь», а следовательно, ее могла ожидать только смерть.

Во вторник, 29 мая, судьи и ассистенты собрались в архиепископской церкви. После короткой дискуссии было принято решение:

«...Передать осужденную в руки светских властей, прося, однако, их действовать с предельной мягкостью...»

Эта лицемерная формулировка означала, что Жанна будет возведена на костер.

Некоторые члены суда считали, что девушке предварительно следовало бы снова прочесть акт отречения, дабы она лучше «осознала» всю тяжесть своего поступка.

Но епископ в страхе отверг этот проект.

Зная, что полный текст отречения не соответствует той бумажке,

которую прошлый раз читали Жанне, он боялся, как бы девушка, заметив подлог, не подняла шума.

Публичное осуждение «еретички» было назначено на следующий день. Чтобы не затягивать дела, завтра же было решено огласить и привести в исполнение новый приговор.

Было около девяти утра, когда Жанну в последний раз вывели из тюрьмы. Ее посадили на телегу и медленно повезли по тесным извилистым улицам. Телегу сопровождал конвой из восьмидесяти английских солдат.

Девушка горько плакала. Теперь, когда смерть была так близка, она вдруг почувствовала весь ужас своего положения. Она страстно хотела жить. Особенно боялась она костра. Ей казалось, что более страшной казни не существует. Уж лучше бы ей отрубили голову...

Угасли последние надежды. Сейчас ничто ее не спасет. Великой победы, на которую она так уповала, не произошло. Несколько дней назад отряд храброго Потона Сентрайля почти пробился к Руану. Но силы годонов казались неистощимыми. Храбрецов французов искрошили и рассеяли, а их полководца забрали в плен.

Итак, остается умереть, умереть страшной смертью. Перед этим еще придется вытерпеть очередную пытку: ее опять будут убеждать «заботиться о своей душе». О Боже! Только бы хватило духу все это перенести и остаться такой же твердой...

Обстановка на площади Старого Рынка напоминала прошлый четверг на кладбище Сент-Уэн. Так же много народу, так же блестят острия английских алебард и так же возвышаются деревянные помосты, на одном из которых заседают весь синклит, на другом – проповедник ждет свою жертву.

Но теперь тянется вверх и третий эшафот.

Он очень высокий. Его основание сделано из гипса, а вокруг ровными штабелями наложены дрова. Посреди эшафота – столб. На нем доска с надписью:

«Жанна, называющая себя Девой, вероотступница, ведьма, окаянная богохульница, кровопийца, прислужница сатаны, раскольница и еретичка».

На этот помост осужденную возведут в конце процедуры. А пока ее, как и в прошлый раз, помещают против проповедника.

Сегодня проповедь читает мэтр Никола Миди, доктор теологии, которому уже приходилось увещевать непокорную «еретичку». Впрочем, теперь это делают только ради формы.

Тема проповеди: «Если болен один член церкви, вся церковь больна».

Мэтр Никола Миди воодушевлен. Он говорит с жаром. Он уверяет, что единственная возможность для «больной церкви» «выздороветь» – это «отсечь зараженный член».

И он заканчивает словами:

– Иди с миром, Жанна. Церковь больше не может тебя защищать...

Девушку заставляют стать на колени. Ей советуют подумать о душе, покаяться в грехах, пока есть время.

Жанна молчит. Только слезы двумя тонкими ручейками катятся по ее впалым щекам.

Но вот снова, как в то утро, поднимается монсеньор епископ. На лице его печальная важность. Читая приговор, он как бы продолжает развивать тему проповеди:

«...Мы объявляем тебя, Жанна, вредным членом церкви и, как такового, отлучаем от нее: мы отдаем тебя в руки светской власти, прося ее, однако, смягчить свой приговор и избавить тебя от членовредительства и смерти...»

«Святая церковь» никогда не проливала крови. Но если бы бальи города Руана осмелился удовлетворить ее просьбу и «избавить от смерти» осужденную, он сам был бы мгновенно отлучен и объявлен еретиком.

Время близилось к полудню. Английских капитанов и солдат разбирало нетерпение. Чего тянут эти монахи? Или они опять, как тогда, хотят спасти ведьму? Ну нет! Если они и на этот раз попытаются творить свои козни, они сами не уйдут живыми.

Группа военных окружила эшафот, на котором находились Жанна и проповедник.

– Эй, поп! Уж не хочешь ли ты нас заставить здесь обедать?

Мэтр Никола Миди развел руками, показывая, что его функции окончены. Бальи хлопнул в ладоши. Два дюжих сержанта взобрались на помост, схватили девушку и стащили ее вниз.

Жанна была передана в руки палача.

Эшафот действительно был очень высоким. Это сделали для того, чтобы все могли видеть еретичку. Но и она видела всех и все. Ее взор постепенно поднимался над площадью Старого Рынка. Пока палач привязывал ее к столбу, неожиданно вышло солнце. В его лучах словно купались люди, деревья и кровли зданий. Теперь помост с господами прелатами и толпы англичан совершенно исчезли из поля зрения Жанны.

Она глядела вдаль и мучительно старалась что-то вспомнить...

И вдруг вспомнила.

Вспомнила одну из самых ярких картин детства, картину, которая потом много раз являлась ей наяву и во сне.

Она снова была на вершине старой башни «островной крепости» – заброшенного замка Бурлемон. Ее окутывал дивный свет, и сказочная страна грез казалась беспредельной. А она была маленькой королевой этой страны, властительницей вечной мечты о счастье...

О, как довольна она, что нашла путь сюда, вверх, из глубины смрадного подземелья! Теперь ей ничто не страшно и уже не будет страшно никогда. Она вырвалась из тьмы к свету и победила.

И точно ослепительная вспышка молнии внезапно прорезала мозг Жанны.

Да, она победила! Вот та долгожданная «великая победа», на которую она так упорно надеялась и в которую уже больше не верила!

Это победа над подлыми судьями, над ложью и клеветой, над искушениями и ужасом одиночества. Это победа над самой смертью.

И – кто знает? – быть может, этой победе, венчающей ее миссию, суждено принести не меньшие плоды, чем дали Реймс, Орлеан или Патэ.

Она думала об этом, смотря в чистое голубое небо, пока черный дым не закрыл это небо навсегда...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

БЕССМЕРТИЕ

...А теперь я пойду к простым людям, и любовь, которую я увижу в их глазах, утешит меня после той ненависти, что я видела в ваших. Вы бы рады были, чтобы меня сожгли. Но знайте: если я пройду через огонь – я войду в сердце народа и поселюсь там навеки...

Бернард Шоу

Глава 1

ПОСЛЕ РУАНСКОГО КОСТРА

Жанна умерла.

Кто мог поверить этому?

Во всяком случае, не миллионы людей, во имя которых она отдала свою жизнь, не те крестьяне и горожане, которые боготворили Деву и молились за нее.

Нет, это было невозможно.

Разве могла умереть освободительница Орлеана и десятков других городов, бесстрашная защитница справедливости, святая воительница, обладавшая чудесной силой?..

Кошон и его хозяева знали, что народ не поверит этому, как не верил в справедливость их приговора. Знали и заранее приняли меры. В минуту смерти Жанны, едва лишь девушка задохнулась от дыма костра, палач получил приказ отодвинуть пылающие поленья, дабы все удостоверилось, что обгоревшее девичье тело попрежнему пребывает на эшафоте, что «колдунья» не улетела вместе с дымом, не растаяла в воздухе, не спаслась. С подобной же целью, как только костер догорел, прах Жанны и сердце ее, не тронутое огнем, на глазах у зрителей палач швырнул в Сену.

Но этим дело не кончилось.

Физическое уничтожение Девы и осквернение ее праха явились лишь первой акцией победителей. Второй, и не менее важной, должно было стать ее моральное уничтожение, поругание памяти о ней – разве не эту задачу ставило перед собой правительство Винчестера – Бедфорда задолго до начала процесса? Весь христианский мир должен был узнать, что право, закон, честь, наконец, сам Бог – на стороне англичан, что король Карл VII своими успехами обязан исключительно силам тьмы, ныне развеянным с помощью святой матери-церкви.

Стремясь добиться этого, Винчестер, Кошон и их подручные были готовы использовать любые средства.

Спустя всего неделю после смерти Жанны, 8 июня, королевский совет Генриха VI, заседавший в Руане, отправил императору Германии, а также европейским королям и князьям манифест о «справедливом наказании лжепророчицы, сеявшей смуту в нашем Французском королевстве». Через двадцать дней аналогичное послание было направлено городам и

дворянству Франции, а столпы Парижского университета отписали самому римскому папе. Все эти реляции, представлявшие смесь благочестивых формул и гнуснейшей лжи, сопровождалась фальшивым актом отречения.

Одновременно в Руане и других городах, подвластных англичанам, католическое духовенство организовывало торжественные молебны и шествия, посвященные «разоблачению еретички»; обвиняя ее во всех смертных грехах, ей провозглашали анафему и предостерегали мирян от «заражения бесовской ересью». Тем же, кто не внимал подобным увещаниям или проявлял скепсис, приходилось немедленно скрываться, иначе их ожидала тюрьма.

Эти многообразные меры ставили целью не только обелить убийц и заклеймить героиню; они должны были подготовить общественное мнение к коронации десятилетнего Генриха VI Английского, вступавшего во владение своим вторым, Французским королевством.

Торжественный въезд Генриха VI в Париж произошел утром 16 декабря 1431 года.

Из соображений престижа английские власти решили затмить реймскую коронацию «узурпатора» Карла VII. Всем парижанам была обещана даровая выпивка и закуска. Если в Реймсе фигурировал бронзовый олень, наполненный вином, то здесь, на Понсо-Сен-Дени, соорудили целый фонтан, который вместо воды должен был бить молоком и вином.

В кортеже участвовали двадцать пять горнистов и столько же герольдов, демонстрировавших населению столицы эмблемы, ордена и различные атрибуты власти его нового повелителя. За ними следовал сам повелитель на носилках, которые сопровождали Бедфорд и Винчестер. Монарх капризно надул губы и, казалось, готов был расплакаться: ему хотелось спать. Над носилками трепетал лазоревый, усеянный золотыми лилиями балдахин, который несли четверо знатных горожан.

Обряд коронации состоялся в соборе Нотр-Дам.

Обе короны – английскую и французскую – над головой десятилетнего короля держал сам кардинал Винчестерский, чувствовавший себя на вершине блаженства: казалось, самые честолюбивые замыслы его были близки к осуществлению. Бедфорд выглядел мрачным и недовольным. Рядом проливали слезы королева-предательница Изабо; были то слезы умиления или стыда, радости или давящего позора, в точности вряд ли кто-либо отважился бы сказать.

После коронации праздничная процессия направилась к королевскому

дворцу. Улицы уже успели запрудить любопытные. Многочисленной страже едва удавалось сдерживать их напор. Всеобщее внимание привлекали ряженые, забавлявшие народ шуточными схватками и хитрыми трюками. Не меньший интерес вызывал молодой бедно одетый человек со связанными за спиной руками, шагавший в хвосте процессии.

Это был тот самый пастушок из Жеводана по имени Гильом, которого не так давно архиепископ Реймский усердно рекламировал своему монарху и который, по мысли его, должен был заменить в ратных делах французской армии Орлеанскую деву.

Пастушок оказался незадачливым; он был глуп и нерасторопен. В первом же сражении он попал в плен к англичанам. Поскольку его взяли в том же Бовеском диоцезе, епископ Кошон заявил на него претензию, решив организовать новый «процесс веры». Но Бедфорд и Винчестер не поддержали этой затеи: они порядком устали от прежнего «образцового процесса», оказавшегося слишком уж длительным и дорогостоящим. Гильома отобрали у епископа и отвезли в Руан, а затем в Париж, где теперь ему довелось участвовать в триумфе Генриха VI. Потом бедного «соперника» Жанны снова отвели в тюрьму, зашили в мешок и утопили в Сене...

А торжества продолжались.

В королевском дворце были расставлены десятки столов и юный король дал своим новым подданным пышный обед. Правда, обед удался не вполне. Приглашенных оказалось много больше, чем мест, – устроители не предусмотрели этого. Все рассестись за столами не смогли: докторов университета теснили советники парламента, на тех же, в свою очередь, нажимали богатые мастера и купцы, вследствие чего многим оставалось скорее созерцать великолепие монаршей трапезы, нежели участвовать в ней.

Но не это было самым неприятным. С толпой участников празднества во дворец проникли многочисленные любители легкой наживы, не терявшие времени даром. Вскоре выяснилось, что было украдено свыше сорока богатых шляп, срезано до сотни кошельков и поясных пряжек, украшенных драгоценными камнями.

На улице многотысячные орудия толпы разносили ларьки с даровой закуской, а у фонтана на Понсо-Сен-Дени стояла непрерывная драка; впрочем, большинству жаждущих так и не удалось отведать ни молока, ни вина: фонтан работал неисправно и быстро вышел из строя.

Обращал на себя внимание знаменательный факт: среди почетных

гостей не оказалось герцога Филиппа Доброго, хотя ему и было отправлено персональное приглашение Винчестера; коварный Бургундец, долгое время колебавшийся, перестал скрывать новую политическую ориентацию.

– Бог отвернулся от англичан, – понимающе подмигивали друг другу парижане, усердно поглощая даровую закуску.

«Бог отвернулся от англичан...»

Коронация Генриха VI, несмотря на всю помпу, не принесла им пользы – хитроумный план кардинала Винчестерского явно провалился.

Напрасно продажные души искали колдовство и ересь там, где были лишь бесстрашие и священная любовь к родине. Напрасно надеялись они смертью «чародейки» разрушить результаты ее «чар». Великий перелом, за который Жанна отдала жизнь, все равно уже наступил. Могучий патриотический порыв, сотворивший чудеса Орлеана и Патэ, не мог угаснуть. Тень Девы витала над армиями народных борцов. Руанский костер разжег еще ярче неугасимую ненависть к захватчикам и палачам. И хотя война вследствие предательских махинаций французских царедворцев продолжалась еще долго, победы годонов ушли в прошлое, и никакими искусственными мерами возобновить их не удалось.

В 1433 году при французском дворе произошло знаменательное событие: коннетабль Ришмон примирился с Карлом VII.

Уже в дни, когда Жанна ожидала костра, начал намечаться заговор, душой которого был монсеньор архиепископ Реймский. Реньо де Шартр давно подкапывался под главного ненавистника Девы, сира де Тремуйля, мечтая занять его место. Исполдволь он готовил короля к встрече с коннетаблем и коннетабля к встрече с королем; и когда встреча произошла, участь де Тремуйля была решена. Выходя с высочайшей аудиенции и встретив шамбеллана в приемной, де Ришмон нанес ему удар кинжалом; толстый слой жира спас де Тремуйля от немедленной смерти, но смерть все же настигла его, и скоро: по приказу коннетабля временщик был брошен в тюрьму и там задушен.

Но лукавый политик, монсеньор Реньо, предавший сначала Деву, а потом ее врага, ничего не выиграл от этого двойного предательства. Грубый де Ришмон, вновь утвердившись у власти, не пожелал терпеть возле себя человека, которого всегда глубоко презирал. Архиепископ Реймский прожил до 1444 года, но никогда больше не имел влияния на государственные дела и фактически влачил жалкую участь изгнанника. Ничего не выиграл и Карл VII: то, что раньше ему приходилось терпеть от

де Тремуйля, теперь, но только вдесятеро больше, он терпел от де Ришмона. Угрюмый коннетабль отличался скупостью, вероломством, свирепым нравом; самонадеянный и упрямый, он не имел таланта полководца и чаще терпел поражения, нежели одерживал победы. Тем не менее его приход повсюду был воспринят с радостью: как-никак он был главным военачальником королевства и не в пример трусливому сирю де Тремуйлю сам водил войска в атаку. И главное, он явился в момент, когда герцог Бургундский явно стал стремиться к миру с Карлом VII, а коннетабль считался сторонником этого мира.

Утверждают, что расхождения между годонами и их союзником начались с чисто личных мотивов. Герцог Бедфордский, женатый на сестре Филиппа Доброго Анне, будто бы по нелюбви извел свою молодую супругу, скончавшуюся в 1432 году двадцати семи лет от роду. Верил ли Бургундец молве? Во всяком случае, он был сильно разгневан, когда всего через несколько месяцев регент женился вторично, даже не поставив его в известность, на представительнице фамилии Люксембургов, вассалов Филиппа.

Однако в действительности причины радикального изменения политики герцога Бургундского лежали несравненно глубже и началось все гораздо раньше. Он давно стал разочаровываться в англичанах. Победы Орлеанской девы показали всю непрочность их положения во Франции и эфемерность их власти. Напротив, вопреки ожиданиям, благодаря той же Орлеанской деве Карл Валуа не только преодолел смертельный кризис, но теперь повышал свой международный престиж ото дня на день. В 1434 году он заключил союз с германским императором, весьма опасный для Бургундца. И происходило это в дни, когда внутреннее положение герцогства становилось все более напряженным, когда казна иссякала, когда города Фландрии и Брабанта во главе с Намюром и Льежем грозили восстанием!..

В январе 1435 года состоялась предварительная встреча в Невере. Она прошла в обстановке дружелюбия и показала, что вчерашние противники готовы к переговорам, и не фиктивным, как в недавние времена, а вполне действенным. Переговоры открылись в Аррасе 5 августа. На них, кроме высоких договаривающихся сторон, присутствовали представители папы и английского короля. С последними, впрочем, договориться не удалось. Несмотря на то что Карл VII был готов на уступки, англичане держались упрямо, ставя единственную цель: удержать Бургундца от непоправимого шага. Винчестер с гневом напомнил ему о клятве, которую Филипп дал

после умерщвления своего отца, – клятве святой мести убийцам-арманьякам. Все это оказалось тщетным, и английские представители в начале сентября покинули совещание. После этого Карл VII признал свою вину в смерти Жана Бургундского, а папский легат освободил Филиппа Доброго от его страшной клятвы.

21 сентября в церкви Сен-Ваас состоялся заключительный акт трагикомедии. Уполномоченный французского короля, вельможа в летах, упал на колени перед Филиппом, моля его простить Франции смерть своего отца. Бургундец поднял старика, облобызал его и заверил, что об этой смерти больше не будет сказано ни слова, а обе страны отныне да пребывают в дружбе, согласии и единстве...

В тот же день был подписан документ.

«Дружба, согласие и единство» обошлись Франции довольно дорого. Помимо того что «добрый герцог» сохранял за собой французские провинции Артуа и Пикардию, Карл VII уступил ему ряд новых областей и городов. И все же это было благо. Перспектива прояснялась: открывались возможности для новых успехов французского оружия. Столетняя война вступала в свою завершающую фазу.

Весной 1436 года французская армия овладела большинством городов, окружавших Париж. Английские суда, курсировавшие вдоль Сены, Уазы и Марны с целью подвоза продовольствия к столице, неизменно задерживались.

10 апреля французы подошли к стенам своей столицы.

13 апреля коннетабль де Ришмон вступил в Париж.

Именно в эти дни разнеслись первые вести о том, что Орлеанская дева снова вступила в строй...

Глава 2

ИМЕНЕМ ЖАННЫ

В мае 1436 года жители деревушки Гранж-оз-Орм близ Меца наслаждались созерцанием девушки в латах, с коротко подстриженными волосами, окруженной небольшой свитой из итальянских кавалеристов. На вид ей было лет двадцать пять. Она называла себя Жанной-Девой и рассказывала о том, как благодаря чуду спаслась от руанского костра.

Никто не сомневался в правдивости ее слов. Лица, ее окружавшие и встречавшиеся на дороге, верили, что перед ними Орлеанская дева. Мессир Николь Лёв, шамбеллан Карла VII, подарил ей жеребца стоимостью в тридцать франков, мэр города Меца поднес боевой меч. Ее с одинаковым почтением принимали и в богатых домах горожан, и в пастушеских хижинах. Еще бы! Ведь это была спасительница Франции, чудесная Дева, которую, как все были уверены, никакой огонь не мог сжечь!..

...Истории известны лжесмердизы, лженероны, лжедмитрии и лжепетры. Самозванцы, будь то простые авантюристы или вожди восстаний, не раз пользовались именами царей, королей, императоров и принцев. Но случай, когда объектом заимствования стало имя *простой крестьянки*, поистине уникален. Он может быть объяснен, лишь если вспомнить беспредельную любовь к Жанне со стороны народа, миллионов крестьян и горожан, тех безвестных ее помощников и приверженцев, которые сражались некогда под знаменами Девы, благословляли ее успехи, не допускали мысли о возможности ее гибели; их ведь не смогли убедить в этом ни рассказы очевидцев, ни грамоты, рассылаемые по городам, ни заявления английских глашатаев. Во Франции освобожденной и Франции, все еще стонавшей под игом завоевателей, с одинаковым нетерпением ждали новых вестей о героине, и, когда эти вести появились, им не могли внимать без доверия и восторга...

...Извещенные о «спасении» Жанны, братья поспешили ей навстречу. К этому времени старший из братьев, Жан, принявший пожалованную королем фамилию дю Лис, занимал должность бальи Вермандуа. Младший брат, Пьер дю Лис, лишь недавно был выкуплен из бургундского плена и истратил на это все свои сбережения. Приехав в Гранж-оз-Орм, братья без колебаний признали «сестру»...

21 мая самозванка вместе со свитой прибыла в Вокулёр, где должны были хорошо помнить Жанну д'Арк. Однако и здесь ни у кого не возникло

сомнений относительно новой Девы. Проведя в Вокулёре неделю, лже-Жанна отправилась в деревушку Марвиль близ Меца, где встретила со многими окрестными сеньорами и приняла доброхотные дары от населения. Затем она направилась в Арлон, к герцогине Елизавете Люксембургской, при дворе которой встретила весьма радушный прием. Характерно, что самозванка и не подумала поехать во Францию, где ее нетерпеливо ожидали, но где шла война; лже-Жанна предпочитала пожинать плоды своей популярности более безопасным способом, при дворе «мирной» государыни. Во Францию же для распространения сведений о себе она отправила братьев Жана и Пьера.

В первые дни августа Жан дю Лис прибыл в Орлеан, город, особенно любивший Деву и благоговейно хранивший память о ней. Жан сообщил орлеанцам, что его сестра спаслась от врагов, что она долгое время находилась в Италии, на службе у папы Евгения, но теперь возвратилась в Лотарингию и шлет им привет. Жители Орлеана выразили бурный восторг и щедро наградили вестника продовольствием и деньгами. Между Орлеаном и Арлоном установилась почтовая связь. Гонец из крепости на Луаре вез письма лже-Жанне, та отвечала и, между прочим, отправила письмо в Лош к французскому королю Карлу VII. При дворе Карла побывал и Жан дю Лис, доложивший монарху о всем происшедшем. Будучи одним из главных участников предательства, приведшего Жанну на костер, Карл VII, разумеется, прекрасно знал правду. Однако он выразил радость по случаю «спасения» Девы и по-царски наградил Жана дю Лиса. Впрочем, в противовес орлеанцам особенного желания встретиться лично со «спасенной» король не обнаружил.

Между тем самозванка проводила дни в придворных развлечениях. В Арлоне она встретила с юным графом Ульрихом Вюртембергским, который проявил к ней повышенный интерес и увез ее в Кёльн. Граф, как вскоре выяснилось, имел на лже-Жанну особые виды: он решил использовать ее славу в своих авантюристических целях. В это время шла борьба за вакантный престол Трирского архиепископства. Граф Ульрих, поддерживавший одного из кандидатов, добивался, чтобы лже-Жанна от имени Господа Бога провозгласила его ставленника единственно достойным сана архиепископа. Самозванка сделала так, как потребовал ее покровитель. Но Базельский собор провел на заманчивую должность другое лицо, а «Жанной» немедленно заинтересовался инквизитор, сидевший в Кёльне. Имея сведения, что она носила мужской костюм, предавалась разгульным пляскам, пила и ела больше, чем полагалось, и, главное, вмешивалась в церковную политику, отец-инквизитор заподозрил

ее в ереси и затребовал в свой трибунал. Самозванка, разумеется, сочла за лучшее не являться. Тогда инквизитор объявил ее отлученной от церкви. Граф Ульрих некоторое время скрывал лже-Жанну у себя, а затем помог ей тайно бежать из Кёльна.

И вот она снова в Арлоне. Опять праздная придворная жизнь. Но теперь интриганка не может чувствовать себя так спокойно, как прежде. Над ней тяготеет интердикт. При арлонском дворе кое-кто посматривает на нее косо. Нужно подумать об устройстве своей судьбы, найти постоянного покровителя и защитника.

Среди вассалов герцогини Люксембургской подвизался некий Робер д'Армуаз, сеньор де Тишмон. Человек знатного происхождения, владелец нескольких феодалов, он был отмечен лже-Девой как достойный ее спутник жизни. При содействии герцогини Люксембургской самозванка добилась того, что сир Робер сделал ей предложение и стал законным ее супругом. Молодые удалились на жительство в Мец; это произошло осенью 1436 года.

Около двух лет лже-Жанна жила спокойно и мирно. Она занималась хозяйством и родила двоих детей. Впрочем, сир Робер вскоре выяснил, что супружеской верностью его жена похвалиться не может: дама Армуаз, как теперь ее называли, тайно сожительствовала с местным священником. Разразился скандал. И вот, то ли спасаясь от ярости мужа, то ли желая оставить надоевшего любовника, в начале 1439 года самозванка бежит из Меца. На этот раз во Францию.

Итак, лже-Жанна вступила наконец на почву той страны, которая гордилась прежними подвигами Орлеанской девы и с нетерпением ожидала новых. Она отважилась на это более чем через три года после своего появления в Лотарингии, почти через девять лет после своего «чудесного спасения», когда исход Столетней войны был вполне предрешен. Правда, даже и теперь она не спешит на поле брани. Она устремляется туда, где ее особенно боготворят и где она рассчитывает урвать наиболее жирный кусок: путь ее лежит в Орлеан...

Жители города, некогда освобожденного Девой, попрежнему верили самозванке и ждали ее прихода. И когда летом 1439 года она наконец появилась, ее встретили точно доброго ангела. В честь ее совершались благодарственные молебствия (невзирая на анафему Кошона!), ее ублажали обильными пирами и ценными подарками. Между прочим, город преподнес ей двести десять ливров «...за добро, которое она совершила в дни осады...». Лже-Жанна награждалась за подвиги, совершенные Жанной-Девой в славные дни мая 1429 года!..

Несмотря на все это, дама Армуаз провела в Орлеане только две недели и внезапно покинула город: при всей своей бесшабашности она опасалась неожиданных встреч и разоблачений. Она поскакала в Тур и вручила бальи Турени письмо для передачи королю. Она просила об аудиенции. Но Карл VII явно избегал встречи с самозваной Девой. Как раз в это время он покинул Турень и отправился в Орлеан, зная, что «Жанна» только что выехала оттуда.

Так и не встретившись с королем, дама Армуаз направилась в Пуату. Здесь шла война с англичанами. Самозванка добилась того, что ее принял Жиль де Ре, маршал Франции, проживавший в замке Тиффаг. Хотя сеньор де Ре превосходно знал подлинную Жанну, во многих походах которой лично участвовал, он не был удивлен прибытием лже-Жанны и даже доверил ей руководство военными силами к северу от Пуату. В то время сам де Ре уже не занимался ратными делами: погруженный в черную магию, он был равнодушен ко всему остальному.

Лже-Жанна не прославилась в сражениях. Она скоро оставила район военных действий и поскакала в Компьень, где некогда действовала подлинная Жанна и где можно было теперь на этом заработать. Но сборы оказались скудными, и весной 1440 года лже-Жанна решила отправиться в Париж. Ей было известно, что простолюдины столицы ждут ее почти с тем же нетерпением, как ранее граждане Орлеана. Авантюристка была не прочь использовать эту ситуацию обычным для себя образом. Однако поездка в Париж оказалась, как вскоре стало ясно, самой большой из ее ошибок, став роковой для всего предприятия.

Одной из наиболее могущественных корпораций Парижа попрежнему оставался университет, в свое время сыгравший такую гнусную роль в деле осуждения Жанны д'Арк. Доктора и магистры Сорбонны хорошо знали всю историю руанского процесса и его исход, поскольку сами принимали в этом непосредственное участие, и вряд ли забыли внешность подлинной Жанны. После перехода Парижа в руки французов к этим господам присоединились богословы и советники парламента из Пуатье, которые «испытывали» Жанну перед началом ее миссии. Таким образом, верхушка столицы прекрасно представляла себе суть дела и не могла обмануться в личности дамы Армуаз. Но главное даже не в этом. Богословы и советники имели совершенно определенные инструкции королевского совета, которыми не могли пренебречь. Если на первых порах Карл VII поддерживал самозванку и даже переписывался с ней, думая использовать ее популярность в своих целях, то в дальнейшем его позиция стала меняться. Королевский совет убеждался, что от самозванки мало проку – одни расходы. Не могло

понравиться властям и чересчур уж пылкое отношение к «Деве» простого народа. По мере того как война приближалась к концу, придворные все больше приходили к мысли о том, что гораздо выгоднее самим использовать память о подлинной Жанне, нежели в какой-то мере зависеть от авантюристки, спекулирующей на этой памяти. Идея «реабилитации» Орлеанской девы имела своей оборотной стороной отказ от всякой поддержки девы самозваной. Так или иначе, участь лже-Жанны была решена. Опасаясь возможных эксцессов, а также того, что добыча может ускользнуть, городские власти выслали навстречу «Жанне» вооруженный конвой, который доставил ее прямо в парламент.

Для дамы Армуаз начались весьма печальные дни. Она была допрошена, признана самозванкой и выставлена у позорного столба для публичного покаяния. Она во всем призналась и, в частности, сообщила, что ее настоящее имя было не Жанна, а Клод. Так как отцам университета и советникам парламента только это и было нужно, лже-Жанну не приговорили к какому-либо более строгому наказанию. И с этого момента сведения о ней полностью иссякают. Вернулась ли она к мужу и тихо дожила свой век? Или все же, как лицо нежелательное, была тайно устранена? Во всяком случае, со времени ее разоблачения никто не проявил к ней больше никакого интереса. И характерный факт: деятельность других самозванок, обнаружившихся в период подготовки и проведения процесса реабилитации, а также после него, пресекалась властями довольно быстро; новые «Жанны» теперь казались не только бесполезными, но и прямо вредили планам двора и церкви.

Глава 3

НА ПУТИ К ПЕРЕСМОТРУ

Кто вытянул максимум возможного и из жизни, и из смерти Девы, так это ее «милый дофин», король Карл VII.

Жанна дала ему все: почет, земли, доходы, корону. Он ничего не сделал, чтобы ее спасти, но, спекулируя на ее героизме и на любви к ней народа, сумел выйти победителем из тяжелой войны и даже снискать немалую славу в глазах современников. Жалкий трус, он получил прозвище «Победоносный». Бездарный глупец, он пользовался репутацией мудрого правителя. Ему не доставало лишь ореола «справедливости». И он решил его добиться, учредив процесс реабилитации Жанны д'Арк.

Может быть, Карла VII толкнула на этот шаг бескорыстная забота о памяти своей спасительницы?

Ничуть не бывало! Просто король, наконец овладевший королевством, не желал, чтобы думали, что он получил его из рук ведьмы и еретички. Ведь он дал ей герб и дворянство, он облагородил и облагодетельствовал ее родню. Так пусть же весь мир узнает, что Карл Валуа царствует по праву и не раздает милостей недостойным людям!..

29 октября 1449 года был освобожден Руан, город, в котором томилась, боролась и умерла Жанна.

Город был взят неожиданно легко: в то время как французские войска штурмовали его снаружи, внутри восстали горожане, осадившие Буврейский замок и заставившие правителя Сомерсета искать спасения в бегстве.

10 ноября Карл VII торжественно вступил в столицу Нормандии. Предшествуемый шестью сотнями арбалетчиков в ярких, цветных одеждах и окруженный придворной знатью, король продефилировал по главным улицам, восторженно приветствуемый народом. У здания ратуши почтенный горожанин, передавая Карлу ключи от Руана, хотел произнести речь, но сбился на первых же словах: слезы мешали ему говорить.

Тогда выступил монсеньор граф Дюнуа.

– Ваше величество, – сказал он, – эти добрые люди, так долго стонавшие под игом ваших врагов, слезно умоляют вас простить их!..

И Карл простил. Он пробормотал несколько слов о том, что вполне доволен жителями Руана. Потом направился в кафедральный собор. Перед

собором, во главе многочисленного духовенства, его почтительно встретил и благословил архиепископ Руанский, монсеньор Рауль Руссель, во время процесса бывший одним из деятельных врагов подсудимой...

...Ни в этот день, ни в следующий, ни на протяжении всех оставшихся месяцев 1449 года о Жанне, спасительнице Франции, сожженной в Руане за свою родину и своего короля, не было сказано ни слова. Прошли январь и половина февраля следующего, 1450 года. Скорое окончание войны уже ни в ком не вызывало сомнений. И вот 15 февраля завеса молчания была наконец прорвана: Карл VII написал своему советнику, доктору теологии Гильому Буйе письмо, в котором, напомнив, что в Руане был проведен «некий процесс», организованный «нашими старинными врагами и противниками англичанами», предлагал заняться ревизией этого дела.

Мэтр Буйе правильно понял своего монарха. В ответном послании он писал: «Честь христианнейшего короля требует, чтобы несправедливый приговор, вынесенный епископом Бове, опозоривший французскую корону, не остался в забвении... Какой урон для власти, если враги наши и впредь будут заявлять публично, что король держал в армии женщину, осужденную за ересь и сообщество с демонами...»

Буйе не добавил, что именно от этой женщины король получил корону, но и сказанного было достаточно.

Две недели спустя начались первые допросы.

Впрочем, «допросами» деяния мэтра Буйе назвать трудно; скорее это был «опрос», причем опрос, проведенный крайне невнятно и до странности выборочно. Были приглашены дать показания один из секретарей трибунала 1431 года Маншон, пристав Масье, четверо доминиканцев, бывших ассистентами на процессе, и небезызвестный Жан Бопер.

Даже самый наивный наблюдатель мог заметить: Буйе не потревожил *главных* участников процесса.

Правда, епископ Кошон окончил дни свои в 1442 году, еще раньше умерли Луазелер, Жан Эстиве и Никола Миди. Но второй судья, равный по значимости Кошону, инквизитор Жан Леметр был жив и проповедовал в Руане; однако о его причастности к делу словно забыли, как и забыли о существовании монсеньора Рауля Русселя, одного из ярких врагов Жанны, ставшего ныне Руанским архиепископом, как и забыли о существовании множества бывших ассистентов Кошона, продолжавших здравствовать. Что же касается показаний Бопера, случайно оказавшегося в это время в Руане, то они отличались краткостью и невразумительностью, причем никто не задал почтенному проповеднику никаких уточняющих вопросов.

На этом дознания королевского советника внезапно прекратились.

Почему? Почему мэтр Буйе ограничился опросом семи человек, когда король вел речь о ревизии *всего* дела? Почему вдруг дознание было прервано?

По-видимому, роковую роль сыграло давление извне. Откуда? Да со стороны все того же Рауля Русселя, архиепископа Руанского, бывшего очень влиятельным человеком и не желавшего слишком быстрых и слишком серьезных разоблачений; он мог разъяснить и королевскому советнику, и самому Карлу VII, что начатое расследование все равно не имеет законной силы: мэтр Буйе начал *частное* расследование по делу, касающемуся *всей церкви*, а таким делом могла заниматься только *сама церковь*.

Все приостановилось почти на два года.

В конце 1451 года папа Николай V направил два посольства: одно к английскому, другое к французскому королям. Папские легаты должны были ускорить переговоры о мире между Англией и Францией. Посольство во Францию возглавлял Гильом д'Эстутвиль, француз по происхождению.

Предложение о переговорах с англичанами Карл отверг сразу: его войска гнали врага на всех направлениях, и война не сегодня-завтра должна была завершиться полным освобождением Франции; о каких же переговорах накануне этого могла идти речь? Карла VII гораздо больше волновала проблема пересмотра осуждения Жанны д'Арк. Д'Эстутвиль отнесся к заботе короля с пониманием и сочувствием; он согласился взять на себя продолжение дела, брошенного мэтром Буйе.

Так родилось второе неофициальное дознание о руанском процессе и приговоре 1431 года. Неофициальным оно оставалось потому, что д'Эстутвиль, как и Буйе, не имел официального мандата или даже устного поручения от папы на следствие; он действовал всецело по своей инициативе, стимулируемый французским королем. И все же, поскольку, представляя римского папу во Франции, сам он был лицом вполне официальным и по отношению к римской курии, и по отношению к западноевропейскому католическому миру, его акция должна была иметь и действительно имела больший удельный вес, чем незавершенная попытка Буйе.

Через два месяца после встречи с Карлом VII д'Эстутвиль уже действовал в Руане. Так как он сам был родом из Нормандии, у него оказались обширные связи и в городе, и во всей провинции, что значительно облегчало задачу. В сообществе с великим инквизитором Франции Жаном Брегалем и все с тем же мэтром Буйе легат принялся за

расследование.

Расследование продолжалось всего неделю, со 2 по 9 мая. В основу его был положен принцип обычного инквизиционного процесса. Обвинителем был назначен лицензиат права Гильом Прево. Он составил 12 пунктов, по которым опрашивали свидетелей; в ходе опроса эти пункты были переработаны и число их достигло 27.

Комиссия д'Эстутвиля допросила всего семнадцать человек, трое из которых отвечали уже раньше мэтру Буйе. Двенадцать из числа опрошенных были участниками процесса 1431 года. Однако в плане отбора д'Эстутвиль пошел по стопам своего предшественника. Ни монсьёра Руссея, ни инквизитора Леметра, ни других важных лиц, связанных с осуждением Жанны, свидетельствовать не пригласили. Хотя вначале было заявлено, что неявка в комиссию грозит отлучением от церкви, на деле несколько вызванных уклонились от дачи показаний и никакой кары не понесли. Обращает на себя внимание и другое обстоятельство: пункты опроса были составлены таким образом, что фактически предопределяли ответы. И главные из этих ответов сводились к тому, что целью процесса 1431 года было стремление англичан опозорить французского короля и что единственным подлинным виновником осуждения Жанны являлся покойный епископ Кошон.

Закончив следствие, д'Эстутвиль направил 22 мая к королю Карлу VII своих коллег Брегаля и Буйе с материалами допросов. Король отдыхал в одном из замков на Луаре, и прежде чем прибыть к нему, члены комиссии посетили Орлеан. В городе Девы их встретили восторженно. Весть о близкой реабилитации освободительницы города вызвала всеобщий энтузиазм. 9 мая в Орлеан прибыл сам д'Эстутвиль. Он подтвердил слова Буйе и Брегаля и снял своей властью запрет с ежегодного праздника 8 мая в честь освобождения Орлеана Жанной д'Арк.

В первых числах июля Карл VII принял д'Эстутвиля и его помощников в замке Меэн-сюр-Иевр. Легата сопровождали итальянские юристы, доктора права Теодор де Лелис и Паоло Понтано. Общее мнение свелось к тому, что во Франции невиновность Жанны доказана (Франция, впрочем, никогда не верила в ее вину!). Теперь нужно было убедить в этом папскую курию – только санкция Рима могла позволить начать официальный процесс реабилитации. Д'Эстутвиль сделал все, что мог. По возвращении в Рим он передал собранные материалы, а также копию процесса 1431 года Лелису и Понтано, прося обосновать конечные выводы.

Юристы не замедлили ответить внушительными записками, в которых, рассматривая руанский процесс с правовой точки зрения и по существу,

отметили все его сомнительные моменты, а также все то, что оправдывало поведение подсудимой. Оба эксперта усомнились в правомочности епископа Кошона судить Жанну, поскольку она не совершила никакого преступления на территории его диоцеза. Оба нашли, что подсудимую не имели права держать в светской тюрьме и лишать защитника; оба констатировали наличие недозволенных приемов следствия, в том числе угроз, шантажа и т. п. Понтано при этом дал уничтожающую оценку обвинительному акту, заметив, что составители его широко использовали ложь и клевету; он указал, в частности, приведя весьма убедительные основания, что Жанну нельзя было считать преступницей за ношение мужского костюма. В целом оба юриста, хотя и не формулируя окончательных выводов, показали полную несостоятельность процесса осуждения.

Одновременно с благословения великого инквизитора Брегаля целый сонм церковных авторитетов поднялся на защиту Орлеанской девы и в самой Франции. Начался второй тур славословий Божественной премудрости, результатом которой якобы явилась миссия Девы. Подобно тому, как это имело место летом 1429 года, появилось множество сочинений, свыше десятка трактатов и мемуаров, авторы которых рьяно доказывали необходимость оправдания Жанны.

Именно теперь начали определяться главные процедурные стороны будущего процесса. На очереди был вопрос: кто возбудит дело, явится в нем истцом? Казалось бы, ответ мог быть только один – его определил весь предшествующий ход событий: истцом являлся фактический инициатор процесса, «оскорбленный» Карл VII. Но французский монарх, верный себе, пожелал остаться в стороне. Юрист Жан де Монтиньи, выступая с позиций правительства, в специальном трактате доказывал: поскольку Жанна была осуждена из политических соображений, официальное выступление французского короля с требованием пересмотра дела носило бы такой же чисто политический характер. Это, по мнению Монтиньи, ослабило бы впечатление от нового процесса; подлинным истцом, считал он – и это стало официальной точкой зрения, – могли быть только ближайшие родственники Жанны: ее мать (Жак Дарк к этому времени умер) и братья.

В 1453 году завершилась наконец Столетняя война. Сбылось предсказание Жанны, некогда смело брошенное ею неправедным судьям:

– Все англичане будут изгнаны из Франции, за исключением тех, которые найдут здесь смерть!..

А между тем апостолической санкции на открытие оправдательного процесса все еще не было. Папа Николай V, обеспокоенный падением

Константинополя в том же 1453 году и всецело поглощенный идеей крестового похода, не был склонен заниматься делами французского короля.

Только через два года по окончании войны, когда на папский престол вступил Каликст III, избранный при поддержке французских кардиналов, положение изменилось. Через полтора месяца после принятия сана, отвечая на ходатайство семьи д'Арк, Каликст направил архиепископу Реймскому и епископам Парижа и Кутанса рескрипт, наделяя их полномочиями пересмотреть «бесчестный и несправедливый процесс» и вынести окончательное, «не подлежащее апелляции» решение.

Глава 4

РЕАБИЛИТАЦИЯ

И снова собрались богословы и юристы, чтобы определить судьбу (на этот раз – посмертно) скромной крестьянки из Лотарингии. 7 ноября 1455 года в соборе Нотр-Дам в Париже произошло торжественное открытие процесса реабилитации^[20] Жанны из Домреми. Приступал к многомесячным трудам новый трибунал. Как и синклит епископа Кошона, он должен был провести «образцовый процесс». Так же, как и в 1431 году, суетились судьи и ассистенты, так же снаряжались комиссии для опроса свидетелей в места жизни и деятельности Жанны. Но теперь все это делалось с противоположной целью: искали не дьявола, а ангелов, не колдовство и ересь, а Небесное откровение и Божье предопределение...

– Мое имя Жан Моро, добрые господа; от роду мне семьдесят лет, и, подобно отцу и дедам моим, я крестьянствую; проживает же семейство наше в деревне Гре, рядом с Домреми... В Домреми и родилась Жаннетта и была крещена в приходской церкви в той же деревне. Отец ее прозывался Жаком Дарком, мать – Забиллэ; они были крестьянами и жили там же, в Домреми. Могу заверить, поскольку знаю это: и он и она всегда были добрыми христианами и честными работниками. А знаю я это точно потому, что часто бывал у них – я ведь крестный Жанны. Знаю также, что и Жанна с младенчества была доброй, воспитывалась в нашей вере и вся деревня любила ее. Как и всякая девочка, чьи родители не обладают большим достатком, Жаннетта вплоть до отбытия из отчего дома трудилась на пашне, пасла скот, пряла и выполняла другие женские работы. Она часто ходила в церковь; заслышав колокольный звон, шла к обедне, где бы ни находилась в это время. Я много раз видел ее идущей на исповедь в день Пасхи или иного праздника...

Вы спрашиваете о «дереве фей»? Я слышал разговоры, будто некогда вокруг него танцевали прекрасные женщины, называемые феями. Но утверждают, что с тех пор как возле него стали читать Евангелие от Иоанна, они не появлялись более. Некогда в воскресенье, называемое у нас «воскресением Источника», а также иногда весной и летом в праздничные дни девушки и ребята из Домреми приходили к дереву плясать; иногда они там закусывали, пили воду из Смородинного ручья и возвращались с шутками и песнями. Жанна ходила туда вместе с другими, делая то же, что

и они. Но никогда я не слышал, чтобы она отправлялась к дереву или ручью с иной целью...

Когда Жаннетта покинула родительский дом, она два или три раза была в Вокулёре и говорила с тамошним бальи... Вот и все, что мне ведомо. Прибавлю, что в июле, когда я поехал в Шалон, поскольку стало известно о пребывании там короля на пути в Реймс, я встретил Жанну, которая подарила мне кафтан красного цвета, бывший на ней...

...Так начался в среду, 28 января 1456 года, опрос свидетелей на родине Жанны. Для тридцати четырех мужчин и женщин из Домреми и окрестностей она осталась своей, девчонкой, Жаннеттой. Они помнили ее очень хорошо и рассказывали о ней просто, по-деревенски, без громких фраз, но с глубокой любовью. Никто из этих людей не заикнулся о «чудесах» – напрасно их спрашивали о «дереве фей» и других подобных вещах, – но все говорили о ее чуткой душе, доброте, отзывчивости, о ее любви к труду и трудящемуся люду. Какой же была для них она, эта Жанна? Да такой, как они все, только чуть лучшей... Самой лучшей из всех в деревне!..

А потом комиссары опросили еще многих, видевших и знавших Жанну в разных местах – в Вокулёре, Шиноне, Пуатье, Орлеане, Руане, – всего сто пятнадцать человек. Были выслушаны люди различных сословий, званий, профессий: солдаты и полководцы, горожане и сановники, странствующие монахи и профессора ученых конгрегации, землепашцы и принцы крови. Разной величины и значимости были их свидетельства: одни говорили кратко, другие – подробно, одни касались лишь общих мест, другие останавливались на деталях, речь одних была изысканна, других – предельно проста. Но в целом они рассказали много, гораздо больше, чем было рассказано о каком-либо ином простом человеке XV столетия, настолько много, что ученые и писатели XIX–XX веков смогли сделать рассказы эти основой для воссоздания истории жизни и подвига Жанны из Домреми.

Да, много узнаем мы о Жанне благодаря процессу 1455–1456 годов.

Но могли бы узнать еще больше. Значительно больше.

Если бы не тенденциозная направленность процесса.

Если бы не тщательное стремление судей выпятить одно и спрятать другое.

Если бы не умышленный обрыв рассказов свидетелей на определенных хронологических рубежах.

Действительно, почему, опросив очевидцев из Домреми, Вокулёра, Орлеана, «забыли» разыскать свидетелей из Сюлли, Компьеня, Ланьи, Бореуара? Почему военачальники, сопровождавшие Жанну, весьма подробны, когда рассказывают об Орлеане, но вдруг становятся немыми, когда речь бы должна идти о Париже? Почему в протоколах процесса нет ни единого слова о взятии Сен-Пьер-ле-Мутье, об осаде Ля-Шарите, наконец, о событиях, связанных с пленением Жанны?..

Очевидно, следователи обошли целый период в жизни Жанны. *Преднамеренно* обошли. Обошли только потому, что в ходе этого периода произошло резкое изменение политики двора и церкви по отношению к Деве. Это был период, следовавший за коронацией в Реймсе. Именно тогда сложился заговор, инициаторами которого были сам монарх и монсеньор Реньо де Шартр, покойный архиепископ Реймский. Заговор, в результате которого Жанна была предана врагу. Естественно, что предатели не пожелали поднимать фактов, связанных с их предательством!..

И еще одно обстоятельство бросается в глаза.

В отличие от трибунала епископа Кошона новый суд *не имел подсудимого*.

Дело о реабилитации формально возбуждала мать Жанны, главным истцом в день объявления приговора выступил брат казненной, а вот ответчиков и не оказалось.

В этом, разумеется, также не было ничего странного: не могла ведь «святая мать-церковь» судить и осудить за совершенное преступление *самое себя!*..

Всю вину, как и в период предварительных опросов, переложили на тех, с кого нечего было взять: виноватыми оказались покойный Кошон, покойный Эстиве и покойный Луазелер. Что же касается живых, то их, как и во времена д'Эстутвиля, даже не потревожили допросом: к чему было беспокоить почтенных прелатов и наводить на них тень! Мало того. Некоторые из второстепенных персонажей – участников процесса осуждения, в свое время осудившие Жанну и потребовавшие ее сожжения на костре, теперь выступали чуть не как благодетели казненной, как поборники справедливости и хулители Кошона. С исключительной наглостью эти братья восхваляли самих себя и свое стойкое поведение, забыв, как они трепетали перед епископом Бовеским, смотря ему в рот и поддерживая каждое его слово. Таковы были доминиканцы Мартин Ладвеню и Изамбар де Ля Пьер, по несколько раз выступавшие накануне процесса и во время его и незаслуженно снискавшие репутацию доброжелателей Девы.

В мае 1456 года следствие было закончено. Апостолические комиссары собрали и изучили следственные документы. Как и в период составления обвинительного акта, все было разложено по полочкам, главное отделено от второстепенного, ненужное опущено. Наконец комиссары объявили день вынесения нового и окончательного приговора. Днем этим стало 7 июля.

В свое время от составления обвинительного акта до вынесения приговора прошло около двух месяцев. Теперь процедура оказалась несравненно более короткой. В назначенный час в том самом зале архиепископского дворца, где когда-то заседал трибунал Кошона, собрались члены реабилитационного суда во главе с Жаном Жувенелем дез Урсен, новым архиепископом Реймским. Прибыли один из братьев Жанны и поверенный семьи. Среди зрителей присутствовали несколько прелатов и клириков.

И вот архиепископ огласил новый приговор. Перечислив злоупотребления, которые имели место в прежнем процессе, указав, что «названное дело запятнано клеветой, беззаконием, противоречиями и явными ошибками правового и фактического характера», он перешел к заключению: «Мы отменяем, кассируем и аннулируем прежние приговоры и лишаем их всякой силы. И мы объявляем названную Жанну и ее родных очищенными от пятна бесчестия».

Так, четверть века спустя после своей гибели, была оправдана крестьянка Жанна, бесстрашная героиня и спасительница Франции.

Но на этом ее посмертные приключения отнюдь не закончились.

Глава 5

СУД ПОТОМСТВА

Едва архиепископ Реймский и члены оправдательного трибунала успели разойтись по домам, как неслышно и незримо начали складываться предпосылки для нового разбирательства только что закончившегося дела. Процесс реабилитации не в большей мере, чем процесс осуждения, мог удовлетворить современников и потомков. Многие оставались неясным, многое казалось подтасованным. Обвиняя (и вполне законно) прежний состав суда в грубом попрании фактов, в преднамеренной лжи и клевете, судьи 1456 года не сумели продемонстрировать своей скрупулезности и любви к истине. Конечно, основная вина здесь (как и в предыдущем случае) падала на их хозяев, но желавшим узнать правду от этого не становилось легче. А чтобы правду открыть, нужен был еще один процесс, достаточно отдаленный от разбираемых событий во времени, тщательно подготовленный и нелицеприятный; им мог стать только *суд истории*.

Большие препятствия оказались на его пути. И главное из них состояло в том, что католическая церковь, в свое время посылавшая проклятия по адресу «колдуньи и еретички», теперь всецело монополизировала память о ней, превратив народную героиню в фетиш для верноподданнических и благочестивых спекуляций. Шли века. Гуманизм подготовил Реформацию, Реформация уступала дорогу Просвещению. А католические богословы и эрудиты все так же цепко держали свою добычу и не собирались с ней расставаться. Типичным образцом литературы подобного настроения явилась поэма Жана Шаплена «Девственница, или Освобождение Франции», изданная впервые в 1656 году и затем неоднократно переиздававшаяся в XVII–XVIII веках. Автор этого довольно банального произведения, излагавшего в стихах главные события орлеанской эпопеи и прославлявшего графа Дюнуа как главного героя освобождения, так и сыплет указаниями на чудеса, Божественную волю, Провидение и т. п. Уже в предисловии, чтобы сразу подготовить читателя, Шаплен заявляет, что намерен излагать материал в своей поэме «таким образом, чтобы все совершающееся в ней благодаря Божественному Промыслу могло применяться и к силе человеческой, вознесенной на вершину, едва достижимую для природы».

Вполне понятно, что подобные опусы вызывали резкое противодействие писателей антицерковного лагеря, но противодействие,

которое зачастую шло по ложному пути. Достаточно вспомнить Вольтера с его «Орлеанской девственницей», которая была задумана как ответ на поэму Шаплена. Властитель дум XVIII века, борясь против «гадины», как он величал католическую церковь, использовал миссию Жанны, чтобы зло высмеять духовенство. В поэме Вольтера нет ни слова о реальной борьбе французского народа с англичанами, ничего не сказано также и о трагической судьбе Жанны. Вместо этого автор дает целую галерею представителей католического духовенства, от монахов до князей церкви, одинаковых мошенников, плутов, сластолюбцев, лицемеров и хищников. Описывая «рай дураков», он выводит церковников шарлатанов, морочащих людей мнимыми чудесами, и «святых» инквизиторов, сжигающих «еретиков» за «сношения с дьяволом». Очевидно, история Жанны д'Арк явилась для Вольтера только поводом для обличения клерикальной Франции XVII–XVIII веков. Но, вольно или невольно, писатель вместе с водой выплеснул и ребенка: чистую и бескорыстную героиню, замученную попами, он превратил в глупую развратную девку, усердно занимавшуюся любовью с солдатами и полководцами обеих враждующих армий. Характерно, что подобная трактовка образа великой патриотки вызвала негодование не только у французов; А. С. Пушкин в своих заметках приводит отзыв современного ему английского журналиста, сравнивающего Вольтера с палачом, который «присовокупляет поругание к смертным мучениям Девы». Справедливость требует, впрочем, отметить, что позднее сам Вольтер пытался отказаться от «Орлеанской девственницы» и в своем «Философском словаре» нашел для описания героини более уважительные слова. Тем не менее нельзя отрицать, что негативный подход к Жанне д'Арк, целиком связанный с ее католическоцерковной трансформацией, был характерен для просветительского движения в целом. Не лучше отнеслись к ней и великие французские революционеры 1789–1794 годов. После провозглашения республики, когда подверглись полному уничтожению статуи бывших королей, во многих местах не пощадили и изображений Девы, а в Орлеане отменили праздники в ее честь: республиканцы разных направлений видели в ней только «орудие фанатизма» и «приспешницу деспота». Орлеанский праздник был возобновлен Наполеоном, который не скупился на хвалебные отзывы по отношению к Жанне-воительнице, разумеется, из чисто утилитарных соображений, пытаясь превратить народную героиню в свою патронессу. Реставрация, восстановив католическую церковь, вернула и фальсифицированную Деву, вновь утвердившуюся на церковных алтарях и в течение всего XIX века остававшуюся страшной помехой для

историков, пытавшихся честно разобраться в сути дела. Католической легендой пронизаны все наиболее известные труды историков XIX века, писавших о Жанне, в том числе работы Валлона, Сепе, Фабра; не избежал ее и Мишле. Лишь немногие из исследователей, как Жюль Кишера, первый издатель документов обоих процессов, или А. Мартен, автор одной из биографий Жанны, отваживались выступить с частичными разоблачениями правительства Карла VII и церкви. Только в начале XX века вышла книга, явившаяся самым убедительным антицерковным выпадом в историографическом процессе Орлеанской девы.

Анатоль Франс известен миру в первую очередь как романист. Однако ему принадлежит обширное и кропотливейшее историческое исследование «Жизнь Жанны д'Арк», плод многолетних архивных изысканий автора. Главная заслуга Франса состоит в том, что он показал живую Жанну, со всеми ее радостями и горестями, с ее простой и чистой душой, с ее беззаветной любовью к родине, любовью, доходившей до полного самоотречения и самопожертвования.

И все же книга А. Франса не в состоянии полностью удовлетворить взыскательного читателя. Разоблачив и разрушив старые и новые церковные легенды, Франс создал свою собственную. Полностью отбросив элементы чудесного, органично присущие истории Девы, писатель излишне приземлил один из наиболее возвышенных образов прошлого.

Церковь посвоему ответила на подобную трактовку героини: она поспешила *канонизировать* свою жертву. В 1920 году Жанну официально причислили к лику святых! Так католическая церковь попыталась загладить преступления своих функционеров, погубивших Орлеанскую деву. Но и это не положило конец спорам о Жанне.

Глава 6

ДВЕ ЖАННЫ Д'АРК

В 1962 году вышла книга К. Пастера под характерным названием «Две Жанны д'Арк». Это заглавие может служить тезисом к положению Орлеанской девы в историографии XX века. Действительно, не успела исчезнуть опасность клерикального засилья, как возникла новая невзгода: Жанна вдруг словно раздвоилась и стала дальше жить и развиваться в двух совершенно разных обличьях.

Две Жанны уверенно шагали бок о бок, и ни одна не хотела уступить дорогу другой, подчас ставя в тупик иного простодушного обывателя, не знающего, чему же верить, на ком остановить свой выбор.

Две Жанны ничем не походили одна на другую.

Одна родилась в Домреми 6 января 1412 года; другая – в Париже 10 ноября 1407 года.

Отцом и матерью одной были крестьяне Жак Дарк и Изабелла Роме; родителями другой – принц крови герцог Луи Орлеанский и королева Франции Изабо Баварская.

Первая умерла девушкой; вторая была замужем и родила двоих детей.

Первая слыла бессребреницей и всем, что у нее имелось, делилась с бедняками; вторая отличалась алчностью и обирала доверчивых простаков везде, где представлялась возможность.

Первая выделялась скромностью и была умеренна в еде; вторая предавалась обжорству, много пила и любила разгульные пляски.

Первая была целомудренна; вторая прославилась развратным поведением.

Первая не знала страха и всегда устремлялась туда, где было опаснее всего; вторая старалась действовать вдали от театра войны и сражениям предпочитала интриги.

Первую сожгли в Руане 30 мая 1431 года; вторая умерла естественной смертью где-то между 1443 и 1449 годами.

Очевидно, читатель недоумевает. Что это? Бред? Мистификация? Веселая шутка?..

Ничуть не бывало.

Просто автор собрал и сгруппировал некоторые положения, идущие издревле и характерные для современной историографии Жанны д'Арк.

Двух Орлеанских дев конечно же не было и быть не могло, и никто из

наших читателей, мы абсолютно уверены в этом, не станет колебаться при выборе. Не колебалось никогда и большинство французов. Для них во все времена, включая и современность, Орлеанская дева оставалась одна: это была крестьянка Жанна, борющаяся и погибшая за их независимость. Под знаменем этой Жанны они сражались против захватчиков-англичан в XV веке, с ее именем на устах боролись в рядах Соппротивления против гитлеровских банд в XX веке.^[21] И сегодня, собираясь в Орлеане на ежегодный праздник, посвященный Деве, они чтят ее, только ее, свою единственную и всегда близкую Жанну – Деву.

Откуда же взялась другая?

В послевоенный период в историографии возникла своеобразная мания сокрушать очевидное, ревизовать устоявшееся, давно принятое, рвать традиции, переиначивать, перекраивать прошлое. В погоне за успехом у пресытившегося читателя один превращает знаменитого детоубийцу Синюю бороду в невинно пострадавшего праведника, другой «реабилитирует» архимошеника, мистификатора и шарлатана Калиостро, малюя его под «святого», третий втоптывает в грязь любимого французами короля Генриха IV Наваррского. Под маркой «пересмотра», «срывания покровов с тайны» и т. п. счастливые «пионеры» преподносят всевозможные «новации», подчас оскорбительные для национального чувства народа, лишь бы доставить развлечение снобу и поразить обывателя. Дань новому поветрию отдала и «перелицовка» Жанны.

Все началось с проблемы: «Была ли сожжена Жанна д'Арк?»

Вспомним: современники не верили, что она погибла в Руане. В документах и хрониках на этот счет имелись также некоторые разночтения и неясности. За все это и ухватились парадоксалисты. Они создали версию, будто Жанну заменили другой женщиной, которую и сожгли 30 мая 1431 года. Героиню же по подземному ходу вывели из Буврейского замка. Нашлись археологи-любители, уверявшие даже, будто они обнаружили этот ход...

Спрашивается, для чего нужно было смертельным врагам Жанны спасти ее от костра, на который с таким усердием они стремились ее возвести?

Сторонников «спасения» этот вопрос не захватил врасплох. Они заявляют, что Жанна была сводной сестрой Карла VII и англичане хотели сделать из нее козырь при заключении мира.

Сестрой Карла VII?..

Да, поскольку матерью ее была королева Изабо, а отцом – герцог Орлеанский, любовник королевы... Сразу после рождения девочку отвезли

в деревню Домреми и отдали на воспитание крестьянину Дарку. Поскольку этой версии не соответствует общепринятая хронология, дату рождения девушки следует перенести на шесть лет назад...

Естественно поинтересоваться, есть ли какие-либо доказательства, подтверждающие эти сногшибательные «открытия»?

Нет, доказательств нет. Ни прямых, ни косвенных.

Но это не смущает ни в коей мере счастливых «пионеров». Полет их фантазии продолжается. Что же было со «спасенной» после того, как ее вывели по подземному ходу? Несколько лет англичане тайно держали ее в тюрьме. А потом? Она бежала из тюрьмы и снова явилась миру...

Вот тут-то и проводится самый хитрый трюк: перебрасывается мостик от фантазии к действительности. Но какой действительности! Дальнейшую эпопею таинственно спасенной Девы продолжает... «Жанна» Армуаз!..^[22]

Да, не удивляйтесь, читатель, славная когорта парадоксалистов дружно заявляет, что Жанна д'Арк и самозванка, подлинное имя которой было Клод, – одно лицо!

Доказательства?

Попробуем никаких. И какие же здесь могут быть доказательства, если вся деятельность самозванки, ее алчность, склонность к интриге, приверженность к удовольствиям стола и постели – все это в корне противоречит облику подлинной Девы, известной нам по документам. Наконец, уже говорилось, что самозванка была разоблачена и, сверх того, во всем призналась сама. Но какое дело до этого «крушителям традиций»? Что им до подлинной истории, до своей национальной гордости – их несравненно больше волнуют тиражи и гонорары.

Самое пошрое во всем этом «новаторстве», что, следуя моде на секс, девушку-героиню преподносят как своего рода «секс-бомбу», приписывая ей такие похождения, до которых не смог додуматься даже весьма эрудированный в подобных вопросах Вольтер. А с другой стороны, один из «исследователей» в угоду любителям детективов превратил Жанну... в секретного агента ордена францисканцев!..

Однако довольно об этом. Достаточно будет сказать, что в конце концов «новаторы» получили по заслугам. В 1973 году вышла книга И. Грандо «Поруганная Жанна», в которой автор на основании кропотливого анализа источников разбил все ухищрения псевдоисториков и призвал их к ответу за бессовестную диффамацию Девы. Режин Перну в предисловии к книге Грандо назвала его труд «незаменимым». Впрочем, сама Перну (1909–1998) своей многолетней и плодотворной деятельностью сделала еще больше для триумфа Орлеанской девы, создав целую «Жанниану» и

сыграв ведущую роль в организации уникального Центра Жанны д'Арк, который, собственно, нас и сблизил.

Глава 7

ТРИУМФ ОРЛЕАНСКОЙ ДЕВЫ

И вот я снова в Париже. Белый «вуатюр» мадемуазель Перну мчит нас по улицам древнего города, а за стеклами мелькают знакомые силуэты Нотр-Дам, Пон-Неф, Консьержери и Эйфелевой башни. После неотвратимого «дежане» в маленьком ресторане с мягким светом и старинным оружием на стенах («Здесь совсем по-парижски», – улыбается мне мадемуазель) пьем кофе в уютной гостиной ее квартиры на улице Русселе и без промедления отправляемся дальше. Час с небольшим по отличному шоссе, среди роц и полей, чемто напоминающих осеннее Подмосковье, и мы в Орлеане, славном городе Жанны д'Арк...

...Конечно, научные труды Режиин Перну, и прежде всего ее многочисленные работы о Жанне, мне были известны давно; лично же познакомился с ней я летом 1976 года в Москве, куда французская исследовательница прибыла с целью узнать об отношении к своей героине в далекой России. Я только что вернулся из поездки по Франции; оказавшись проездом в Руане, побывал в соборе, в архиепископском дворце, где судили Жанну, на кладбище Сент-Уэн, где ее заставили отречься, на Старом Рынке, где она встретила свою страшную смерть; естественно, воспоминания о местах борьбы и славы бесстрашной были еще совсем свежи, когда произошла эта своеобразная пресс-конференция. Кинорежиссер Глеб Панфилов, создатель фильма «Начало», актриса Инна Чурикова, исполнительница роли Жанны д'Арк, и пишущий эти строки всемерно старались удовлетворить законное любопытство французской гостьи. Не скрою, нас поразила эта женщина, ветеран борьбы за «поруганную Жанну», поразила добротой, светившейся в ее взгляде, неиссякаемой энергией и жгучим интересом к предмету разговора. Глеб Панфилов подарил ей свой новый сценарий «Жизнь Жанны д'Арк». Я рассказал мадемуазель о постановке преподавания истории Средних веков в нашей средней и высшей школе, после чего также преподнес ей свою «Жанну» на русском языке и в переводах на латышский, армянский, татарский, болгарский, румынский и венгерский языки. Режиин Перну была приятно удивлена всем этим: оказалось, что в нашей стране гораздо больше и разностороннее занимались Орлеанской девой и ее подвигом, нежели она предполагала.

Два года спустя я получил приглашение от Орлеанского центра Жанны

д'Арк.

Центр Жанны д'Арк, первой директрисой которого стала Режи́н Перну, [23] был создан в 1974 году. Главной задачей, которую поставил перед собой Центр, была борьба за Жанну, подлинную Жанну, отобранную у фальсификаторов, очищенную от скверны и показанную миру во всем величии своей самоотверженности и простоты.

Хотя Центр и располагает большим количеством подлинных документов и библиотекой, которая насчитывает свыше семи тысяч томов, он, разумеется, не имеет возможности сосредоточить все материалы, значительная часть которых разбросана по книгохранилищам и архивам многих стран и городов. Микрофильмирование помогает справиться с этой трудностью. Растущее ото дня на день собрание микрофильмов, микрокопий и ксерокопий позволяет каждому исследователю, пользующемуся услугами Центра, иметь перед глазами максимальное количество разнообразных материалов, относящихся к Столетней войне и деятельности Жанны д'Арк.

Микрофильмы, микрокопии и ксерокопии, равно как и диапозитивы, значительная часть которых воспроизводит фрагменты рукописей и миниатюры XV века, дают возможность Центру осуществлять многообразные публикации.

Помимо того что издаются большими тиражами открытки, брошюры и диафильмы на такие темы, как «Осада Орлеана», «Жанна д'Арк и ее время», «Фортификация и военное дело во времена Жанны д'Арк» и другие, Центр имеет свой постоянный печатный орган – «Les Amis de Jeanne d'Arc» («Друзья Жанны д'Арк»), выходящий четыре раза в год, на страницах которого публикуются документы, очерки, статьи, фотографии, библиографические справки.

Располагающий обширными фонотекой, фототекой и фильмотекой, включающими в себя многочисленные и разнообразные аудиовизуальные материалы, Центр в пределах всей страны обеспечивает ими различные организации и мероприятия культурно-исторического характера, включая выставки, конференции, театральные постановки, радио- и телепрограммы.

Центр Жанны д'Арк сыграл ведущую роль в подготовке и проведении двух главных мероприятий юбилейного 1979 года: майского праздника и международного научного коллоквиума.

Особенностью майского праздника Орлеанской девы является его

совпадение по календарю с днем окончания Второй мировой войны: 550-я годовщина освобождения Орлеана от англичан прилась на 34-ю годовщину освобождения страны от гитлеровской оккупации. Сочетание этих двух великих событий придало орлеанскому празднику 1979 года особую торжественность и величавость.

Главные церемонии прились на 8 мая. В этот день можно было видеть и шествие делегатов французских провинций в национальных костюмах, и традиционный кортеж на месте Турели, и парад войск. Эти торжества объединили гражданские и духовные власти, общества ветеранов и спортивные организации, французские и зарубежные музыкальные коллективы, иногородние и иностранные делегации.

И – самое главное – демонстранты приносили присягу... Жанне д'Арк! Да, живая Жанна, в доспехах, со знаменем, в окружении своих оруженосцев, галопировала в этот день на белом коне по улицам города!..

Таков был знаменитый майский праздник, оставшийся надолго в памяти тех, кто его видел. А в октябре того же года я отправился во Францию, чтобы принять участие в работе коллоквиума. Именно с этой целью 7 октября к вечеру автомобиль Режин Перну и доставил нас в Орлеан.

Орлеан...

Галльский Ценаб, Аврелианис в римскую эпоху, второй город страны при Капетингах, соперничавший с Парижем...

Город Верный, город Жанны д'Арк, навсегда связавший свое имя с именем Девы...

...За те немногие дни, которые я в нем прожил, каждый свободный час был потрачен на изучение его улиц, площадей, памятников.

Конечно, в современном Орлеане от дней Жанны сохранилось не так уж много. Город вырос более чем в три раза, старые башни и стены давно снесены. Северо-западной оконечностью города во времена Столетней войны была современная площадь Мартруа, нынешний центр; старая западная граница совпадала с улицей Нотр-Дам-де-Рекувранс, восточная – с улицами Бурдонблан и Турель. Северная граница не столь определена, ее можно различить только в районе собора Сен-Круа, где она шла по нынешней улице Дюпанлу. Старый мост, по которому проезжала Жанна, давно разрушен; на месте, где был некогда форт Турель, ныне памятник Деве; новый мост расположен западнее, против главной магистрали современного Орлеана, улицы Ройяль.

Но собор Сен-Круа величавой громадой высится на том же месте, что и в XV веке; бомбардировки военных лет, сильно изувечившие город, его

не разрушили, лишь кое-где выбили цветные витражи, замененные позднее простыми стеклами. И улица Бургонь, по которой в сопровождении несметной толпы проехала Дева в день своего прибытия в Орлеан, осталась на старом месте; там, где когда-то были ворота Ренар, сейчас площадь Шарля де Голля, а рядом с ней, близ пересечения улиц Жанны д'Арк и Табур, стоит всем известный дом Буше, дом, в котором жила героиня во время своего пребывания в Орлеане. Правда, это не тот самый дом: тот был разрушен до основания во время одной из бомбежек 1940 года. Но жители Орлеана после окончания войны восстановили его по чертежам и рисункам; ныне он стал музеем Жанны д'Арк...

...В течение тех дней Жанна была постоянно со мною, и не только потому, что имя ее по многу раз в день звучало на коллоквиуме. Гостиница, в которой я жил, помещалась близ площади Мартруа, неподалеку от собора. Каждое утро я просыпался под звон колоколов на башнях Сен-Круа с мыслью, что такой же звон будил и Жанну. Отправляясь на коллоквиум утром и возвращаясь вечером, я проходил через площадь Мартруа и видел прекрасную конную статую Жанны работы Фойятье, совершенно разную в лучах восходящего солнца и в лучах прожекторов. Жанна смотрела с витрин выставок, с плакатов на стенах домов, с огромного старинного гобелена, что был вывешен в церкви Сен-Пьер, где проходило большинство наших заседаний.

Именно в те дни я понял: мне абсолютно необходимо вернуться к Жанне, к той старой, давно написанной, давно изданной и разошедшейся по рукам читателей *моей* Жанне. И я вернулся к ней.

Торжественное открытие коллоквиума состоялось утром 8 октября в старинной церкви Сен-Пьер под председательством мэра Орлеана и двух академиков – Мишеля Франсуа и Пьера Маро. Заседания продолжались пять дней и 13-го завершились экскурсией по Средней Луаре с посещением памятных мест – каролингской церкви Жерминьи, аббатства Сен-Бенуа и замка Сюлли. На коллоквиуме выступили тридцать два ученых: двадцать один француз, трое англичан, двое американцев, двое итальянцев, один испанец, один бельгиец, один японец и один русский. Доклады были очень разные как по тенденциям, так и по ценности сообщаемых материалов. Что же касается их тематики, то ее можно легко сгруппировать вокруг нескольких краеугольных проблем.

Главной из них, бесспорно, была *война*. Столетняя война прежде всего разбиралась в различных теоретических аспектах: теологическом, политическом, юридическом. Общий вывод, сделанный парижским

профессором Ф. Контамином, сводился к тому, что для Франции это была война *справедливая*, а Жанна д'Арк по всем своим данным *лучше других* подходила к роли *вождя французов* в этой войне. Не меньшее внимание привлекала *техническая* сторона войны. Особенности оборонительного и наступательного оружия, характер и роль молодой артиллерии, специфика штурма крепости и тактика ведения боя – все это нашло место в сообщениях делегатов коллоквиума, причем многие из подобных сообщений для наглядности сопровождались показом диапозитивов. Из числа конкретных военных проблем особо выделялась *осада Орлеана* и снятие осады Жанной д'Арк. Основной доклад на эту тему был сделан профессором Школы хартий П. Дюпарком, составителем первого и второго томов «Процесса аннуляции осуждения Жанны д'Арк». Другие специалисты подвергли тщательному разбору военную топографию Орлеана, выяснили историю его стен и башен, определили участие в обороне города различных слоев населения, в частности, что до сих пор не было известно, студентов Орлеанского университета. Выводы из всех этих докладов и сообщений сводятся к одному конечному: орлеанскую победу, равно как и исход всей войны, вполне предопределили *моральные и материальные преимущества* французской армии и французского народа, нараставшие по мере хода войны и в значительной мере *стимулированные Жанной д'Арк*.

Естественно, *личность Жанны* должна была стать и стала другой важнейшей темой Орлеанского форума. Были рассмотрены формирование французской героини, среда, из которой она вышла, социальные слои, на которые она опиралась. Участники коллоквиума дружно отвергли различные «новации» псевдоисториков, о которых говорилось выше. В докладе академика П. Маро были выяснены истоки ложной версии о «благородном» происхождении героини, о ее родстве с королем Карлом VII и герцогом Орлеанским. Вместе с тем некоторые историки, чрезмерно увлекшись «видениями» и «голосами» Жанны, проявили склонность к преувеличенному толкованию мистического элемента в ее эпосе, сводя вполне объяснимые факты ее биографии к «чудесам», результату «пророчеств» и т. п. Значительное место в докладах заняла проблема *литературной интерпретации* образа Жанны, а последний день коллоквиума был целиком посвящен ее трактовке в *мировой историографии*: члены форума познакомились с тем, как рассматривается Орлеанская дева в исторической литературе Японии, Италии, США, России.

Одной из наиболее *острых* проблем, поднятых на коллоквиуме, была

проблема *ответственности за гибель Жанны*. Французские историки (в том числе и маститые) в ряде случаев пытались от этой проблемы уйти или ограничивались полуправдой. Более смелыми оказались историки из других стран. Профессор М. Вэль из Оксфорда, анализируя политические причины осуждения Жанны, пришел к выводу, что девушка стала жертвой в первую очередь *гражданской войны* и погибла *более по вине французов, чем англичан*. Хотя этот вывод звучит парадоксально, докладчику нельзя отказать в наблюдательности и трезвости, когда он показывает, что Жанну предало *французское* правительство и осудило *французское* духовенство. Эту версию поддержал и русский историк, поставивший вопрос об *ответственности католической церкви* за судьбу героини. Вопрос вызвал горячую полемику, однако убедительных аргументов у оппонентов докладчика не оказалось.

Из приведенного следует, что не все на коллоквиуме проходило гладко и далеко не со всем сказанным можно согласиться.

Но если выделить *самое главное*, то это будет близкая нам, многократно повторенная мысль о *вечном значении* эпопеи Жанны д'Арк и *интернациональности* ее звучания.

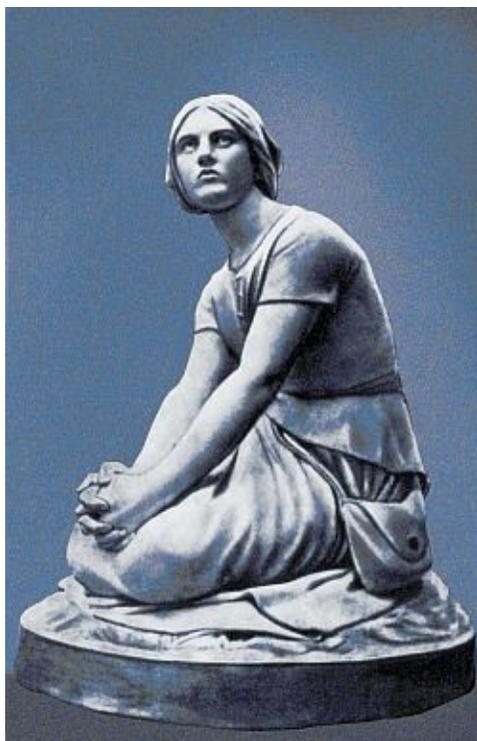
И это весьма знаменательно: вот он, подлинный триумф Орлеанской девы!

Нет сомнения: пройдет еще пятьдесят, еще двести, еще тысяча лет, а в славном городе Орлеане будут снова и снова собираться ученые разных стран и народов, и снова будут славить Жанну, и снова резонанс этих встреч будет отдаваться в Москве и Нью-Йорке, в Лондоне и Токио и еще во многих и многих городах.

Нет, она не умрет никогда, о ней никогда не забудут.

Ибо Жанна – воплощение великого подвига, а подвиг остается бессмертным.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

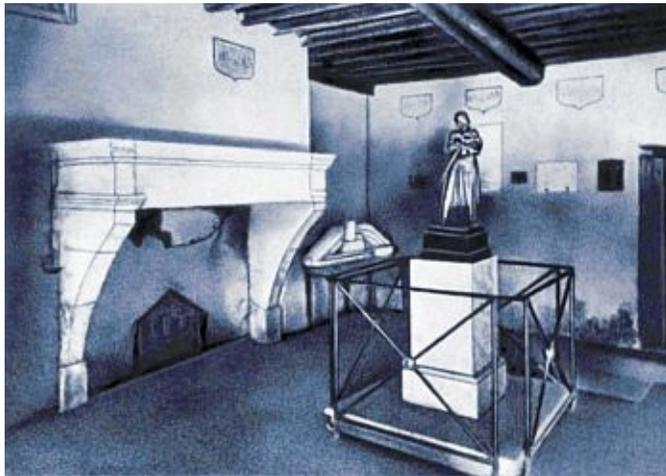
Жанна д'Арк. Скульптура Шаю

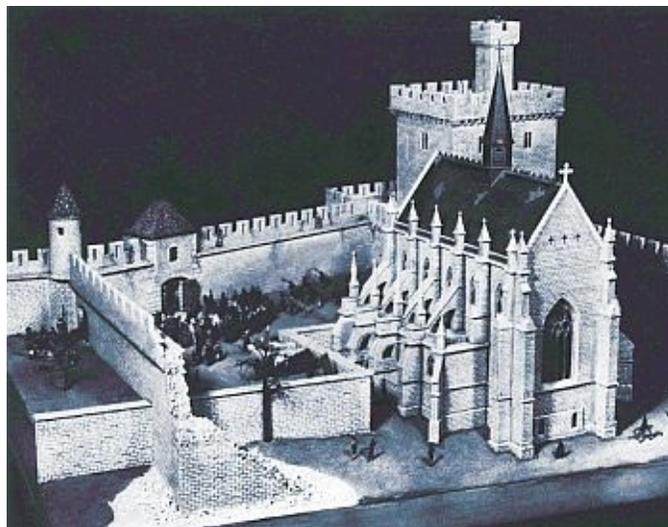
Вид на деревню Домреми со стороны Мааса. Акварель Пансе

Дом Жанны д'Арк в Домреми

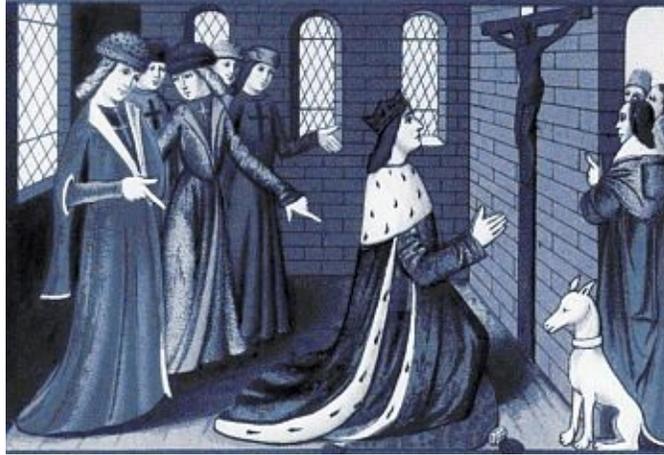
Комната Жанны

Вокулёр. Макет из музея Жанны д'Арк в Орлеане

Жанна с мечом и знаменем. Миниатюра XV в.

Карл VII и придворные. *Миниатюра XV в.*

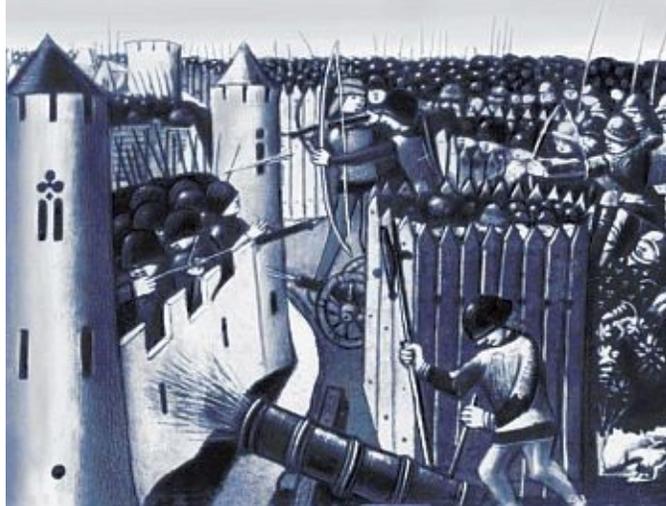
Вид на Орлеан со стороны Оливе в XV веке. *Реконструкция*

Жанна д'Арк. Скульптура Фагеля

Жанну д'Арк приводят к Карлу VII. Миниатюра XV в.

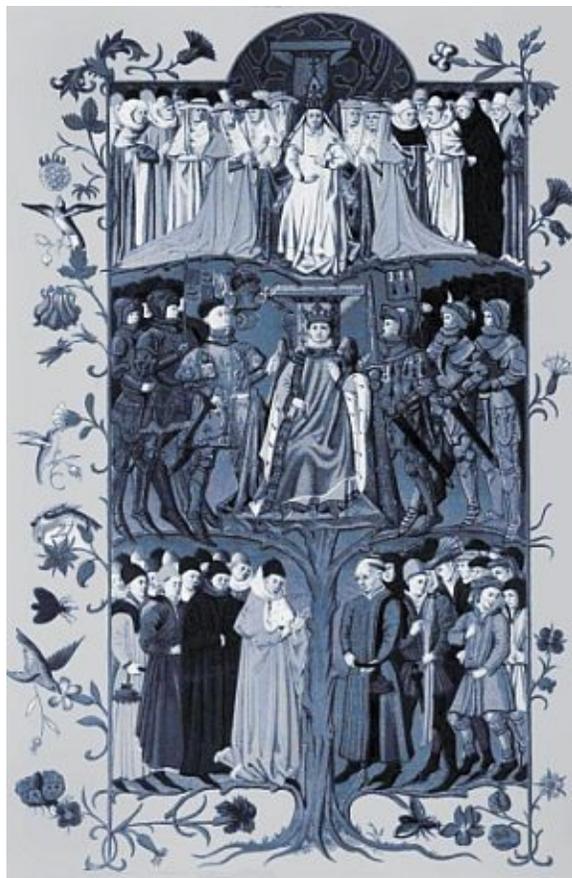
Осада Орлеана. *Миниатюра XV в.*

Въезд Жанны в Орлеан. *Проект витража*

Карл VII, король Франции. *Портрет Ж. Фуке*

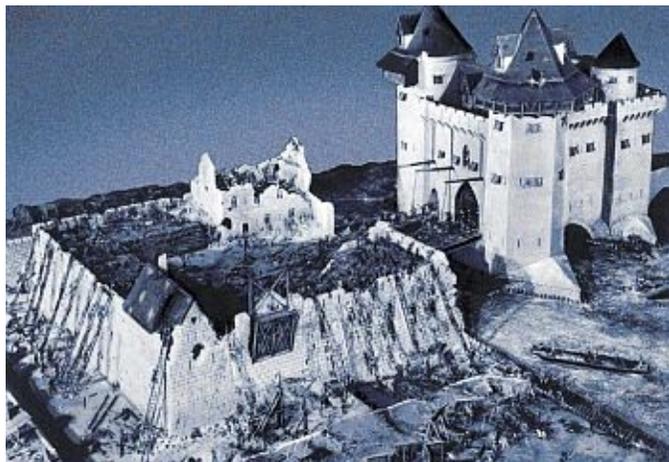
Три сословия Франции. Миниатюра XV в.

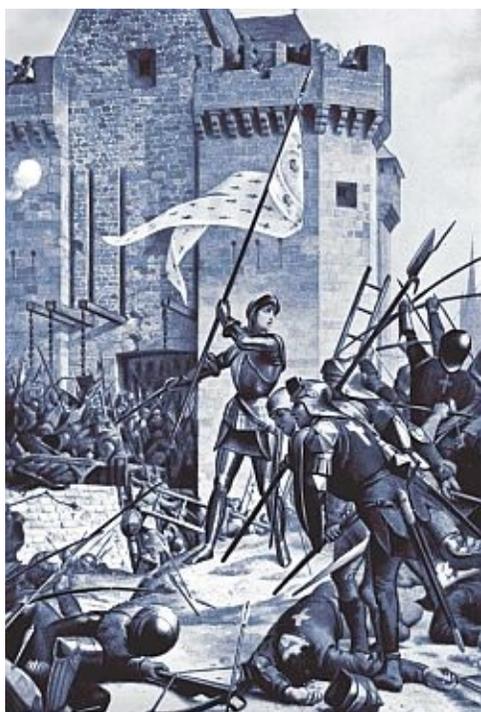
Капитан

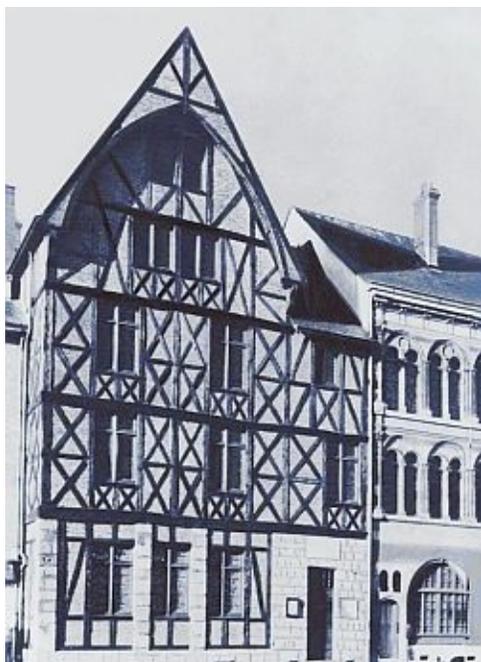
Пеший боец

Взятие Турели. Макет из музея Жанны д'Арк в Орлеане

Жанна под Турелью. Картина Ленева

Дом Буше в Орлеане

Взятие Жаржо. Барельеф Фойятье

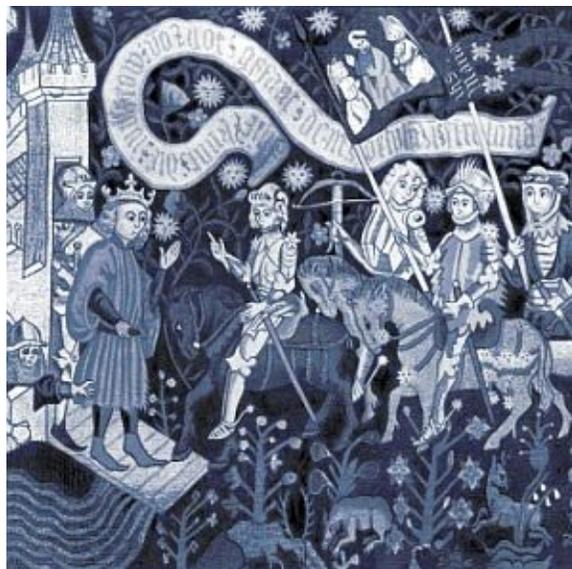
Коннетабль де Ришмон. Рисунок XV в.

Битва при Патэ. *Рисунок XV в.*

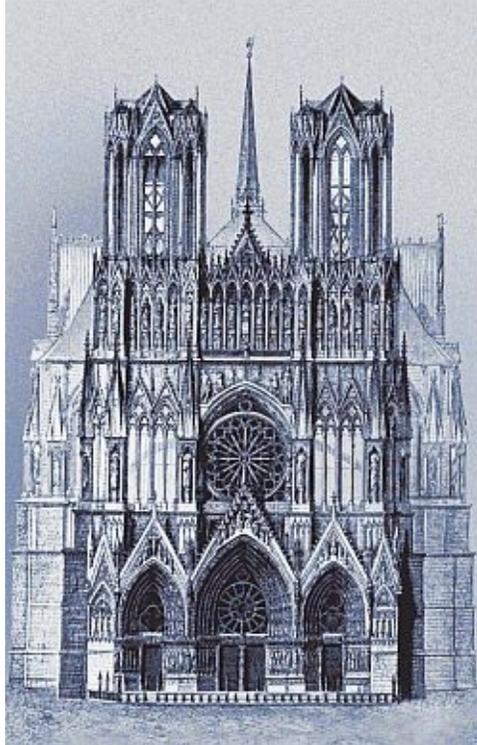
Филипп Добрый, герцог Бургундский. *Портрет Р. Ван-дер-Вейдена*

Прибытие Жанны к дофину Карлу. Гобелен XV в.

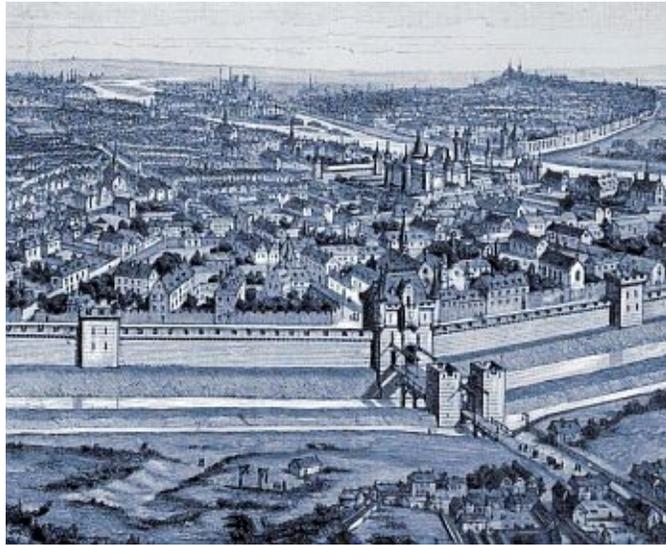
Жанна д'Арк. Скульптура Рюда

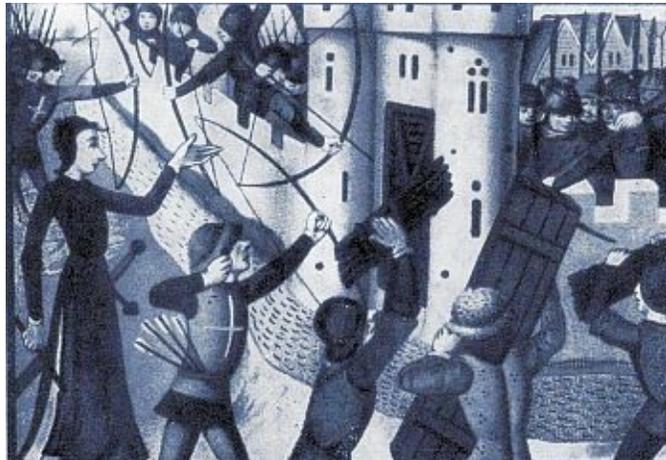
Реймский собор. Фасад

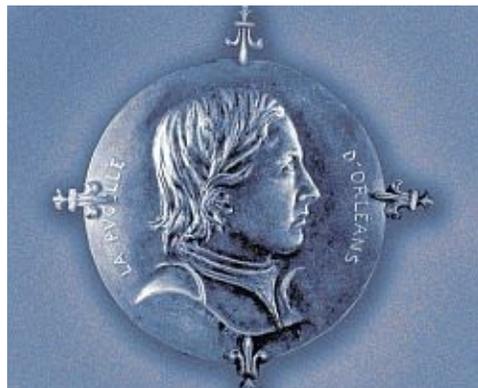
Жанна д'Арк на коронации Карла VII

Вид на Париж с Монмартра в XV веке. Реконструкция

Жанна под Парижем. Миниатюра XV в.

Жанна д'Арк. *Бронзовый медальон. 1891 г.*

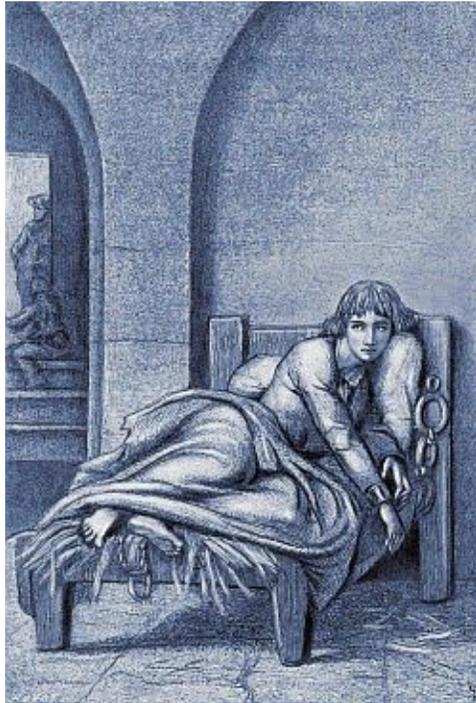
Пленение Жанны под Компьенем. *Миниатюра XV в.*

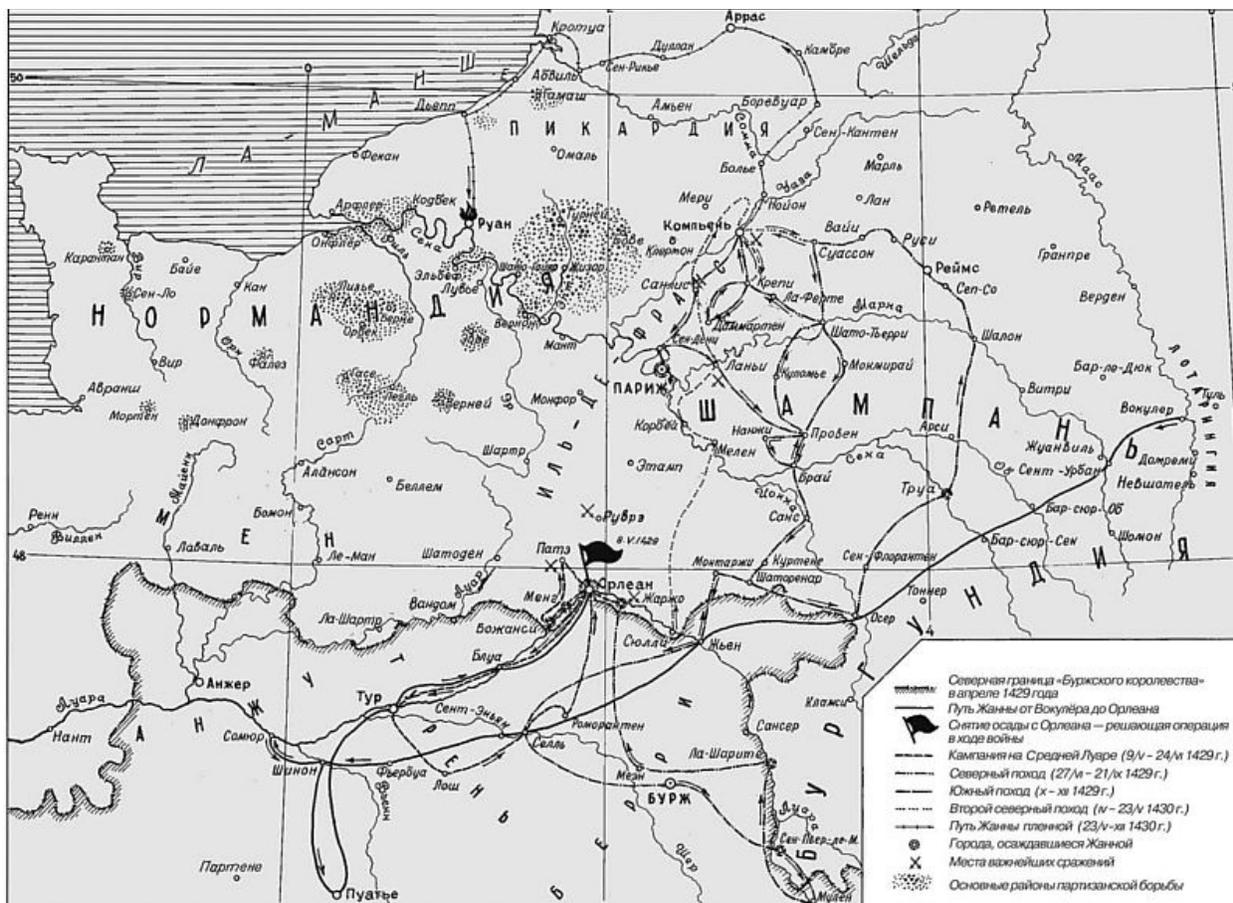
Жанна пленная. *Картина Жильбера*

Жанна и герцог Бургундский в Марньи. Картина Патруа

Жанна в тюрьме. Рисунок Бенувийя

Походы Жанны д'Арк.

Жанна д'Арк. Рисунок на полях регистра Парижского парламента. XV

Жанна д'Арк. Медальон Шаю

Жанна на костре. Скульптура Клера

ПАМЯТНЫЕ МЕДАЛИ

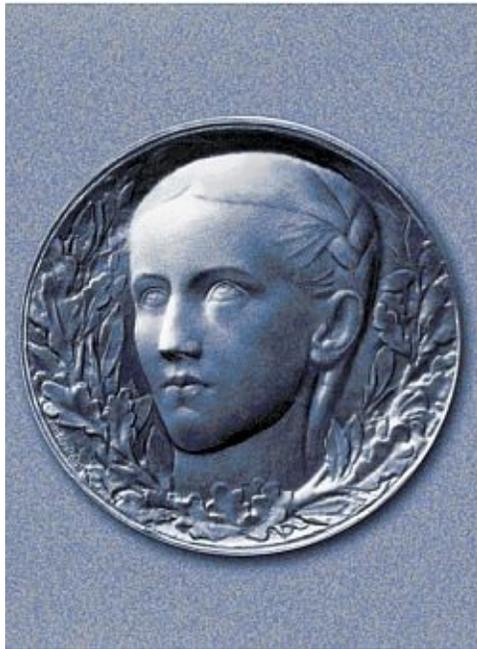
1931 год

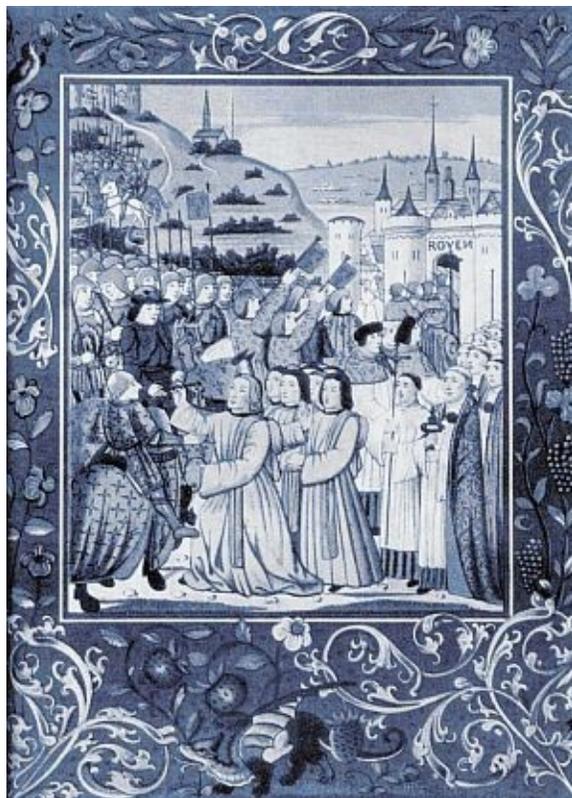
1931 год

1948 год

1972 год

Торжественный въезд Карла VII в Руан. *Миниатюра XV в.*

Жанна д'Арк. Скульптура Марии Орлеанской

«Жанна-79» на фоне собора Сен-Круа. Фотография из газеты «Ля Репюблик дю Сантр»

Памятник Жанне работы Фойятье на площади Мартруа в Орлеане

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЖАННЫ Д'АРК

- 1412, 6 января – предполагаемая дата рождения Жанны.
- 1428, май – первая поездка в Вокулёр.
- 1429, январь – вторая поездка в Вокулёр.
- 12—23 февраля – путешествие от Вокулёра до Шинона.
- 25 февраля – «Испытание».
- 1 марта – 10 апреля – Жанна в Пуатье.
- 29 апреля – прибытие в Орлеан. 4 мая – взятие Сен-Лу.
- 7 мая – взятие Турели.
- 8 мая – снятие осады с Орлеана. 10 июня – взятие Жаржо.
- 17 июня – капитуляция Божанси.
- 18 июня – битва при Патэ.
- 27 июня – выступление из Жьена в Северный поход.
- 10 июля – капитуляция Труа.
- 17 июля – коронация Карла VII в Реймсе.
- 7—13 сентября – Жанна под Парижем.
- 21 сентября – возвращение армии в Жьен.
- Ноябрь – взятие Сен-Пьер-ле-Мутье.
- 1430, начало апреля – Жанна покидает двор.
- 14 мая – прибытие Жанны в Компьень. 23 мая – пленение Жанны бургундцами. 8 декабря – Жанну передают англичанам.
- 23 декабря – прибытие в Руан.
- 1431, 9 января – начало процесса Жанны д'Арк.
- 21 февраля – первый допрос Жанны Кошоном.
- 24 мая – «отречение» на кладбище Сент-Уэн.
- 30 мая – казнь Жанны.
- 1456, 7 июля – «аннуляция осуждения» Жанны д'Арк.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Амбелен Р. Подлинная личность Жанны, так называемой д'Арк // Драммы и секреты истории. М., 1993.

Драгомиров М. Жанна д'Арк. СПб., 1898. Колпакова О. Жанна д'Арк. М., 2004.

Левандовский А. П. Лже-Жанны д'Арк // Вопросы истории. 1966. № 9.

Левандовский А. П. Жанна д'Арк и церковь // Наука и религия. 1968. № 9, 10, 12.

Левандовский А. П. Пять процессов Орлеанской девы // Человек и закон. 1977. № 9.

Левандовский А. П. Орлеанский центр Жанны д'Арк // Вопросы истории. 1981. № 7.

Левандовский А. П. Была ли сожжена Жанна д'Арк? // Белый слон Карла Великого: Сборник. М., 1993.

Люблинская А. Д. Жанна д'Арк // Средние века. 1962. Вып. XXII.

Мережковский Д. Жанна д'Арк. М., 1995.

Мишле Ж. Жанна д'Арк. Пг., 1920.

Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. М., 1992.

Петров М. Жанна д'Арк. СПб., 1896.

Прицкер М. Жанна д'Арк // Средневековье в эпизодах и лицах. М., 1941.

Райцес В. И. Жанна д'Арк. Л., 1959.

Райцес В. И. Процесс Жанны д'Арк. М.; Л., 1964.

Райцес В. И. Жанна д'Арк: Факты, легенды, гипотезы. СПб., 2003.

Розенталь Н. Н. Жанна д'Арк – народная героиня Франции. М., 1958.

Сабов А. Жанна д'Арк и Европа // Новый мир. 1980. № 9.

Сказкин С. Жанна д'Арк – героиня французского народа: Книга для чтения по истории Средних веков. Ч. II. М., 1951.

Твен М. Личные воспоминания о Жанне д'Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря // Собр. соч. М., 1960. Т. 8.

Франс А. Жизнь Жанны д'Арк. Книга первая // Полн. собр. соч. М.; Л., 1928. Т. 14.

Черняк Е. Судебные легенды // Судебная петля. М., 1991.

Шаров А. Жанна д'Арк: Мифы и правда // Наука и жизнь. 2004. № 4.

Шаров А. Жанна д'Арк: Новые разыскания // Наука и жизнь. 2004. № 5.

- Эсоно Е. Жанна д'Арк: Орлеанская дева. СПб., 2005.
- Documentes et recherches relatifs à Jeanne la Pucelle' Par P. Doncoeur et Y. Lanhers. Vol. 1–5. Paris, 1952–1961.
- Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dit La Pucelle. Par J. Quicherat. Vol. 1–5. Paris, 1841–1849.
- Procès de condamnation de Jeanne d'Arc. Par P. Tisset. Vol. 1–3. Paris, 1960–1972.
- Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc. Par P. Duparc. Vol. 1–2. Paris, 1976–1979.
- Bordonove G. Jeanne d'Arc et la Guerre de Cent ans. Paris, 1997. Beaune C. Jeanne d'Arc. Paris, 2004. Ca1mee J. Jeanne d'Arc. Paris, 1947.
- Cluzel J. Jeanne d'Arc: La politique par d'autres moyens. Paris, 2006.
- Doncoeur P. Paroles et lettres de Jeanne la Pucelle. Paris, 1960. Fabre J. Jeanne d'Arc, libératrice de la France. Paris, 1894 (reed. 1948). France A. Vie de Jeanne d'Arc. Vol. 1–2. Paris, 1904. Gordon M. Jeanne d'Arc. Paris, 2005.
- Grandeau Y. Jeanne Insultée. Proces en diffamation. Paris, 1973. Guimard M. Jeanne d'Arc. La légende et l'histoire. Paris, 2005. Guillemin H. Jeanne, dite Jeanne d'Arc. Paris, 2005. Grodys P. Jeanne d'Arc et son temps. Vol. 1–2. Paris, 1948. Hanotaux G. Jeanne d'Arc. Paris, 1911.
- Harmand A. Jeanne d'Arc, ses costumes, son armure. Paris, 1929. Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'histoire. Paris, 1993. Lamy M. Jeanne d'Arc. Paris, 1987. Martin H. Jeanne d'Arc. Paris, 1856. Pernoud R. Jeanne d'Arc. Paris, 1959.
- Pernoud R. Jeanne d'Arc par elle-même et par ses temoins. Paris, 1975.
- Pernoud R. Jeanne d'Arc telle qu'elle fut. Paris, 1957.
- Pernoud R. Jeanne devant les Cauchons. Paris, 1970.
- Pernoud R. La Libeéation d'Orleans, 8 Mai 1429. Paris, 1969.
- Pernoud R. Vie et mort de Jeanne d'Arc; les temoignages du proces de réhabilitation. Paris, 1953.
- Pernoud R., Clin M.-V. Jeanne d'Arc. Paris, 1986.
- Peyramaure M. Jeanne d'Arc. Vol. 1–2. Paris, 2000.
- Richaud M. et Imbrecq P. En suivant Jeanne d'Arc sur les chemins de France. Paris, 1956.
- Salichon A.-M. Jeanne d'Arc. Paris, 2006.
- Sepe M. Jeanne d'Arc. Tours, 1869.
- Thomas E. Jeanne d'Arc. Paris, 1947.
- Wallon H. Jeanne d'Arc. Paris, 1860.
- Zeisler M.-C. Moi, Jehanne, captive... Paris, 2002.
-

notes

Примечания

1

От имени графа Бернара Арманьяка, возглавившего орлеанскую группировку.

Годон (от английского «год дэм» – черт возьми!) – кличка, данная завоевателям французскими крестьянами.

Битвы при Креси (1346) и Пуатье (1356) были выиграны англичанами и привели к разгрому французской армии.

4

Позднее эта война получит название Столетней (1337–1453).

Подлинная фамилия семьи Жанны была Дарк. Форма «д'Арк» возникла много позднее, когда героиню пожелали «облагородить» и наделить дворянским именем.

Шамбеллан (камергер) – одна из высших придворных должностей, не связанная с выполнением реальных функций.

Коннетабль – главнокомандующий, высший военный чин во Франции XV века.

Батар – незаконнорожденный, внебрачный. В XV веке это слово не имело позорящего оттенка.

Дюрандаль – легендарный меч Карла Великого, подаренный Роланду.

Жакерия (от имени Жак) – восстание французских крестьян в 1358 году.

Восстание парижской бедноты в 1357 году.

Двор вернулся к этой затее в конце 1429 года. Специальным письмом-патентом Жанне и ее роду присваивалось наследственное дворянское звание, причем женщины получали право передавать дворянство своим мужьям. Сама Жанна и на этот раз осталась равнодушной к «заботам» двора. Не приняла она и новой фамилии дю Лис («Лилия»), которой король награждал ее род в память об особых заслугах представительницы этого рода перед «царством лилии».

Миро – ароматическое деревянное масло, употребляемое в христианских обрядах.

Диоцез – церковная административно-территориальная единица.

В эти споры, впрочем, ее неоднократно пытались втянуть. В августе 1429 года к ней обратился с письмом граф Арманьяк, запрашивая ее мнение о том, кого из пап она считает настоящим. Весной 1430 года от ее имени было составлено послание к императору, направленное против гуситов.

Бенедисите (фр.) – молитва, произносимая перед приемом пищи.

По определению канонического права колдовство и ересь были различными преступлениями. Колдовство проявлялось в магических обрядах и действиях, ересь – в отклонении от ортодоксальной веры.

«Черное» духовенство – монахи различных орденов – носило, как правило, темные рясы; «белое» духовенство – священники, светские аббаты, епископы и т. д. – одевалось в светлые облачения.

Farewell (англ.) – до свидания, прощайте, доброго пути.

Современные французские историки предпочитают называть его «процессом аннуляции осуждения».

Имя Жанны д'Арк носили несколько партизанских отрядов в 1940–1944 годах.

См., например, эссе Р. Амбелена «Подлинная личность Жанны, так называемой д'Арк» и «Дама дез Армуаз» в книге: Амбелен Р. Драммы и секреты истории. М., 1993.

Р. Перну бессменно руководила Центром до 1986 года.